

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

В.А. Матвеев

**Российская идентичность мусульман
Северного Кавказа: исторические особенности
формирования и проявления в кризисных условиях
на рубеже XIX – начала XX вв.**

Ростов-на-Дону

2015

УДК 930.85
ББК 66.3(24)
М33

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Н.Н. Великая**;
доктор философских наук, профессор **И.П. Добаев**

Матвеев В.А.

М33 Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX – начала XX вв. : монография / В.А. Матвеев ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2015. – 158 с.
ISBN 978-5-9275-1743-5

В монографии анализу подвергается цивилизационная специфика северокавказской окраины Российской империи. Наряду с конфессиональными аспектами проводившейся политики в приложении рассматриваются также демографический и экономический факторы, обуславливавшие развитие интеграционного процесса. Исследование рассчитано на широкий круг специалистов, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений, интересующихся особенностями формирования отечественного мусульманства, историческим опытом проявления его патриотического потенциала в условиях возникновения различных угроз для российской государственности. Материалы могут быть использованы в том числе для чтения спецкурсов.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-1743-5

УДК 930.85
ББК 66.3(24)

© Матвеев В.А., 2015
© Южный федеральный университет, 2015

*Не раз звучал под боя гул
Призыв из уст российских мулл
Стоять! За Родину! Москву! Россию!
Они любить ее просили,
В час испытаний и тревог
Не видели иных дорог...
(стихи автора)*

Введение

Актуальность темы. Конструированию различных сепаратистских проектов на Северном Кавказе способствуют в значительной мере, как известно, ретроспективные искажения, основанные на негативном отображении реалий формирования государственного единства края с Россией¹. Какая опасность исходит от таких презентаций прошлого можно, в частности, проследить по востребованности их в религиозной доктрине ваххабизма, одной из радикальных разновидностей ислама². Нацеленность ее на подрыв устоев российского федерализма опирается прежде всего на утверждения о насильственном присоединении. Оправдывается с помощью соответствующих исторических обоснований и террористическая деятельность³, подчиненная так или иначе достижению независимости. «Моджахеды Кавказа» призываются к началу «освобождения... от русских оккупантов»⁴.

В качестве конечной цели борьбы предлагается «исламское государство», охватывающее территорию «от Каспийского до Черного и Азовского морей» с отнесением северной границы к пределам донских степей. Кавказ после этого, по мнению идеологов, должен стать «Великой Державой», которой Россия платит «налоги за нанесенный ущерб»⁵. Однако такая перспектива не получила поддержки у населения, не воспринявшего «ценности ваххабизма» и намерений отделения от России под какими бы то ни было предлогами, в том числе и религиозными⁶. Отсутствие массовой опо-

¹ Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Майкоп, 1999. С. 29; Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2010. С. 62.

² См. подробнее: Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2003; Селантьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М., 2007.

³ См. подробнее: Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Ростов н/Д, 2015.

⁴ См. подробнее: Нухаев Х.-А. Террор – технология цивилизации. М., 2002; Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004 и др.

⁵ Цит. по: Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 7, 174.

⁶ Там же. С. 176, 180.

ры вынуждены были также признать сторонники других разновидностей северокавказского сепаратизма⁷. В проектах разрушения российской государственности содержатся и скрытые механизмы, представляющие не меньшую угрозу⁸.

В условиях современных вызовов патриотический потенциал российского мусульманства как и ранее оказывается тем не менее не востребованным. На наличие такого феномена впервые обращено внимание в брошюре крымско-татарского просветителя Исмаила бей Гаспринского (1881)⁹. Между тем российское мусульманство как наследие прошлого остается до сих пор не изученным. Существование его проявлялось неоднократно с возникновением внешних и внутренних разрушительных для общего отечества вызовов. Интеграционный потенциал российского мусульманства для его сохранения обнаруживался в реалиях прошлого чаще всего неожиданно.

Так, в самый тяжелый для страны период германского вторжения, приходившийся на 1941–1943 гг., северокавказские муллы объявили газават против фашистов, так и не нашедший по вполне понятным идеологическим соображениям поддержки у Москвы¹⁰. Находились среди них и те, кто всячески поддерживал агрессоров, надеясь на реализацию в той или иной форме своих сепаратистских замыслов. По инициативе этой части мусульманского духовенства Северного Кавказа Гитлер был провозглашен «великим имамом»¹¹. Однако призывы такого рода не находили широкой поддержки. Представители всех без исключения народов края пополнили ряды тех, кто защищал родину. При аналогичных обстоятельствах это происходило и ранее. Мусульманское духовенство неоднократно способствовало формированию патриотических настроений, в которых Россия являлась определяющим фактором.

Отражая мнение верующих, оно не поддержало и попытки разделения

⁷ См. подробнее: Нухаев Х.-А. Россия и Чечня: мир по формуле «Победа – Победа» // Россия и Чечня: поиски выхода. Сб. статей. СПб., 2003.

⁸ Дзидзоев В.Д. Национальные интересы Российской Федерации на Кавказе после «холодной войны» (историко-политологический аспект глобальной проблемы) // Кавказский регион: пути стабилизации: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2004. С. 26–27.

⁹ Гаспринский И. Русское мусульманство. Симферополь, 1881.

¹⁰ Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI век. 1997. № 9–10. С. 112.

¹¹ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. С. 277–278.

российской государственности в постсоветскую эпоху. Прослеживалось это по всем входящим в ее состав субъектам. Особо следует отметить усилия муфтия Чечни А. Кадырова, внесшего вместе с тем весомый вклад благодаря своему авторитету в укрепление позиций традиционного ислама. Российское согражданство было сохранено при поддержке и других представителей мусульманского духовенства. Объективные предпосылки для этого, безусловно, существовали. Неслучайно при разрешении, например, «чеченского кризиса» тенденция на единство с Россией лишь усиливалась.

Даже Х.-А. Нухаев, один из организаторов сепаратистского сопротивления, вынужден был констатировать невозможность отделения значительной части вайнахов, признающих ее своей родиной. С учетом этой реальности им была предложена формула урегулирования конфликта «одна страна – две системы», предусматривавшая обособленное обустройство лишь для тех, кто боролся за «национальную независимость»¹². В разных аспектах этот проект подвергался уже обоснованной критике¹³, и его утопичность в ней убедительно, на мой взгляд, доказана.

Объектом же предпринимаемого исследования избрана цивилизационная специфика северокавказской окраины Российской империи. Предметом анализа являются российское мусульманство на Северном Кавказе, исторические особенности его формирования, взаимодействия с другими отечественными конфессиями, проявление в условиях революционной экстремальности. Исследование соответственно затрагивает преимущественно вторую половину XIX – начало XX в., включая период 1917–1920 гг.

Степень изученности. Когда именно в России стал проявляться интерес к осмыслению мусульманского вероучения, наукой не установлено. Можно лишь с полным основанием отметить, что переводы Корана в ее пределах обрели известность уже во второй половине XVII в. Производились они в тот промежуток времени с польских изданий. Как бы там ни было, но «Алкоран Махметов» приобретали для своих частных библиотек

¹² Нухаев Х.-А. Россия и Чечня: мир по формуле «Победа – Победа». С. 53, 57.

¹³ Великая Н.Н. «Теория» Х.-А. Нухаева в зеркале российской философской мысли XIX в. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2004. С. 31–35; Добаев И.П., Черноус В.В. Отзыв на рукопись Х.-А. Нухаева «Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта» // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости // Южнороссийское обозрение. Вып. 23. Ростов н/Д, 2004. С. 248 и др.

видные государственные деятели¹⁴, хотя знакомство с его содержанием судя по всему было еще не столь значительным. Однако перевод на русский язык 1716 г. имел уже более широкое распространение¹⁵. Такие издания Корана предпринимались и в дальнейшем. Появлялись вместе с тем ознакомительные публикации о мусульманстве. В XIX в. Россия в освоении исламской культуры занимала уже лидирующие позиции¹⁶.

Подтверждением этому является в том числе издание в 1848 г. типографией III отделения «собственно Его Императорского Величества канцелярии» размышлений об отечественном мусульманстве, отразивших в доступной форме уважительные заметки православного автора об основах вероучения¹⁷. Резолюцию «печать позволяется» наложил «От Санктпетербургской Духовной Цензуры... Архимандрит Аввакум»¹⁸. Надзор в виде духовной цензуры в Российской империи устанавливался для книг только религиозного содержания и предназначался в том числе для противодействия образованию сект во всех без исключения конфессиях¹⁹.

Несмотря на полемичность описаний, автор «Писем о магометанстве» отвергает малейшую возможность оскорбить соотечественников другой веры «не только словом, но даже неприятным для них помыслом»²⁰. По его признанию, «одна только искренняя к ним любовь побуждает... говорить»²¹. В прилагавшихся комментариях об исламе разъясняется для тех, кто поставлен управлять Кавказом в непростое время разъяснялось, что «строгое исполнение нравственных правил Корана, в котором есть... много назидательного», должны сделать каждого подданного этой российской окраины «прежде искренним Магометанином»²².

Такие рекомендации в преобладающей степени и формировали российскую политику, хотя на том этапе и признавалась отдельными предста-

¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. VII (т. 13–14). История России в эпоху преобразования. М., 1962. С. 346.

¹⁵ Шафранов В.П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // Из истории партийной организации Адыгеи. Сб. статей. Ростов н/Д, 1976. С. 31–32.

¹⁶ Шукуров Р. По дороге в Индию // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10. С. 32.

¹⁷ Письма о магометанстве. В типографии III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии. СПб., 1848.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 150.

²⁰ Письма о магометанстве. С. 4.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 7–8.

вителями православного духовенства предпочтительность «христианизации». Ставка на ислам в проводившейся политике осуществлялась и впоследствии. Во «Всеподданнейшем отчете за восемь лет управления Кавказом» наместником его императорского величества И.И. Воронцовым-Дашковым выделяются благоприятные для интеграции изменения в конфессиональной сфере, обосновывается необходимость повышения уровня образованности мусульманского духовенства (1913)²³.

Деятельность русских благовестнических миссий на окраинах с применением ретроспективных сопоставлений отражено в этнографическом очерке И. Беяева (1900)²⁴. Об отношении церкви к исламскому исповеданию, равно как и к другим, свидетельствует хотя бы то, что «православная Казань», к слову, распространяла, как пишет исламовед М.А. Батунский, «посредством своих типографий... мусульманские издания по всей России»²⁵. М.А. Миропиев описал с опорой на непосредственное знание верования «религиозное и политическое значение хаджа», представив его как «священное путешествие мухаммедан в Мекку» (1877)²⁶. Для познания ислама переводились на русский язык также издания, осуществлявшиеся за границей. На рубеже XIX – начала XX вв. в России публикуются работы А. Мюллера (1895), Р. Дози (1904)²⁷ и др. История ислама А. Мюллера выпущена под редакцией приват-доцента Н.А. Медникова.

Научное обеспечение переводам трудов зарубежных авторов оказывалось и Лазаревским институтом восточных языков. Работавший в нем профессор арабской словесности А.Е. Крымский написал, в частности, предисловие и редакционные примечания к книге Р. Дози. В приложении к ней помещена статья И. Гольдциэра «Идеалы старо-арабские и идеалы Мохам-

²³ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Государственная типография. СПб., 1913.

²⁴ Беяев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб., 1900.

²⁵ Батунский М.А. Русская клерикальная исламистика и ее оппоненты: круговая оборона и многоцелевое наступление // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. С. 288.

²⁶ Миропиев М.А. Религиозное и политическое значение хаджа, или священное путешествие мухаммедан в Мекку. Казань, 1877.

²⁷ Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Пер. с нем. Под ред. прив.-доцента Н.А. Медникова. Изд. Л.Ф. Пантелеева. СПб., 1885; Очерк истории ислама. Р. Дози. Пер. с фр. В.И. Коменского. С предисловием и редакционными примечаниями профессора арабской словесности Лазаревского Института Восточных языков в Москве А.Е. Крымского. СПб., 1904 и др.

меда»²⁸. Выпускались монографии и российских исламоведов В. Череванского (1901)²⁹, Н. Остроумова (1912)³⁰ и др. О глубине их исследований свидетельствует хотя бы то, что различия (мазхабы) выделялись даже в мусульманском праве (шариате). Литература такого содержания издавалась типографией «Туркестанских ведомостей» при канцелярии генерал-губернатора края в Ташкенте³¹.

В советский период развития отечественной исторической науки на публикации об исламе наложилась схема, предполагавшая отображение контрреволюционной сущности любой религии. В преломлении противостояния «красных и белых» выдержаны были появившиеся уже в 1922 г. воспоминания непосредственного очевидца событий на Северном Кавказе К. Бутаева, в которых содержалась информация и о «шариатском движении Узуна-Хаджи»³². В выпущенных очерках К. Василевского (1930)³³, Л. Климовича (1936)³⁴ отечественное мусульманство соотносится с «реакцией», направленной на сохранение пережитков прошлого. В книге Н.А. Смирнова «Мюридизм на Кавказе» (1963)³⁵ изложена получившая распространение в XIX в. версия в толковании ислама, обосновывавшая необходимость «священной войны» («газавата») против России. Реакционная роль мусульманства отображалась и в преломлении национальных отношений³⁶.

Освещение же специфики конфессиональной ситуации на северокавказской окраине России на рубеже XIX начала – XX вв. под воздействием атеистической пропаганды несколько сужается. По теме ислама выпущена лишь книга А.В. Авксентьева (1973)³⁷. Оценка мусульманства в ней по-прежнему дается с сугубо негативных позиций³⁸. Монографическое обоб-

²⁸ Гольдциэра И. Идеалы старо-арабские и идеалы Мохаммеда // В кн: Очерк истории ислама. Р. До-зи. Пер. с фр. В.И. Коменского. С предисловием и редакционными примечаниями профессора арабской словесности Лазаревского Института Восточных языков в Москве А.Е. Крымского. СПб., 1904

²⁹ Череванский В. Мир ислама и его пробуждение. Историческая монография. Ч. I. СПб., 1901.

³⁰ Остроумов Н.П. Исламоведение. Шариат по школе (мазхаб) Абу-Ханифы. Издание «Туркестанских Ведомостей». Тип. при канц. ген.-губернат. Ташкент, 1912.

³¹ Там же.

³² Бутаев К. Борьба горцев за революцию. (Беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922. С. 32–35.

³³ Василевский К. Ислам на службе контрреволюции. М., 1930.

³⁴ Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936.

³⁵ Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

³⁶ Фазылов М.С. Религия и национальные отношения. Алма-Ата, 1969.

³⁷ Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973.

³⁸ Там же.

щение А.В. Авксентьева, также как и все отмеченные публикации, вносили, несмотря на идеологические издержки в советский период разработки исторических знаний о периферии отечественного Востока, определенный вклад в осмысление проблемы. Однако в них по понятным причинам не показывалась консолидирующая роль для государства отечественного мусульманства и иных религий.

Только в постсоветскую эпоху стали появляться разработки так или иначе отражающие роль исламского фактора в российском цивилизационном контенте на разных этапах его формирования. В очерках В.О. Бобровникова впервые показано использование обычного права и шариата в нагорном Дагестане в условиях перемен, вызванных интеграционными процессами в имперское сообщество (2002)³⁹. Отношение к исламу в России раскрывается в исследовании М.А. Батунского (2003)⁴⁰. В нем также воссоздается практика преодоления разломов географических зон (контактных ареалов), обладавших сложной религиозной спецификой из-за наследия несхожих цивилизаций. В издании содержатся описания различных эпох конфессиональных взаимодействий при формировании «российского народа», включая период XIX – начала XX в. Теме «Россия и ислам» посвящен выпуск «Отечественных записок» (2003)⁴¹, в котором представлены статьи А. Малашенко, В. Зорина, С. Червонной и других авторов⁴².

С.М. Исхаковым поднимается проблема участия мусульман в революционных событиях 1917–1918 гг. (2003)⁴³. В его монографии сосредоточены сведения и о проявлениях общегражданского раскола по ходу противостояния (2004)⁴⁴. Этничность в цивилизационном контексте получала отражение и в других конкретных исторических разработках. В 2007 г. была защищена докторская диссертация О.Н. Сенюткиной «Российский полити-

³⁹ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

⁴⁰ Батунский М.А. Россия и ислам. Т. 1–3. М., 2003.

⁴¹ См. подробнее: Отечественные записки. 2003. № 5.

⁴² Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 56–65; Зорин В. Российский ислам // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). С. 75–81; Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 152–165 и др.

⁴³ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция, весна 1917 г. – лето 1918 г. Дисс. докт. ист. наук. М., 2003.

⁴⁴ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

ческий тюркизм: истоки и закономерности развития (1905–1916 гг.)»⁴⁵, а в 2008 г. – А.К. Тихонова «Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.»⁴⁶ Издания производились и по отдельным составным частям мусульманской культуры. Исследования, в частности, по суфизму позволяют глубже понять конфессиональные особенности северокавказского ареала⁴⁷.

Изученность же различных подходов в преодолении неблагоприятной цивилизационной ситуации дает возможность осмыслить не только существовавшее в прошлом. Интерес для выявления специфики политики на окраинах отечественного Востока представляют и подборки сведений «Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.)»⁴⁸. Использование их информационного контента позволяет комплексно воспринимать интеграционные аспекты проводившейся политики и те затруднения, с которыми сталкивались ее организаторы на практике. Составленное видным современным исламоведом Д.Ю. Араповым, издание сопровождается его же вступительной статьей в предисловии и пояснительными комментариями⁴⁹.

Уточнение понятий. В дополнение к историографическому обзору определим позицию по встречающейся формулировке «российский ислам»⁵⁰. Применение ее, безусловно, неправомерно, так как любая монотеистическая религия, в том числе и христианство, имеет единую догматическую основу. Ислам также не предполагает этнических ответвлений. На это указывается в трудах богословов. Муфтий Гайнутдин Равиль, видный современный отечественный религиозный деятель, по этому поводу дает такое разъяснение: «Ислам, по определению священного Корана, основывается на неизменном вероучении... ниспосланном Аллахом. И с этой точки зрения нет и не может быть ислама российского, арабского, турецкого, ин-

⁴⁵ Сенюткина О.Н. Российский политический тюркизм: истоки и закономерности развития (1905–1916 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Нижний Новгород, 2007.

⁴⁶ Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 2008.

⁴⁷ Хисматулин А.А. Суфизм. СПб., 2008; Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Ростов н/Д, 2009 и др.

⁴⁸ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. Составитель и автор вступительной статьи, предисловия и комментариев Д.Ю. Арапов. М., 2006.

⁴⁹ Там же. С. 5–16.

⁵⁰ См. например: Зорин В. Российский ислам // Отечественные записки. № 5 (14). 2003. С. 75–81.

донезийского. Мусульмане России, так же как и их зарубежные единоверцы, живут на основе религии Аллаха, придерживаются положений, вытекающих из Священного Корана и Сунны»⁵¹.

Авторитетный богослов в связи с этим сделал и такое разъяснение: «мы вправе говорить, что есть и будут мусульмане России, Турции, Аравии, Индонезии... Они отличались и отличаются историческим... религиозным опытом»⁵². Резюмируя изложенное, муфтий обращает внимание, что «отечественного мусульманина» нельзя рассматривать «на одном уровне с единоверцами из стран дальнего зарубежья»⁵³. Различия, заметим, весьма существенные. Трансформациям, связанным с этнополитическими интеграционными процессами, подвержено, таким образом, только мусульманство, означающее исповедование ислама теми или иными общностями людей.

Консолидирующую роль для восточного славянства, как известно, играло православие. Сложилась его русская вариация, но нет такой разновидности христианства из-за единой символики веры, общности религиозных представлений. В предпринимаемом исследовании используются формулировки, не затрагивающие канонический спектр отечественных и зарубежных конфессий. Для понимания специфики религиозной обстановки на северокавказской окраине Российской империи и характеризующих реальность терминов, наряду с исламом⁵⁴, учитываются также богословские версии христианства⁵⁵ и буддизма⁵⁶. Изложенные уточнения должны, безусловно, применяться при исследовании исторических особенностей формирования российской идентичности мусульман на Северном Кавказе. Пояснения по иным понятиям отображаются в контексте систематизаций.

⁵¹ Гайнутдин Равиль, муфтий. Ислам в современной России. М., 2004. С. 150.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 151.

⁵⁴ Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. десятое, доп. М., 2008; Хадисы пророка. Перевод и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. четвертое. М., 2008.

⁵⁵ Библия. Ветхий завет. М., 2009.

⁵⁶ Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2009.

Глава I

Конфессиональные особенности окраины

Процесс исламизации

При вхождении в состав Российской империи различные иноэтнические сообщества нередко возлагали надежды не только на охрану интересов «прочным государственным порядком», но и на «религиозную свободу»¹. Проводившаяся политика на ее окраинах в отношении иных конфессий отличалась от зарубежных практик. Делясь впечатлениями после поездок за границу, в ходе которых произошло в том числе знакомство с устройством европейских стран и колоний, крымско-татарский просветитель И. Гаспринский отметил: «Русские мусульмане по законам нашего отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважение их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы»².

Мусульманство наряду с другими конфессиями имело равноправный статус и на Северном Кавказе, а исповедовавшее его население признавалось официально верноподданным³ или субъектом «единого отечества». В своде законов Российской империи содержалось специальное разъяснение: «все, присягая царю на верность подданства на кресте и Евангелии или по своей вере и закону, становятся русскими подданными, независимо от национальности и вероисповедания»⁴. Принцип религиозной свободы, таким образом, охранялся государством и предполагал неукоснительное соблюдение.

По российским законам запрещению подвергалось «порицание других церквей», тогда как представители католического духовенства и в XIX в.

¹ Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 3. Персидская война (1826–1828 гг.). Ставрополь, 1993. С. 580.

² Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 258.

³ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб. 1898). Л., 1991. С. 170; Исаев И.А. История государства и права России. Курс лекций. М., 1993. С. 150.

⁴ Полный свод законов Российской империи: В 2 х кн. / Под ред. А.А. Добровольского. Кн. 1. Т. 1. СПб., 1911. С. 4–5, 28.

продолжали придерживаться принципа «чья власть, того и вера»⁵. В статье 62 главы 7 «О вере» свода законов Российской империи констатировалось: «Первенствующая и господствующая... вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». Вместе с тем статья 67 дополняла данную правовую норму важным уточнением: «Свобода веры присвоается не токмо Христианам инославных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и Язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и вероисповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи»⁶.

Некоторые исследователи полагают, что принцип веротерпимости в российской политике утвердился после указа Екатерины II 1773 г., передавшего общее заведование различными конфессиями светской, а не религиозной власти и оградившего тем самым «иноверные исповедания» от какого-либо влияния православной церкви⁷. Однако наличие такого подхода в обустройстве государства прослеживается и на более ранних этапах. Когда в 1584 г., например, в Стамбул (Константинополь) был отправлен из Москвы посланник Благов для извещения султана о вступлении на престол царя Федора Ивановича, ему было поручено вместе с тем «убедить турецких пашей» в безосновательности «жалобы Оттоманской Порты на притеснения магометан в России» и разъяснить, что их вера «на русской территории нигде не притесняется»⁸. Прибывшие специальные эмиссары из этой страны убедились в полной правдивости представленной на этот счет информации⁹.

⁵ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. Св.-Троицкий монастырь, 1991. С. 164–165; Ивонин Ю.Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI в. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 43.

⁶ Полный свод законов Российской Империи. С. 1, 6–7.

⁷ Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). Составитель Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 18; Ерасов Б.С. Выбор России в Евразийском пространстве // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 1. М., 1994. С. 49; Исаев И.А. Указ. соч. С. 151.

⁸ Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева. Московский университет. Ученые записки. Вып. 11. М., 1896. С. 75.

⁹ Там же.

Объяснение отсутствию в России «озлобления против ислама» видели в существовавшем в империи Чингисхана цивилизационном компромиссе. Вследствие этого православное население «не испытывало никаких религиозных притеснений»¹⁰. Ограничившись политическим господством над Русью, монголы «ее церкви не только предоставляли полную свободу и независимость, но и оказывали особое покровительство»¹¹. Такое отношение к другим исповеданиям во времена их евразийского владычества имело весьма широкое применение¹². Сосуществование государственной религии (конфуцианства) с другими конфессиями, среди которых достаточно многочисленной была исламская, установилось и в Китае, также являвшемся когда-то частью империи Чингисхана¹³. Южные славяне в пределах Оттоманской Порты, как христиане, напротив, подвергались религиозным притеснениям. Несмотря на это, они с пониманием относились к тому, что в России отношение к исламу основывалось на принципе веротерпимости¹⁴.

Выдерживался он и при установлении единства с Кавказом. Когда после одной из проигранных битв в годы русско-персидской войны (1826–1828) предводитель персов Гассан-хан в бессильной злобе хотел предать огню знаменитый Эчмиадзинский монастырь, один из старейших беков бросил горький упрек ему: «Сардарь, русские два раза были в Эриванском ханстве, два раза терпели поражение, но, уходя назад, никогда не оскорбляли магометанской святыни»¹⁵. Принцип веротерпимости являлся определяющим также при формировании политики по ходу Кавказской войны. Уважительное отношение к исламу не менялось несмотря на то, что в отдельные ее периоды религиозное противостояние достигало крайнего предела и сопровождалось ростом фанатичности масс. Вследствие этого этнодемографическая составляющая «священной войны» («газавата») против России в региональном масштабе обретала тенденцию к расширению.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ Там же.

¹² Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Тверь; М., 1999. С. 7.

¹³ Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 2. М., 1995. С. 215.

¹⁴ Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева. С. 150.

¹⁵ Потто В.А. Указ. соч. С. 154.

Профессор Тельавивского университета М. Гаммер политику России на Кавказе называет неоднократно «антиисламской», заявляя, что она «грозила кавказским народам потерей своей самобытности», предполагала отмену шариата и т.д., и не сопоставляет с этими заключениями имеющиеся в его распоряжении сведения, проясняющие подлинное отношение к мусульманской религии. Факты и оценочные суждения в его систематизации остаются в разных плоскостях, нередко противореча друг другу. В одном из обобщений, в частности, говорится: «Даже в ходе ожесточенных сражений мечети оберегались русскими войсками»¹⁶. И это действительно имеет подтвержденность.

Когда после одной из проигранных битв, например, в период русско-персидской войны предводитель персов Гассан-хан в бессильной злобе хотел предать огню знаменитый Эчмиадзинский монастырь, один из старейших беков упрекнул его: «Сардарь, русские два раза были в Эриванском ханстве, два раза терпели поражение, но, уходя назад, никогда не оскорбляли магометанской святыни»¹⁷. Об отношении к исламу в период утверждения «русского владычества» на Кавказе сохранилось и такое упоминание: «Герменчук, самый большой чеченский аул, имевший три мечети, из которых лучшая была построена на деньги, пожалованные Ермоловым»¹⁸.

В мусульманском мире, находившемся в зависимости от европейских стран или Турции, в свое время также было известно, что «русские не доказывают своего религиозного превосходства»¹⁹. В восточных ареалах Российской империи, в частности, в Средней Азии, проповедь православия не допускалась и все попытки обращения в эту веру, предпринимавшиеся «туземным населением», в среде которого ислам недостаточно глубоко укоренился, отвергались²⁰. Наблюдавшие деятельность русской администрации в только что присоединенных районах Средней Азии во второй половине

¹⁶ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. Пер. с англ. М., 1998. С. 73, 91, 271.

¹⁷ Потто В.А. Указ. соч. С. 154.

¹⁸ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Составитель М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 22.

¹⁹ Терентьев А.М. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. С. 352–353, 358.

²⁰ Там же.

XIX в., замечая отличия от деятельности европейцев в зависимых странах Востока, констатировали: «Русские покушались строить мечети, поставлять мулл и проч.»²¹ Такая практика наблюдалась и на Северном Кавказе.

Подходы, направленные на укрепление вероучений, применялись и в отношении других религий. Поддерживалось все наиболее прогрессивное и связанное с традициями. При вхождении в состав России буряты, например, преимущественно были шаманистами, но покровительство, оказанное русской властью более культурным ламам, способствовало в значительной степени укреплению их учения у соплеменников²². Представляемая ими религия получила более широкое распространение. Ее позиции существенно укрепились.

Противопоставляя в делах веры политику Шамиля, М. Гаммер заявляет, что тот «никогда не навязывал обращения в ислам». Затем он отображает реальность, опровергающую данное утверждение. Сообщается, к слову, об убежденности имама, что «обращать в истинную веру» необходимо только «посредством силы»²³. Оказывается на самом деле отношение Шамиля к иным религиям и их приверженцам «строго определялось канонами шариата», а «в Дагестане и Чечне» происходило все же его «насильственное введение»²⁴. Более того известно, что для этих целей предпринимались усилия с его стороны искоренить все связанное с прошлым, в том числе даже эпические упоминания о старине, мифы, легенды, составлявшие уникальное духовное достояние каждого народа²⁵. Создавая объемный труд, М. Гаммер судя по всему особо не беспокоился о его соответствии критериям научности, не допускающим взаимоисключающие доказательства.

Поиск противовесов религиозному фанатизму подсказывал по ходу Кавказской войны формировавшим российскую политику в крае администраторам необходимость ставки на традиционализм и унаследованные от предшествующих этапов развития стереотипы функционирования «тузем-

²¹ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870. С. 34–35.

²² Россия: Энциклопедический словарь. (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 152.

²³ Гаммер М. Указ. соч. С. 321, 344, 347.

²⁴ Там же.

²⁵ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М, 2001. С. 170.

ных обществ». Эта мера, как предполагалось, должна была создать некий барьер на использование ислама во враждебных для России целях, но она не была направлена против самой религии. При этом вырабатывались взвешенные и весьма осторожные подходы, так как цивилизационные приоритеты в ходе противостояния на Северном Кавказе имели огромное значение. Конфессиональные противоречия продолжали сказываться и впоследствии.

Повышенная же склонность к религиозному фанатизму во второй половине XIX в. отмечалась именно в районах, входивших когда-то в имамат Шамиля и служивших главным плацдармом войны, источником ресурсов, прежде всего людских, для ее ведения. В этом отношении особенно выделялся ряд чеченских обществ в нагорной полосе. Степень исламизации населения здесь оказалась более высокой, чем в равнинных ареалах. Кабардинцы, как и другие мусульманские народы, придерживавшиеся российской ориентации, к возбуждавшей фанатизм религиозной агитации были невосприимчивы²⁶. При закреплении северокавказской окраины в составе России существовала потребность учета этих особенностей. В проводившейся политике это так или иначе находило отображение.

Однако на ситуацию влияние оказывали и не зависевшие от нее обстоятельства. Вероятность религиозных столкновений обуславливалась не только идеологическими противоречиями двух конфессий, христианской и мусульманской, носившими в прошлом, до вхождения в состав России, непримиримый характер, но и доктринальными разногласиями в самом исламе. В среде мусульманского населения на Кавказе они появились вследствие влияний, исходивших из Ирана, где был распространен шиизм, и Османской империи, в пределах которой утвердился суннизм. В северных частях края получила преобладание последняя разновидность ислама.

Данное соотношение, как показывал опыт зарубежных мусульманских стран, не уменьшало опасность силового разрешения споров между шиитами и суннитами, обвинявшими друг друга в приверженности «неистинному исламу», отклоняющемуся от первоизданной канонической сути.

²⁶ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 26-об, 29.

Шииты были убеждены, что именно их версия веры соответствует «древним установлениям», берущим истоки якобы от самого пророка Мухаммеда. Сунниты, напротив, только себя признавали последователями «истинной религии» и обвиняли своих оппонентов в «нетерпимости и экстремизме». Шииты, в свою очередь, считали неприемлемой практику учета «единодушного мнения общины» при принятии тех или иных решений религиозного свойства и отдавали приоритет духовному вождю (имаму), доказывая, что его предназначение имеет божественное происхождение, чем объясняется, по их утверждениям, «непогрешимая мудрость» высшей религиозной власти²⁷.

Вследствие этих разногласий в исламе существовала потенциальная опасность регионального конфликта. При посещении Кавказа в 1858–1859 гг. французский писатель А. Дюма зафиксировал по рассказам сопровождавших его представителей русской администрации существовавшую в крае реальность, что из-за «религиозного различия» исповедующие шиизм и суннизм «ненавидят друг друга так же искренне и глубоко, как в XVI столетии католики и гугеноты»²⁸. Несмотря на происходившие подвижки в идеологической сфере, как показывали различные события, этот антагонизм сохранялся.

В свою очередь у суннитов на Северном Кавказе сложилось разделение по принадлежности к направлениям ханифитского и шафиитского толков (мазхабов). Приверженность к первому установилась у абазин, адыгов, черкесов, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, ногайцев, туркмен и части осетин, ко второму – у значительной части населения Дагестанской области (за исключением мест расселения азербайджанцев, лезгин, цахуров и части татов). Православие соответственно распространение имело в среде русских (восточных славян), а также у осетин, моздокских кабардинцев и др. В составе казачества сохранилась также прослойка старообрядцев. В пределах Северного Кавказа существовали вместе с тем общины сектан-

²⁷ Максуд Р. Ислам. М., 2000. С. 40–41; Добаев И.П. Указ. соч. С. 115–116, 128, 193, 258–259.

²⁸ Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988. С. 123.

тов, католиков, иудаистов и др.²⁹

Продвижение же в ареалы с мусульманским населением происходило при помощи самого ислама. Отсутствие в России «притеснений по религиозным мотивам» отмечают, делясь воспоминаниями своих предков, и потомки мухаджиров (этнических иммигрантов с Северного Кавказа второй половины XIX в.) в Турции³⁰. Напротив, по их заверениям, именно в этой стране переселенцы столкнулись с запретами на использование родного языка и культуры, не говоря уже о возможности их творческого развития. Обучение детей и отправление религиозных обрядов разрешалось только на официальном языке Османской империи. Для этой цели во все мечети, связанные с местами расселения выходцев с Кавказа, направлялись представители «турецкой национальности»³¹.

При проведении российской политики на окраинах с мусульманским населением осуществлялись иные подходы, в которых учитывалась этническая и религиозная специфика. В открывавшихся на Северном Кавказе в аулах казенных школах право на преподавание основ ислама предоставлялось представителям от самого населения, получавшим духовный сан, так же как и отправление обрядов в мечетях³². Примечательно, что данный тип образовательных учреждений опирался на государственную поддержку и являлся соответственно объектом правительственного контроля.

Уважительное отношение выдерживалось в Российской империи и к мусульманской традиции, предписывавшей каждому верующему хотя бы раз в жизни совершить паломничество («хадж») в Мекку «для поклонения гробу пророка Магомета»³³. Для желающих посетить в соответствии с религиозными установлениями мусульманские святыни препятствий не существовало. Паломникам в отдельных случаях выделялась от казны помощь, что указывает на наличие официальной поддержки явления «хад-

²⁹ Великая Н.Н. Религиозные верования народов Северного Кавказа // Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010. С. 223.

³⁰ Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 41, 56.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. 10-е изд. доп. М., 2008. С. 364.

жа»³⁴. Имелись в «Русском обществе пароходства» и специально оборудованные «паломнические» пароходы «для удобства господ хаджи»³⁵. На этих судах существовали «все необходимые помещения и приспособления соответственно их обычаям... устраивались места для молений» и три раза в день бесплатно отпускалась «горячая вода для чая», а заболевшим в пути оказывались также бесплатно врачебные услуги и отпускались лекарства³⁶.

Разрешено было совершить паломничество вскоре после наступления мира на Кавказе и имаму Шамилю³⁷. Запрета на «хадж» не появилось в России даже с наступлением периода революционной нестабильности. Только в 1906–1907 гг. из Севастополя отошли четыре паломнических парохода в Геджас, откуда начинался один из сухопутных маршрутов к исламским святыням на территории Османской империи, и обратно³⁸. Отправление таких пароходов происходило кроме того из Одессы и других южных портов. Не прерывался «хадж» и тогда, когда при помощи турецкой агентуры, «богомольцев, возвращавшихся из Мекки», предпринимались представлявшие опасность попытки активизировать во враждебных целях исламский фактор в пределах Российской империи. Они отслеживались Министерством внутренних дел, но запрет на паломничество мусульман в святыне места так и не устанавливался³⁹.

В России поддерживался в проводимой политике во второй половине XIX – начале XX в. и курс на «исламское просвещение». После вхождения в ее состав тех или иных мусульманских народов поощрялось открытие у них новых средних и высших духовных школ (мектебе и медресе). В Туркестанском крае они существовали почти в каждом кишлаке⁴⁰. На Кавказе их насчитывалось до 2 тыс.⁴¹ По количеству открывшихся учебных заведений, где велось преподавание ислама, Россия тогда, пожалуй, не уступала зарубежным мусульманским странам. Эти учебные заведения в крае суще-

³⁴ Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк. Сост. М.Н. Чичагова. С. 200, 202.

³⁵ Приложения архивных материалов // См. в кн.: Думанов Х.М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994. С. 60.

³⁶ Там же.

³⁷ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. Сост. М.Н. Чичагова. С. 202, 206.

³⁸ Приложения архивных материалов // См. в кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 58.

³⁹ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

⁴⁰ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 94–95.

⁴¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1110. Л. 17; Д. 1229. Л. 55-об.

ственно преобладали над «министерскими школами», открывавшимися официально⁴². Соотношение это стало меняться лишь с конца XIX в., но в прежней пропорции сохранилось до 1917 г.

На северокавказской окраине в тот период при мечетях действовало более 2 тыс. мектебе и медресе⁴³. Распределялись они как и молельные учреждения неравномерно: 45% приходилось на восточную часть и только 2,1% – на западную⁴⁴. Мектебе являлись школами низшего типа, по законам Российской империи для их открытия не требовалось официального разрешения ни краевой, ни верховной власти. Оно зависело только от наличия учащихся и тех, кто изъявлял готовность вести преподавание. Поэтому мектебе имелись во многих аулах. Медресе же являлись учебными заведениями более высокого уровня и существовали лишь в наиболее крупных населенных пунктах⁴⁵. Утверждение о том, что «имперская администрация не поддерживала инициативы мусульман» в намерении создавать при мечетях школы⁴⁶, не соответствует действительности.

Преподавание в мектебе и медресе зачастую вели посланцы из мусульманских стран зарубежного Востока, преимущественно из Турции, насаждавшие «чуждые понятия»⁴⁷, что способствовало, безусловно, повышению предрасположенности к сепаратизму. На эти учебные заведения опиралась чаще всего и иностранная агентура, проникавшая на северокавказскую окраину для проведения агитации за отторжение ее от России⁴⁸. Отношение к ним среди мусульманского населения постепенно менялось, из-за чего количество их постоянно сокращалось. Они функционировали вне правительственного надзора и финансовой государственной поддержки не получали⁴⁹. Церковно-приходские школы, напротив, субсидировались казной. Если же они находились в станицах, то на их содержание дополни-

⁴² Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 93; Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк. Сост. М.Н. Чичагова. С. 22, 104.

⁴³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1110. Л. 2.

⁴⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 59-р. Л. 74–75; Д. 69-е. Л. 60; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 12–13. (Подсчет авт.)

⁴⁵ История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 346.

⁴⁶ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 277.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 7; Жизнь национальностей. 1922. 14 мар.

⁴⁸ Янчевский Н. От победы к победе. С. 40.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 7.

тельно отчислялись и денежные пособия из войскового капитала⁵⁰. Для развития грамотности среди казаков помимо церковно-приходских школ существовали и станичные училища⁵¹.

Но запрета на открытие и образовательную деятельность мектебе и медресе не существовало. Исламское просвещение в России предназначалось не только для подданных мусульман. Богословская литература, в частности Коран, переводилась и на русский язык. Поощрялось строительство новых мечетей, количество которых до появления кризисной ситуации в империи также неуклонно возрастало. Так, в аулах Екатеринодарского и Майкопского отделов Кубанской области в 1894 г. их было 102, а к 1917 г., – насчитывалось уже более 150⁵². В проводившейся политике на Кавказе, так же как и на других окраинах с мусульманским населением, эта линия выдерживалась весьма последовательно⁵³.

Строительство мечетей с минаретами не встречало препятствий даже в самых отдаленных местах Российской империи, где появлялись общины верующих. Производилось оно, например, ссыльными поселенцами на острове Сахалин. Для строительства мечетей здесь в соответствии с установившейся практикой по всей стране использовались собираемые средства и пожертвования⁵⁴. Но так возводились молельные учреждения и во всех остальных отечественных конфессиях. Исповедовавшие православие исключений не имели. Инициатива в возведении мечетей на острове Сахалин в ряде случаев принадлежала тем, кто ранее выполнял функции священнослужителей⁵⁵.

В г. Александровске, к слову, строительство осуществлял «на свой счет» мулла, выходец из Дагестанской области. В других населенных пунктах привлекались вместе с тем средства верующих. Из своей среды общины различных исповеданий выбирали и духовных наставников. Отбывавшие ссылку мусульмане имели возможность выдвигать по своему усмотрению

⁵⁰ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 7; Жизнь национальностей. 1922. 14 мар.

⁵¹ Караулов М.А. Указ. соч. С. 310.

⁵² Шафранов В.П. Указ. соч. С. 31–32.

⁵³ Там же. С. 32.

⁵⁴ Чехов А.П. Остров Сахалин. М., 2004. С. 90, 303.

⁵⁵ Там же.

мулл. Администрация в эти решения не вмешивалась. Различие с обычной общеимперской практикой заключалось лишь в том, что представители низшего мусульманского духовенства не получали официального статуса⁵⁶.

Строительство мечетей, равно как и выборы низшей категории мусульманского духовенства, и на Северном Кавказе опирались на инициативы самого мусульманского населения. Связанные с этим «приговоры горских обществ» при соблюдении норм не встречали препятствий. Подтверждением этому служит, в частности, намерение тулатовцев возвести мечеть в 1907 г. «в честь государя императора... в память благополучного избавления от покушения на его жизнь»⁵⁷. Такие инициативы замечались и вызвали незамедлительный отклик монарха. На телеграмме, присланной по этому поводу начальником Терской области, он наложил резолюцию со словами искренней благодарности⁵⁸. Возводились мечети на мусульманских окраинах России и в честь 300-летнего юбилея «царствующего дома Романовых», широко отмечавшегося по всей империи в 1913 г.⁵⁹

Укрепление же начал мусульманского вероучения во второй половине XIX – начале XX в. является показателем наметившегося «исламского ренессанса» на ее территории. Этого не смогли достигнуть за предшествующий период в мусульманских регионах России заинтересованные сопредельные страны. Вследствие проводившейся политики на восточных окраинах, в том числе и на Северном Кавказе, исламизация населения возрастала. Причем это происходило в среде даже тех народов, которые до вхождения в состав России были подвержены этому процессу весьма поверхностно. Показателями «исламского ренессанса» на территории Российской империи в тот промежуток времени являются открытие мечетей, функционирование религиозного обучения, сохранившееся каноническое общение с единоверцами за рубежом.

Укреплению мусульманства на окраинах отечественного Востока способствовало и наличие легитимности. Эти показатели «исламского ренес-

⁵⁶ Там же. С. 303.

⁵⁷ Кавказ. 1907. 9 июня.

⁵⁸ Кавказ. 1907. 9 июня.

⁵⁹ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 357–357-об.

санса» типичны для любого периода⁶⁰. Укрепление начал вероучения предпринималось русскими властями прежде всего «для поднятия нравственности и гражданственности» на восточных окраинах⁶¹. Двойственное цивилизационное тяготение, имевшее ярко выраженный восточный вектор, в начале XX в., как показывает предпринятый анализ, на Северном Кавказе сохранялось.

Проводившиеся на северокавказской окраине преобразования в духовной сфере укрепляли, как видно, авторитет самой религии в жизни иноэтнических сообществ, способствуя исламизации населения. Это происходило в среде даже тех народов, которые до вхождения в состав России были подвержены этому процессу поверхностно. Мусульманство вследствие этого укрепило свои позиции, обрело конструктивный для формирования целостности российской государственности потенциал. Оно перестало играть враждебную роль, превратившись и на северокавказской окраине в элемент общероссийской консолидации.

Позиции православия

При формировании общегражданского единства преобладающее значение в российской политике отводилось вместе с тем официальной религии. Поэтому на Северном Кавказе, как и в иных специфических частях пространства империи, существовали конфессиональные ограничения, не препятствовавшие свободе исповедания ислама, но дававшие некоторые преимущества православию. И то они касались лишь несанкционированных процессов, попыток распространения мусульманского вероучения в среде приверженцев других исповеданий. Православным, как и всем христианам, был запрещен отход от своей церкви и переход в иноверные конфессии, в том числе обращение к исламу⁶². Ограничения сводились к недопущению проповеди этой религии в среде представителей других конфессий, и прежде всего христиан, что в условиях не достигнутого цивилизационного совмещения было вполне оправданно.

⁶⁰ Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5. (14). С. 56.

⁶¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 17.

⁶² Россия: Энциклопедический словарь. (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 170.

Проявлений дискриминации здесь не существовало, и принцип свободы вероисповедания в этом весьма сложном ареале России не исключался из складывавшейся системы государственных отношений. Запрет был установлен и на распространение вероучения раскольников (старообрядцев) для предотвращения дальнейшего разобщения идеологического поля православия. В этой связи регламентация деятельности производилась и для духоборов⁶³. Восприятие их предопределялось отношением к сектантам⁶⁴. Однако все охранительные меры в идеологической сфере, за исключением отселений на окраины империи, не подкреплялись, как правило, силовым давлением, принуждающим к отречению, и не затрагивали исповедных особенностей противоречащих официальной церкви разновидностей христианства. Ненужность ряда запретительных мер осознавалась и теми, кто был непосредственно причастен к формированию российской политики на окраинах⁶⁵.

Внимание на это обращалось еще с начала XVIII в. На самом высоком уровне уже тогда, в частности, признавалось неоднократно пограничное положение на Тереке гребенских казаков, сохранявших верность старообрядчеству, их «без измены», несмотря на религиозную оппозиционность, служение отечеству и государю на Северном Кавказе. Учитывалась также и расположенность их поселений в мусульманском окружении, существенно преобладавшем в восточных частях окраины. Гребенские казаки не выступали против официального православия, соблюдали все законы империи и государственные установления. При возникновении рецидивов притеснений в делах веры со стороны Кавказской епархии они получали поддержку наместника и даже Синода. Однако конфессиональное принуждение по отношению к гребенским казакам в действительности в ряде случаев допускалось и приводило к нежелательным для России последствиям, ослаблявшим ее позиции на южном порубежье, где они играли роль сдерживающей силы⁶⁶.

⁶³ Ферро М. Николай II. Пер. с фр. М., 1991. С. 20.

⁶⁴ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 2.

⁶⁵ Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С. 66.

⁶⁶ Великая Н.Н. Официальное православие и гребенские казаки в XVIII – начале XX вв. // Южно-российское обозрение. Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России. Сборник научных статей. Ростов н/Д, 2003. С. 31, 37.

Часть из них, оставляя обжитые места, уходила к Шамилю, получая покровительство имама в делах веры⁶⁷. Россия же из-за просчетов в политике несла демографические потери. За счет этого ослаблялись ее геополитические и цивилизационные позиции в крае. К середине XIX в. в составе Кавказского линейного казачьего войска старообрядцы составляли всего 16%⁶⁸. Состояние раскола в православии тем не менее на принципе сосуществования было преодолимо, что прояснило последующее развитие. Поскольку процесс смены кодов цивилизационного развития связанный с исламизацией «туземных обществ» не завершился на Северном Кавказе и во второй половине XIX в., наделенные соответствующими полномочиями верховной властью представители чиновничества в крае, ответственные за проводимую политику, до прояснения реальности полагали, что Россия должна оказывать свое влияние на его исход.

Этим объясняется признававшаяся предпочтительность христианизации горцев, но эта идея поддерживалась лишь непродолжительное время. В дальнейшем влияние на северокавказские этнические общности, принявшие ислам, стало осуществляться через само вероучение. Мусульманство постепенно превращалось в неотъемлемую составляющую формировавшегося в пределах империи евразийского цивилизационного синтеза. Тем самым задействовался внутренний конфессиональный потенциал, что в действительности оказывало более эффективное воздействие на обстановку. Смена же вероисповедных идеологических парадигм, напротив, наталкивалась на препятствия и нередко сопровождалась осложнениями. Ставка на нее обуславливалась учетом распространенности христианства в ряде «туземных обществ» на предшествующих этапах.

Не являлись исключением даже нагорные районы Северного Кавказа и Дагестана, что подтверждается существованием здесь в прошлом епархий⁶⁹. Столкнувшись с устойчивостью процесса исламизации, русские власти отказались от нетипичного для других восточных окраин подхода. Мусульманство на Северном Кавказе, укрепляло свои позиции⁷⁰. Изложенное

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ История Ставропольской митрополии. Очерк. Ставрополь, 2012. С. 6.

⁶⁹ Великая Н.Н. Религиозные верования народов Северного Кавказа. С. 239, 241–242, 246.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 7; Ф. 970. Оп. 1. Д. 1744. Л. 31; Дагестанские ведомости. 1913. 7 янв.

выше указывает и на то, что представители краевой администрации на протяжении длительного времени вели поиск оптимального варианта идеологии и использовали этот фактор для укрепления государственного полиэтнического единства.

На признании предпочтительности христианизации местных народов «в видах их теснейшего соединения с Россией» правительственная политика в религиозном вопросе строилась лишь на начальных стадиях интеграции. Идее «крещения иноверцев» была привержена тогда и русская православная церковь⁷¹. Для этой цели на северокавказской окраине при некоторых ее епархиях действовали специальные «противомусульманские» и «противобуддийские» секции⁷². Их предназначение сводилось в том числе к ограждению православного населения края от влияния иноверных религий. В этом можно усмотреть элемент этноконфессиональной защиты.

Вместе с тем в своеобразной форме при помощи таких мер достигались и цели укрепления государства. Ослабление позиций других религий, тем более их вытеснение, запрещалось имперским законодательством. Их канонические устои также, как и православия, оберегались от сектантства. По указу, изданному в 1833 г. за подписью самого императора Николая I, «мусульмане России должны выполнять все требования своей религии, строго соблюдать ее догматы»⁷³. За «вероотступничество» предусматривались даже телесные наказания⁷⁴.

Для совмещения цивилизационных различий задействовались и православные образовательные учреждения. Еще в 1846 г. при поддержке наместника М.С. Воронцова в Ставрополе была открыта духовная школа, получившая наименование Кавказской семинарии. В изданном по этому поводу указе Синода устанавливалось ее подчинение «Казанской Духовной Академии»⁷⁵, обладавшей опытом просветительской деятельности на восточных окраинах Российской империи. Помимо обязательных дисциплин в учебную программу семинарии было включено изучение языков «тузем-

⁷¹ ЦГИА РГ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 148-об-149; РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 109. Л. 44.

⁷² Фазылов М.С. Религия и национальные отношения. Алма-Ата, 1969. С. 20.

⁷³ Добромыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912. С. 64.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Ставропольская Православная Духовная Семинария. 1846–2011. Очерк истории старейшей на Кавказе духовной школы. № 165. Издательский центр «Ставропольской Православной Духовной Семинарии». Ставрополь, 2011. С. 6.

ных народов» Северного Кавказа. Принимаются для обучения «дети из осетин, черкесов, грузин, калмыков». Наряду с этим проводилась подготовка и «богословски образованных» православных священников, знакомых с местными обычаями⁷⁶.

Преодолению цивилизационного разлома для сближения населения империи служило также «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», учрежденное в 1860 г. Его координирующий центр размещался в Тифлисе, откуда осуществлялось все управление краем, а на местах – филиалы⁷⁷. В регламентирующих деятельность этого общества документах четко было обозначено намерение «восстановить православное христианство в кавказских племенах», но отнюдь не утверждение его при помощи принуждения. Вместе с тем разъяснялось, что «восстановление между горцами христианства необходимо в видах собственной их семейной и общинной пользы и государственного дела: теснейшего соединения их с Россиею»⁷⁸.

Деятельность общества нельзя отрывать от эпохального контекста. Приниматься во внимание должна и активность в тех условиях мусульманского духовенства (мулл и эфендиев), точнее его наиболее радикальных прослоек, по распространению ислама, которое проходило не без трудностей и в ряде случаев с применением насилия. В разрабатывавшихся проектах по восстановлению православия предлагалось «ускорить высылку за границу фанатиков» и другие меры для противодействия их усилиям⁷⁹. В конце XIX в. в Ставрополе учреждается епархиальный комитет «Православного миссионерского общества». На него возлагалось руководство соответствующей деятельностью среди буддистов и мусульман⁸⁰.

Для подготовки проповедников в Ставропольской Духовной семинарии открываются краткосрочные курсы. Миссионеры в пределах края проводили работу и с сектантами. В некоторых случаях им удавалось добиваться обращения в православие. Крещение принимали, например, отдель-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ЦГИА РГ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 148-об-149.

⁷⁸ ЦГИА РГ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.

⁷⁹ ЦГИА РГ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 149, 154.

⁸⁰ История Ставропольской митрополии. С. 20.

ные представители калмыков-буддистов⁸¹. Несмотря на прилагавшиеся усилия, «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», просуществовав до 1917 г.⁸², тем не менее так и не смогло по большому счету вернуть прежние весьма широкие параметры исповедания этой религии в среде горских народов.

Среди представителей иноверных конфессий, так же как и в отношении различных русских сектантов и раскольников, православная церковь действовала посредством благовестнических миссий. Осуществление этой деятельности координировалось советом в Москве и его комитетами при епархиях. Организация миссий была приспособлена к местным условиям с учетом их особенностей. Они имели в соответствии с этим и свои характерные названия: астраханская, киргизская, алтайская, чукотская, камчатская и т.д.⁸³ Но в России миссионеры, как в католической церкви, проводившие работу по обращению в христианство со ставкой в ряде случаев на принуждение отсутствовали⁸⁴.

Сопоставляя политику в колониях европейских метрополий и на среднеазиатской российской периферии, французский путешественник Ге де Лакост в начале XX в. выделил именно это отличие. В своих записях он оставил на этот счет пометку: «У русских миссионеров нет; они к этому приему не прибегают. Они хотят приобрести доверие покоренных народов, не противоречить им ни в их верованиях, ни в их обычаях»⁸⁵. Однако данное наблюдение, следует заметить, основывалось на реалиях Туркестанского края. На Кавказе, где распространенность христианства когда-то имела более широкие пределы, а процессы исламизации носили поверхностный характер, подходы были иные.

При помощи благовестнических миссий осуществляло свою деятельность в крае, в частности, «Общество восстановления православного христианства»⁸⁶. Но дискриминация других религий, в том числе и ислама, не допускалась. Об отсутствии ее в России было известно в странах зарубеж-

⁸¹ Там же.

⁸² ЦГИА РГ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 149, 154.

⁸³ Россия: Энциклопедический словарь. (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 169.

⁸⁴ Лакост Г. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент, 1908. С. 42.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ЦГИА РГ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 148-об.

ного Востока. Сообщения об этом воспринимались там с огромными симпатиями⁸⁷. Такая практика прослеживалась и в Византийской империи, где проповедь православия также не возводилась в ранг государственной инициативы и проводилась только монахами⁸⁸. На российских окраинах церкви и монастыри создавались лишь для исповедовавших православие⁸⁹.

Христианизация иноверного населения не являлась определяющей мерой в комплексе различных преобразований в идеологической сфере на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. Тем более она не имела антиисламской направленности. Никакой угрозы самобытности иноэтнических сообществ края в связи с попытками восстановления позиций христианства не существовало⁹⁰. Обращение в православие носило весьма ограниченный характер, а связанное с ним обещание «наипаче... изливается монаршая щедрота и милость на приемлющих добровольно веру христианскую»⁹¹ не основывалось на давлении. К ингушам, например, предпринимались лишь призывы «мухамедданского закона» не принимать и «мечетей не строить»⁹².

При оценке данной инициативы не следует, на мой взгляд, игнорировать также то обстоятельство, что христианизация «туземного населения» имела когда-то более широкое распространение и после окончания Кавказской войны, видимо, все еще возлагали надежды на вероятность хотя бы частичного возвращения утраченных позиций. Восстановление православного исповедания у значительной части осетин указывает на небезосновательность предпринимавшихся усилий⁹³. Во всяком случае, данная историческая реальность в условиях незавершившегося процесса исламизации учитывалась теми, кто так или иначе был причастен к формированию российской политики на Кавказе, о чем в какой-то мере свидетельствует, в ча-

⁸⁷ Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 2. М., 1995. С. 261.

⁸⁸ Лурье С.В. Идеология и геополитическое действие. Вектор русской культурной экспансии: Балканы – Константинополь – Палестина – Эфиопия // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 3. М., 1996. С. 157–158.

⁸⁹ Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии. С. 268.

⁹⁰ Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 25, 35.

⁹¹ Цит. по: Алиев У. Карачай. Ростов н/Д, 1927. С. 59.

⁹² Малашенко А. Указ. соч. С. 34.

⁹³ Там же. С. 25.

стности, сочинение офицера Генерального штаба полковника Ракитина, составленное в 1862 г.⁹⁴

Необходимость же перехода в православие на этой окраине империи устанавливалась преимущественно при вступлении в казачество. Претенденты из «инородцев» без каких-либо ограничений получали привилегии войскового сословия, но должны были отказаться от исповедания ислама⁹⁵. О том, какое распространение имело в таком случае принятие православия, свидетельствует то, что к концу XIX в. иноэтническая прослойка в казачьей среде не превышала всего 2%⁹⁶, а впоследствии с 1905 г. от этой практики из-за нехватки земли для паевых наделов отказались вовсе. Допускалась она лишь в северных ареалах Кавказа, относившимся к зоне цивилизационного разлома, где фактор религиозности населения играл более высокую роль, чем в других местностях России.

Даже в Области Войска Донского, выполнявшей когда-то в течение длительного времени функции такого же периферийного контактного ареала, вступавшие в казачество калмыки оставались буддистами и не испытывали каких-либо конфессиональных притеснений. Им предоставлялась свобода и в исполнении обрядовых традиций при несении воинской службы⁹⁷. В среде же этой иноконфессиональной группы распространены были, в частности, такие признания: «я калмык, идущий за Буддой», горжусь «своим братством с казаками»⁹⁸. Однако и в Донской епархии, как и в Ставропольской, приходские священники занимались обращением калмыков-буддистов в православие. Проводилось оно также на сугубо добровольных основаниях. Выбор стимулировался льготами и поощрениями, а иногда и

⁹⁴ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракитина. 1862. СПб (публикация В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. Рапова О.М. М., 2000. С. 15–38.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45588. Л. 1–7-об; Ф. 14257. Оп. 3. Д. 509. Л. 4.

⁹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Под. ред. Н.А. Тройницкого. Т. 68. Терская область. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1905. С. 7–8. (Подсчет авт.).

⁹⁷ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 209.

⁹⁸ См. подробнее: Матвеев В.А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2003. № 3–4. С. 15–16.

освобождением от повинностей. На «крещение» возлагались надежды, что оно наряду с другими мерами будет способствовать сближению «калмыцких кочевий с казачьими станицами»⁹⁹. Но случаи принятия православия буддистами и в Донской епархии оказывались единичными¹⁰⁰.

В Сибирском казачьем войске были представлены и мусульмане. Здесь при поступлении в сословие в жесткой форме не выдвигалась необходимость изменения веры. В казачьих же селениях этого войска на общих основаниях возводились христианские храмы и мечети¹⁰¹. В этих различиях отражалась прежде всего специфика окраин. В качестве подтверждения может служить и тот факт, что в сопредельном с территорией Сибирского казачьего войска Туркестанском крае, полностью включенном в состав Российской империи во второй половине XIX в., вопрос о христианизации «туземного населения» никогда не ставился, не имела такой направленности и проводившаяся политика¹⁰². Региональные разновидности российского казачества имели судя по всему автономную особенность и в делах религии. Они впитывали цивилизационные несхожести мест формирования, трансформируя их в свою этнокультурную самобытность. Сосуществование православного и исламского вероисповеданий в казачьей среде на ранних стадиях формирования общности имело весьма широкое распространение. Сохранялось оно в ряде случаев и впоследствии.

Православная церковь в свою очередь также поддерживала в империи настрой на веротерпимость. Ее священники, занимаясь проповедями в возникших во второй половине XIX в. вследствие русской колонизации восточных окраин поселениях, настоятельно призывали прихожан «жить в мире со своими соседями инородцами и иноверцами»¹⁰³. В среде православного духовенства встречались и те, кто придерживался на этот счет реакционных взглядов. В начале XX в. в России, к слову, с осуждением были вос-

⁹⁹ Орлова К.В. Социокультурная интеграция калмыков-казаков Дона в российское общество: опыт христианизации // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской научной конференции. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010. С. 22–23.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). С. 209.

¹⁰² Малашенко А. Указ. соч. С. 34.

¹⁰³ Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 1. М., 1994. С. 117.

приняты нападки при отправлении богослужений на «евреев и интеллигентов» иерархов Гермогена и Илиодора. Они не раз подвергались критике со стороны Синода и получали предупреждения. Поскольку это не подействовало, в 1912 г. в отношении Гермогена и Илиодора последовали репрессии: первый был «уволен на покой», а второй – заточен в монастырь Владимирской епархии¹⁰⁴.

Подавляющее же большинство православного духовенства придерживалось сложившегося еще в прошлом убеждения в возможности и необходимости сосуществования в России различных религий. И это были, заметим, не единичные эпизоды, а последовательная линия не подверженная конъюнктурным колебаниям даже в самые кризисные периоды в развитии государства, которая проводилась в воздействии на верующих в соответствии с государственной политикой. Выдерживалась эта направленность и в обстановке нарастающей революционной нестабильности в начале XX в.

Укрепление начал веротерпимости не только оставалось неизменным, но и со временем повышало свои интеграционные возможности. На это обращалось внимание и в правящих кругах. П.А. Столыпин, занимая пост министра внутренних дел, считал, что «религия должна быть охраняема как ценный интерес всего государственного единения»¹⁰⁵. Изменения в конфессиональной политике в какой-то мере отражало то, что уже существовало в России, но вместе с тем возводило реальность в ранг государственной идеологии, объединяющей этнически разнородное население. Другие вероисповедания наравне с православием признаются «высшим государственным интересом России»¹⁰⁶.

В 1904–1905 гг. вышли высочайшие указы и о пересмотре законоположений, касающихся религиозного быта мусульман¹⁰⁷. Поворот в этом направлении только намечался, и его необходимо рассматривать в контексте поиска обновленной объединительной для империи идеологической основы, способной совместить в солидарное сообщество подданных различных конфессий. Обновление прежних стратегических приоритетов развития,

¹⁰⁴ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 104.

¹⁰⁵ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 322. Л. 20.

¹⁰⁶ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 322. Л. 20.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 9–10.

безусловно, отвечало требованиям наступившей кризисной для страны эпохи, так как формула «Православие, Самодержавие, Народность» после территориального продвижения на Восток во второй половине XIX в. с включением обширных мусульманских регионов уже устарела. Реальность нуждалась в том, чтобы ее видели такой, как она есть. Использование предшествующего опыта, когда православие действительно способно было играть доминирующую роль, ей уже не соответствовало.

Наметившийся в начале XX в. поворот в идеологической сфере, на мой взгляд, был неглубоким и его стабилизирующие возможности нельзя переоценивать. Хотя в целом такого рода реформа была необходима. В проводившейся в отношении некоторых конфессий политике допускались и ошибки. Они выразились, в частности, в попытках пересмотреть положение 1836 г., регламентировавшего деятельность в Российской империи «Армянской Апостольской Церкви». Происходившие в этой связи протесты на Кавказе тем не менее были приняты во внимание и с 1905 г. ее компетенции в прежнем объеме были восстановлены¹⁰⁸. Ограничения применялись и к сектантам¹⁰⁹.

В условиях Первой мировой войны они коснулись в том числе «вероисповедных прав» католиков и лютеран, к которым относились бывшие австрийские и германские подданные. За отдельными их представителями устанавливается административный контроль, распространявшийся и на некоторые другие религиозные организации¹¹⁰. Ограничения на предшествующем этапе, особенно с 1905 г., для католиков и лютеран, равно как и других религиозных общин, не применялись. По свидетельству П.Г. Курлова, имевшего разносторонний административный опыт, запретительные меры, в тех случаях, когда они использовались, «не всегда опирались на существовавшие законы, многое зависело от лиц, стоявших во главе центрального управления Министерства внутренних дел и местных губернаторов»¹¹¹.

В начале XX в. на Северном Кавказе насчитывалось более 2 тыс. мече-

¹⁰⁸ Кумпан Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе в 1861–1917 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 2005. С. 22.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 18–19.

¹¹¹ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 66.

тей, а мусульманское духовенство в составе населения достигало 2%, тогда как все духовенство – около 3%¹¹². Кавказская епархия русской православной церкви имела здесь всего 425 приходов. Наибольшее их количество было сосредоточено в западных и центральных частях окраины, соответственно 235 и 113 храмовых комплексов. А в сопредельной области, расположенной восточнее, с численно преобладавшим мусульманским населением, их насчитывалось 77¹¹³. Христианские молитвенные учреждения разных типов составляли на Северном Кавказе примерно 20% от общего количества мусульманских мечетей, последних же было в пять раз больше. Данное соотношение показывает и то, что у иноэтнической части населения идеологическое поле было несравненно более сильным, чем у восточнославянской. А ведь именно русский демографический ресурс на относившейся к зонам цивилизационных разломов периферии выступал своего рода скрепляющим государственным началом.

Вместе с тем православие, несмотря на огромное историческое значение в интеграционном процессе, после включения в состав Российской империи обширных азиатских пространств с иным конфессиональным контентом, скрепляющим для них идеологическим стержнем служить не могло. Такую роль оно выполняло лишь на начальных стадиях формирования государства. Объединительную функцию впоследствии для поддержания его общегражданского единства играли также российское мусульманство, буддизм и другие религии. Проводившаяся в имперский период политика способствовала укреплению их позиций. Наряду с православием иноверные конфессии становились составными частями феномена отечественного евразийства.

¹¹² РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 169, 237; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 13–17; Оп. 2. Д. 1505. Л. 24-об.; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. Екатеринодар, 1916. С. 14; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. (По данным Ставропольского губернского статистического комитета). Ставрополь, 1915. С. 12. (Подсчет авт.).

¹¹³ Пантелеимон, епископ Майкопский и Адыгейский. «Христианская вера процветала на Кавказских горах...» // Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2003. С. 17.

Глава II

Совмещение цивилизационных различий

Организация духовенства

Мусульманских мечетей на северокавказской окраине, как уже отмечалось, было в пять раз больше, чем христианских молитвенных учреждений всех типов. При данном сопоставлении учитывались не только православные храмы, но и монастырские комплексы, часовни, и т.д. Мечети же обеспечивали религиозные потребности всего 12,5% населения¹. По мусульманской традиции, не нарушавшейся и в России, они являлись владельцами вакуфных земель, размеры которых существенно различались и нередко соответствовали экономическим показателям крупных феодальных имений². Ответственность за ежедневное исполнение молитвенных обязанностей в мечетях возлагалась на мулл, подчинявшихся по сложившейся субординации эфендиям, должностным лицам, заведовавшим религиозными делами аульных (сельских) обществ. Сфера их компетенции распространялась на все входившие в эти общества конфессиональные субъекты³.

Еще в 1836 г. в предписаниях занимавшимся организацией управления на Кавказе представителям русской власти, среди которых в то время было немало военных, Бенкендорф, возглавлявший жандармский корпус империи, отметил: «класс эфендиев есть именно то, от привлечения которого может произойти польза, если не большая, то и не меньшая, чем приобретаемая силой оружия»⁴. Рекомендация, нужно сказать, основывалась на осведомленности о местной специфике. По степени влияния на верующих эфендии имели фактически равные возможности с муллами. Кадии специализировались в знании мусульманского права (шариата) и выполняли функции судей⁵.

¹ Кавказский календарь на 1917 г. Под ред. Н.П. Стельмашука. Типография канцелярии наместника е.и.в. на Кавказе. Отдел статистический. Тифлис, 1916. С. 190–237. (Подсчет авт.).

² ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212.

³ Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 87, 91.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212.

Мусульманское духовенство в сельских (аульных) обществах на Северном Кавказе, подвергшихся процессу исламизации, неизменно занимало весьма влиятельные позиции. По социальным признакам оно было неоднородно⁶. Высшие его прослойки состояли из крупных собственников⁷, низшие – из мулл и кадиев крестьянского происхождения, в среде которых в свою очередь встречались зажиточные и беднейшие слои⁸. В последнем случае по своему положению мусульманское духовенство не отличалось от остальной массы трудового народа, имея с ним одинаковые по сути стратификационные позиции.

В сельских обществах на мулл и кадиев часто возлагались административные обязанности, а там, где отсутствовали аульные правления, они вели и служебную переписку. Исполнявшие властные функции низшее духовенство подчинялось старшинам. В силу своего положения оно оказывало наибольшее влияние на религиозный быт и политические настроения мусульман северокавказской окраины⁹, занимаясь не только организацией молитв в мечетях, но и ведая практически всеми сферами культурной и правовой жизни¹⁰. С этим считались и представители русской власти.

В 1881 г. в одном из донесений в правительственные инстанции сообщалось: «Вопрос о мусульманском духовенстве, в руках которого находится не только умственное и нравственное развитие народа», а также непосредственное соприкосновение с его гражданской жизнью, «имеет серьезное значение»¹¹. Наряду с этим отмечалось и то, что «действия мулл и кадиев» разрознены из-за отсутствия духовного управления на Северном Кавказе, вследствие чего они, как и прежде, признавали «над собою главенство шаха, находящегося при гробе Магомеда, который и передает им свои приказания»¹².

⁶ Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 87.

⁷ Жизнь национальностей. 1919. 21 сент.

⁸ ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212; Калмыков Б.Э. Страничка революционной борьбы в Кабарде // Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 23, 25.

⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5, 9–10; Жизнь национальностей. 1920. 7 нояб.

¹⁰ Василевский К. Ислам на службе контрреволюции. М., 1930. С. 27.

¹¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 17–18.

¹² ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 17–18.

По содержанию эти распоряжения, касавшиеся «постов и молений», не представляли угрозы для целостности Российской империи, но такая зависимость мулл края от фанатичного духовенства Турции и находившейся тогда в ее составе Аравии могла, как не без основания полагали представители администрации, в любой момент обрести и иной характер. Именно поэтому неоднократно обращалось внимание на необходимость ее ослабления при помощи учреждения должности муфтия, высшего духовного лица, в частности в Кубанской области. Данная необходимость существовала и в других административных образованиях северокавказской окраины¹³.

На должность муфтия предусматривалось выдвигать личность, обладающую нравственным авторитетом, развитую и надежную, наделенную соответствующими духовными и управленческими полномочиями. Высокая представительность ее служебного статуса в чиновничьей иерархии должна была поставить, на что возлагались надежды, в какой-то мере преграду в сношениях малограмотных мулл с духовенством Мекки и Стамбула¹⁴. Предусматривалось для достижения этой цели и создание школ для их подготовки на территории России с привлечением к работе в них хороших учителей арабского языка¹⁵.

Существовавшие в ее пределах учебные заведения, где производилось изучение ислама, несмотря на многочисленность, предъявляемым требованиям зачастую не соответствовали, и их деятельность шла в разрез с намечавшимися задачами общегражданской интеграции. Находясь вне правительственного влияния, они не подпадали под официальные распоряжения и имели кроме того в штатах преподавателей зарубежного, чаще всего турецкого, происхождения. Последние на восточные российские окраины, в том числе и на Северный Кавказ, засылались, как правило, под прикрытием идеалами веры специально для проведения возбуждающей религиозный фанатизм пропаганды. Это создавало угрозу и самому населению. Именно

¹³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 18.

¹⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 18.

¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.

такая агитация не в последнюю очередь способствовала массовому выселению горцев в Турцию¹⁶.

Поднятие уровня образованности наиболее массовой, низшей категории мусульманского духовенства, введение единства его действий и установление контроля над ним¹⁷, вызывалось настоятельной потребностью преодоления состояния цивилизационного тяготения к зарубежному исламскому Востоку. Оттуда неоднократно и в прошлом при любых обострениях обстановки на Кавказе исходили под прикрытием единства веры враждебные для России влияния, что, безусловно, нельзя было игнорировать. Для противодействия им использовались возможности клятвенных обещаний, принимавшихся в полном соответствии с предписаниями мусульманской религии¹⁸. Такая практика получила на Северном Кавказе широкое распространение.

В содержание в соответствии с канонической традицией закладывался, в частности, такой сакральный смысл: «клянусь всемогущим Богом и великим его Пророком Мухаммедом... в возлагаемых обязанностях... быть ревностным к службе его императорского величества и попечительным о пользе общественной... В заключение же сей моей клятвы целую слова святого Корана»¹⁹. Обещания скреплялись подписью вступавшего в должность муллы и присутствующих, в них проставлялся год, месяц и день присяги²⁰. На мулл русской властью возлагалась обязанность «быть передовыми в своем народе, понимать современные требования» и вести за собою людей²¹.

Через специализированную систему учебных заведений русские власти стремились поднять уровень исламской образованности духовенства, и в первую очередь его низшего, наиболее массового звена (мулл), чтобы оно «своим пастырским словом влияло на среду в той степени нравственности,

¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.

¹⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 18; Д. 1226. Л. 56.

¹⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5703. Л. 57.

¹⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5703. Л. 57.

²⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5703. Л. 57.

²¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 17–18.

как установлено религиею и законностью»²². Для занятия должности приходского муллы претенденты подвергались «испытанию в знании мусульманского вероучения»²³. На Северо-Западном Кавказе, например, с 1892 г. действовал специальный циркуляр начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. В соответствии с ним на испытание требовались предварительные разрешения атаманов отделов²⁴. Далее они проводились исключительно с учетом предписаний исламской традиции²⁵.

Представители русской власти на должности мулл старались по мере возможности утверждать лишь тех, кто прошел проверку на знание основ вероучения²⁶. Однако на этом направлении ситуацию до конца все же изменить не удалось²⁷. Проверки «всех мулл в знании учения магометанской веры» проводились на Северном Кавказе периодически и после занятия должностей. Но это не дает основания для утверждения, что «мусульманское духовенство... полностью зависело от администрации»²⁸. Во всех случаях, когда испытания практиковались в управленческих структурах, как показывает не только отечественный, но и мировой опыт, они только повышали уровень культуры и компетентности тех, кто в них входил.

А в Российской империи, в том числе и на ее северокавказской окраине, мусульманское духовенство прежде всего низшего звена являлось частью административного аппарата и рассматривалось в качестве важнейшей опоры функционирования государственной системы. Содержание мулл как в шиитских, так и суннитских мечетях являлось обязательным для прихода, а его размер определялся специальным сходом верующих²⁹. Претенденты на должности кадиев горских судов также выбирались. При этом кандидатуры предлагались непосредственно сельскими обществами. Утверждение кадиев происходило лишь после этого, и связанные с их вступ-

²² ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 2; Д. 1110. Л. 17; Д. 1229. Л. 55-об.

²³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 313.

²⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 313.

²⁵ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1505. Л. 12.

²⁶ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1505. Л. 12.

²⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4.

²⁸ Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 88.

²⁹ Россия: Энциклопедический словарь. (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 171.

лением в должности административные решения принимались, как видно, в интересах самого населения. При утверждении кадиев, равно как и мулл, обращалось внимание «на образованность, знание русского языка и благонадежность»³⁰, что являлось весьма важным для эффективности исполнения возлагавшихся на них административных обязанностей.

В ряде случаев попытки организации мусульманского духовенства, предпринимавшиеся представителями русской власти, воспринимались местным населением как стеснения в делах веры. В подававшихся в вышестоящие инстанции прошениях выражалась обеспокоенность, в частности, тем, что «богомоления в мечетях совершаются только утвержденными начальством муллами, тогда как по Корану моления могут совершать все, знающие Коран, и в любом месте, где застаёт мусульманина время намаза»³¹. По мнению горцев, они также были лишены «права свободы выборов кадиев и сельских мулл, так как начальство утверждает не тех, кого избирает общество, а кого само желает»³².

Начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, столкнувшись в 1901 г. с такого рода обеспокоенностью некоторых аульных обществ, обязал представителей своей администрации дать следующие разъяснения: «введение правильной организации... духовенства имеет исключительной целью оградить население от невежественного вмешательства в их духовную жизнь лиц, выдающих себя за сведущих в знании Корана. Стеснять же кого-либо в богомалении в виду не имелось, и поэтому ежедневное пятикратное моление, без произношения проповедей, они могут совершать как им угодно по правилам своей религии»³³.

В рекомендации содержалось и весьма важное для преодоления недоверия уточнение о том, что «кадии и муллы утверждаются из числа лиц, избираемых обществами за исключением очень редких случаев, когда избранные кандидаты оказываются лицами неблагонадежными»³⁴. В заключительном пояснении констатировалось: «Таким образом, указания на эти

³⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1136. Л. 1–1-об.

³¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22.

³² ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22.

³³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22–22-об.

³⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22–22-об.

стеснения не могут составить какого-либо повода к недовольству администрацией, тем более, что избрание кадиев по шариатским правилам предоставляется власти начальства, а не обществам, но из уважения к голосу горских обществ право это оставлено мною за сими последними»³⁵.

В данном ответе прослеживается неплохое знание основ ислама представителями русской власти, занимавшимся управлением Кавказом. Причем это относится не только к начальникам северокавказских областей, являвшимся вместе с тем наказными атаманами казачьих войск, и генерал-губернаторам. Такими познаниями нередко обладали руководители других уровней краевых административных структур. Несмотря на предпринимаемые усилия, после завершения Кавказской войны и в последующие периоды деятельность низшего духовенства так и не была поставлена под эффективный контроль государственных структур и мусульманских центров (муфтиатов) империи.

Их существовало несколько. В Крыму такое духовное управление было создано еще в 1831 г. Затем в 1872 г. в Закавказье, в 1878 г. – в Оренбурге и Уфе открываются «Духовные собрания по заведованию лицами магометанской веры»³⁶. Возглавлявшие их муфтии назначались и оплачивались Министерством внутренних дел, где существовал специализированный по делам восточных религий департамент. На ряде азиатских окраин, только вошедших в состав империи, духовные управления отсутствовали и заведование религиозными нуждами мусульман входило в компетенцию генерал-губернаторов. Такое положение сложилось и на Северном Кавказе³⁷. Только здесь из-за административных особенностей Кубанской и Терской казачьих областей установилась подчиненность начальникам и существовавшим при них правлениям. Создание соответствующего религиозного управления в крае тормозилось рядом обстоятельств, и хотя в нем, как подсказывал опыт, существовала настоятельная необходимость, решение данной проблемы постоянно откладывалось.

³⁵ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22–22-об.

³⁶ Авторханов А. Указ. соч. С. 95.

³⁷ Там же.

Между тем даже в ходатайствах самого населения нередко отмечалось, что организацией молений и проповедями занимаются священнослужители, не знающие основ ислама, имеющие сомнительную репутацию и «распространяющие вредные учения»³⁸. В одной из типичных жалоб по этому поводу от мусульманского населения, поступившей в вышестоящие инстанции 9 октября 1913 г., сообщалось: «Старший эфендий Н.Х. Напугов вел пропаганду в народе против воинской повинности»³⁹. В обращении упоминалось и о том, что этот священнослужитель в своих проповедях призывает «к сохранению в душе тайной вражды к русским» и возбуждает народ «против всего русского»⁴⁰.

Необходимость принятия решительных мер подкреплялась также ссылкой на отсутствие у него соответствующих духовных познаний для звания эфендия⁴¹. Озабоченность населения по поручению атамана Баталпашинского отдела была перепроверена участковым начальником, и в его ответном рапорте «факт возбуждения... мусульманского населения против русских и вообще... всего существующего строя» получил подтверждение⁴². К поступавшей информации критического свойства, связанной с деятельностью мусульманского духовенства, в проводившейся политике в Российской империи, как видно, отношение было предельно осторожное.

При Терском областном правлении в 1913 г. в связи с поступавшими тревожными сведениями, в том числе от горского населения, была создана специальная комиссия. Ей было вменено в обязанность заниматься выяснением того, где именно получено духовное образование эфендиями и муллами, какое у них подданство, и т.д. Устанавливалась также склонность к исламскому радикализму, причастность к религиозным движениям, «племенной агитации», проверялась и политическая благонадежность⁴³. Нерешенность проблемы исламской образованности на Кавказе признавал и на-

³⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 2-об-3; Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 52-53; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 17-об-18.

³⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229, 252.

⁴⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229, 252.

⁴¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229, 252.

⁴² ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 222.

⁴³ Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 88.

местник. Подводя итог управления краем за восемь лет, в отчете, направленном в Петербург в 1913 г., он сообщал, что организацией молений занимаются зачастую «малообразованные, даже с точки зрения сельского мусульманского населения, выходцы из Персии и Турции», преподносящие верующим «нерусские понятия»⁴⁴.

Именно они нередко произносили и проповеди соответствующего содержания, направленные на формирование сепаратистских настроений. И.И. Воронцов-Дашков указал на ошибочность существовавшего мнения о том, что «не дело государства заботиться об обеспечении религиозных нужд населения, исповедующего не господствующую религию»⁴⁵, приводившего в ряде случаев на окраинах с мусульманским населением к игнорированию потребности добиться повышения уровня образованности мулл. Подготовку их через систему российских специальных учебных заведений наместник на Кавказе «выдвинул на первую очередь», подчеркнув особо настоятельность и своевременность его разрешения «в положительном смысле»⁴⁶.

Длительное время правительственная политика была направлена, главным образом, на сокращение влияния в управлении именно низшей категории духовенства⁴⁷. Еще во второй половине XIX в. администрация, например в Кубанской и Терской областях, делала попытки поставить под контроль деятельность мулл, особенно назначение на должности. В качестве главного критерия при этом рассматривалась непринадлежность «к вредным обществам и учениям». Этот контроль возлагался на высшее духовенство и полицейское начальство⁴⁸. Но при отсутствии на Северном Кавказе централизованного управления для мусульман его возможности оказались недостаточно эффективными. Хотя требования о создании высшего религиозного центра (муфтиата) выдвигались неоднократно, он так и

⁴⁴ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 10–11.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 11.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 509. Л. 4.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 17-об–18.

не был образован⁴⁹. Существовавшие для этого препятствия, связанные в том числе со сложностями в преодолении конфессиональной разобщенности, оказались существенными. Устранение их требовало обретения соответствующих знаний и административного опыта.

Официально заведование религиозными делами мусульман северокавказской окраины возлагалось на Оренбургское духовное правление. Однако подчинение это было скорее формальным, так как последнее совершенно игнорировало поступающие из края дела и нередко отказывалось принимать их даже к разбору⁵⁰. Закавказское духовное правление по закону тоже не имело права вмешиваться в дела мусульман Кубанской и Терской областей⁵¹. В действительности их религиозное самоуправление также находилось под внешним надзором местных властей⁵², а в централизованном порядке подчинялось кроме того еще и Военному министерству, где, как и в Министерстве внутренних дел, существовали специализированные подразделения (Азиатская часть и др.)⁵³. Очевидно, что переходное состояние в заведовании духовными делами мусульман на Северном Кавказе окончательно так и не было преодолено. Только в Ставропольской и Черноморской губерниях вопросами вероисповеданий занималась гражданская администрация⁵⁴.

Сложившиеся разновидности организации религиозного быта населения, исповедующего ислам, не имели принципиальных различий и были нацелены, как и другие звенья управленческого аппарата, на поддержание стабильности в регионе и гражданское приобщение. Замечается русскими администраторами и возможность более широкой опоры на мусульманское духовенство в связи со все более усиливавшейся в его среде пророссийской ориентации. Влияние на это не в последнюю очередь оказывала происходившая интеграция, в которую включались все иноэтнические сообщества в пределах края, как и других восточных периферийных пространств импе-

⁴⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 17-об-18.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 2-об-3; ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 17-об-18.

⁵¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 502-503.

⁵² РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.

⁵³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 2-об-3.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 9-10.

рии. В начале XX в. управленческий корпус на Северном Кавказе стал пополняться в соответствии с наметившимся поворотом в подходах и из высших прослоек мусульманского духовенства⁵⁵. Как показывала складывавшаяся под влиянием российской политики ситуация, данное изменение не являлось ошибочным и полностью оправдывалось.

Так же как и муллы, высшее мусульманское духовенство противостояло попыткам «возбуждения народа против правительства и существующих порядков»⁵⁶. Обладая более высокой образованностью, оно следило не только за общественными настроениями верующих, но и за публикациями в прессе. При выявлении подозрительной информации сведения о ней передавались в полицию. Нередко туда поступали от высшего мусульманского духовенства заявления с просьбами «принять меры». Предварительно председатель Закавказского суннитского правления Гусейн Эфенди Габиев вызывал, например, для объяснений редакторов, принимавших к изданию провокационные материалы, содержавшие призывы к смуте⁵⁷. Деятельность же низшего духовенства, мулл и кадиев, оказывавшего наибольшее влияние на религиозный быт и социальные настроения в общинах верующих на местах кроме того предполагалось поставить под надежный контроль администрации⁵⁸.

В этой связи делались попытки централизовать управление мусульманским духовенством и открыть религиозный краевой центр (муфтиат)⁵⁹. Данное намерение затрагивало и другие восточные окраины империи, где из-за недавнего установления российской юрисдикции, не существовало аналогичных организационных структур. Нерешенность проблемы, таким образом, являлась временной. Согласно высочайших указов 1904–1905 гг., направленных на укрепление веротерпимости в Российской империи, намечалось учреждение и особых духовных управлений для мусульманского населения Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Закаспийской областей и Туркестанского края. Распространялся этот проект

⁵⁵ Дагестанские ведомости. 1913. 7 янв.

⁵⁶ Лайпанов К. Т., Батчаев М. Х.-К. Умар Алиев. Черкесск, 1986. С. 26.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5, 9–10; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4870. Л. 3-об.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4870. Л. 3-об.

вместе с тем на все территориальные субъекты Северного Кавказа, включавшие в свой состав иноэтнические сообщества, исповедовавшие ислам⁶⁰.

Для проработки вопроса об учреждении особых духовных управлений в крае по распоряжению наместника И.И. Воронцова-Дашкова в 1906 г. во Владикавказе состоялось совещание представителей мусульманского духовенства Кубанской и Терской областей. На него были приглашены с учетом важности принимаемых решений и представители различных светских кругов⁶¹. После предпринятых обсуждений участники совещания высказались за необходимость учреждения для Северного Кавказа особого духовного правления с выборным муфтием во главе. В сферу ведения учреждаемого религиозного центра предусматривалось включить мусульманское население всех областей края, в том числе и Дагестанской, а также Ставропольской и Черноморской губерний⁶². В этой солидарности просматривался и некий региональный контент, отражавший реальность, которую представители русской власти так или иначе учитывали.

Мусульманское население, как уже отмечалось, давно выдвигало требование об учреждении на Северном Кавказе духовного правления с подчинением его законам империи. С такой просьбой к наместнику, например, неоднократно обращались уполномоченные чеченского народа⁶³. Эту идею поддерживали и в краевой администрации. Необходимость ее практической реализации отстаивалась, в частности, в отчете за 1910 г., составленном специально для Николая II начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска Флейшером. На его предложение «открыть духовное правление... высший орган... мусульман», чтобы ослабить влияние религиозных зарубежных центров и авторитетов на горские общества, император наложил резолюцию: «Пожалуй, наказной атаман прав, если не с теоретической, то с практической точки зрения»⁶⁴.

Реформаторские инициативы в процессе управления окраинами Российской империи, таким образом, исходили нередко и от руководства на

⁶⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 9.

⁶¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 9–10.

⁶² РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 10.

⁶³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 6–6-об.

местах. Реагирование на вызовы времени на этом уровне было более оперативным и компетентным. Однако соответствующие решения, зависевшие от верховной власти, запаздывали. Не всегда понималась и острота рассматриваемой проблемы. Наказной атаман был прав не только с «практической», но и с теоретической точки зрения. Он имел более глубокие представления о складывавшейся специфике, как, впрочем, и другие администраторы в регионах.

Между тем необходимость соответствующих преобразований поддерживалась и на специализированных уровнях организации государственной власти. Так, 25 октября 1912 г. через департамент духовных дел, входивший в структуры Министерства внутренних дел, было разослано извещение о подготовке особого совещания, намеченного на начало следующего года, «из представителей центральных и местных учреждений подлежащих ведомств для обсуждения вопросов, связанных с предположенным пересмотром законоположений, определяющих порядок управления духовными делами населяющих империю магометан»⁶⁵. Предусматривалось также затронуть и тему наметившегося в их среде «религиозно-национального движения»⁶⁶. Хотя оно не выходило за рамки культурных требований, тем не менее оказывало влияние на проектировавшиеся преобразования⁶⁷.

Подготовительная работа, как и составление материалов для совещания, «его высокопревосходительством», министром внутренних дел, была возложена на Департамент духовных дел, который имел соответствующую материальную базу и специализированные кадры. Для реализации поставленной задачи, несмотря на немалый предшествующий опыт, у сотрудников этого подразделения обнаружился недостаток информации. Стал производиться дополнительный сбор «статистических данных, касающихся мусульман... об общем числе их, о богослужебных заведениях и духовенстве, о конфессиональных школах, о мусульманских организациях (обществах, кружках)... печати и т.п.»⁶⁸ Проектировавшиеся изменения, таким

⁶⁵ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 1.

⁶⁶ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 1.

⁶⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 1.

⁶⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 1.

образом, ставились в зависимость от соответствующих познаний, а обретение их требовало времени.

В 1913 г. в комиссию по вероисповедным вопросам Государственной думы было подано подписанное Карауловым, Далгатом и другими представителями формирующихся политических элит края прошение, в котором также обосновывалась необходимость учредить духовное управление с муфтиатом во главе по образцу Закавказского для мусульман Терской, Кубанской областей и Ставропольской губернии под названием «Северокавказского духовного управления»⁶⁹. Помочь устроить религиозные дела горцам обещал в 1916 г. и наместник его императорского величества на Кавказе великий князь Николай Николаевич, назначенный на эту должность монархом вместо скончавшегося графа И.И. Воронцова-Дашкова, но осуществить это намерение так и не успел⁷⁰.

Несмотря на нарастание соответствующих требований в связи с обострением политических противоречий⁷¹, к 1917 г. этот вопрос все еще оставался нерешенным. Тем не менее независимо от этого мусульманское духовенство, как низшее, так и высшее, срасталось с государственным аппаратом⁷². Однако пророссийская консолидация мусульманского духовенства на северокавказской окраине по-прежнему отсутствовала, хотя такая ориентация в его среде являлась уже преобладающей. Именно этим в значительной мере объясняются, на мой взгляд, различия в его позициях в тот промежуток времени с началом значимых для отечества событий. Как проясняла реальность, эта разобщенность могла быть преодолена.

Поиск противовесов цивилизационному тяготению к зарубежному исламскому Востоку, как можно заметить, представлял управленческие решения, направленные не на разрыв сложившихся в прошлом конфессиональных связей, а на ослабление неблагоприятных обстоятельств для российского интеграционного процесса на Северном Кавказе. При этом задействовались внутренние канонические факторы, укреплявшие вместе с

⁶⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 503.

⁷¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 1.

⁷² Василевский К. Указ. соч. С. 27.

тем авторитет и роль самой религии в жизни иноэтнических сообществ. Этот опыт в изучаемую эпоху, наступившую после окончания Кавказской войны во второй половине XIX в. и продолжавшуюся вплоть до 1917 г., имел, как и политика России в регионе в целом, не только очевидные достижения, но и нереализованные намерения. Тем не менее влияние сопредельного мусульманского Востока проявлялось уже значительно слабее. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа становилась более устойчивой.

Признаки интегрированности

Вследствие проводившейся политики влияние зарубежного исламского мира на окраинах отечественного Востока постепенно ослабевало. И. Гаспринский не без основания утверждал, что в России «ветви тюрко-татарского племени делают ее нераздельной, составной частью», нераздельной частью «обширного отечества». Учитывая складывавшуюся в связи с этим ситуацию, он предсказывал, что России «в будущем суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств», с сохранением вместе с тем на международной арене позиций «великой христианской державы»⁷³. Эта реальность, несомненно, была одним из достижений проводившейся политики. На рубеже XIX–XX вв. цивилизационное тяготение к мусульманскому зарубежному Востоку обретало и на Северном Кавказе признаки остаточного характера.

Хотя в тот промежуток времени «туземное население» оставалось ко всем событиям, происходившим там, как сообщал в Петербург наместник его императорского величества И.И. Воронцов-Дашков, «совершенно равнодушным», а «отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма» в его среде не имели никакого успеха⁷⁴, возможности воздействия этого сопредельного геокультурного ареала на ситуацию в регионе не были еще полностью преодолены. Но и влияние сопредельного мусульманского Востока, обретая пережиточные свойства, проявлялось уже значительно

⁷³ Гаспринский И. Указ. соч. С. 258.

⁷⁴ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. С. 9–10.

слабее. Ранее же религиозная напряженность на Кавказе, выражавшаяся в нарастании фанатичности масс, периодически обострялась и нередко порождала конфликты.

В 1841 г. существовала, например, угроза восстаний из-за событий в Египте, где произошло массовое выступление против Турции, охватившее многие ее азиатские провинции. В среде населения восточных окраин, исповедовавшего ислам, распространялись слухи о близости того момента, когда произойдет победа «полумесяца над крестом». Это находило отклик тогда у какой-то части мусульманского духовенства. Некоторые его представители во время богослужений, в частности, заявляли: «Мы объединимся и вместе завоюем земли Дагестана, возьмем Астрахань, Дербент и Анапу, мы изгоним неверных с земель Ислама»⁷⁵. Подобные настроения на сходах формировали и некоторые старейшины⁷⁶. Однако в дальнейшем вследствие принимавшихся представителями русской администрации в крае мер зависимость от зарубежного мусульманского Востока ослабевала. Российское измерение цивилизационная специфика обретала и на Северном Кавказе.

Тем самым одно из существенных препятствий для отечественного евразийского интеграционного процесса устранялось. Об усилении ориентации на российское государственное пространство свидетельствовал и возросший интерес в среде мусульманского населения к получению образования в учебных заведениях, подчинявшихся имперским управленческим структурам. Причем муллы, видевшие в этом опасность для сохранения своей влиятельности, оказывались не в состоянии, как признавали представители русской администрации в крае, «задержать в значительной степени развитие школьного дела»⁷⁷. Особой популярностью пользовались варианты преподавания с участием самих горцев, получавшие все более широкое распространение⁷⁸.

⁷⁵ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 166–167.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 78.

⁷⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 78.

Так, в служебной записке от 11 октября 1893 г., предназначенной для информирования руководителей более высокого уровня, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска извещал вышестоящие инстанции: «В последнее время среди горского населения вверенной мне области замечается большое стремление к образованию. Потребность эта настолько велика, что имеющиеся горские вакансии в Ставропольской гимназии и Майкопской горской школе далеко не удовлетворяют всех желающих учиться»⁷⁹. Подтверждалось это в донесениях атаманов отделов, начальников округов и другими административными инстанциями по всему краю. Позиции же мусульманского духовенства и в этом случае имели существенные различия. Разобщенность его являлась своего рода отражением сохранявшегося цивилизационного и этнополитического разлома, предопределявшего когда-то неодинаковые позиции «туземных обществ» при установлении единства с Россией и не преодоленного за полвека нахождения в ее составе.

Вместе с тем с наступлением экстремальных обстоятельств, в отличие от других универсалистских образований, на ее окраинах, например, в 1905–1907 гг., не замечалось стремления к обособлению. Проявлялось это и на проводившихся в тот период съездах «мусульман России» в Нижнем Новгороде и Петербурге. Вопреки сложившемуся мнению, в принимавшихся на них резолюциях не отображались идеи «тюрко-исламской солидарности» с сепаратистской направленностью⁸⁰. Они способствовали лишь «организационному объединению российских мусульман», а также содержали проекты реформ в интересах этой части населения империи⁸¹. К тому же сыгравший немаловажную роль в организационных мероприятиях и председательствовавший в 1906 г. на II съезде в Петербурге И. Гаспринский «стержнем тюркской общности» считал «историческую связь» ее именно с Россией⁸².

⁷⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 778. Л. 14.

⁸⁰ См. подробнее: Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 159.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 157.

При нарастании революционного кризиса в июне 1905 г. к наместнику на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову обратились уполномоченные от мусульманского населения с выражением верноподданнических чувств. Переданные требования не содержали каких-либо враждебных России формулировок и не выходили за рамки возможных преобразований⁸³. Сводились они к устранению ограничительных мер в различных сферах, установленных для мусульман в период включения в состав империи с учетом наличия в крае цивилизационного разлома, более широкому приему их детей в образовательные учреждения, разрешение преподавания там, где есть необходимость, на родных языках, облегчение условий для издания газет и журналов религиозного содержания⁸⁴.

Общегражданский характер носили и пожелания повысить доступ на государственную службу, унифицировать, что весьма показательно, структуру управления и ввести земские учреждения, получившие к тому времени распространение в центральных губерниях, снизить в ряде случаев налоговые повинности и т.д.⁸⁵ В одном из обращений к центральной власти видных северокавказских деятелей ислама в 1906 г. содержалось такое заверение: «Мы, российские мусульмане... будем служить нашему... царю и его трону так же верно, как служили ему наши отцы и деды»⁸⁶. В нем так или иначе обращалось внимание верующих на традиционную связь их конфессии с «общей родиной» и ее верховной монархической властью, игравшей на том этапе объединительную роль для государства.

А в опубликованном в печати 1 октября 1909 г. «Воззвании мусульманского духовенства и горской интеллигенции к туземцам Терской области» подчинение русской власти, сотрудничество с местной администрацией и добрососедские отношения с терским казачеством объявлялись «делом угодным Аллаху»⁸⁷. Такой же настрой на сохранение целостности сложив-

⁸³ История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 238.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Шафранов В.П. Указ. соч. С. 31.

⁸⁷ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2 т. Т. 1. Грозный, 1967. С. 203; Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября. (1907–1917 гг.). Грозный, 1968. С. 70.

шегося в прошлом государственного пространства существовал в тот промежуток времени и в других восточных регионах страны⁸⁸.

На эту особенность обратил внимание в 1910 г. автор общего обзора «Инородцы» в обстоятельном издании, включавшем кроме того в себя описание еще двух крупнейших имперских образований: Австро-Венгерского и Германского. Напротив, отмечает Л. Штернберг, среди российских мусульман «мы не видим никаких сепаратистских тенденций... все они проникнуты твердым убеждением, что только в единении со всеми народами России... каждая народность обретет свое поправное право»⁸⁹. Подметил он и то, что «происходившее сближение мусульман всех областей России преследовало интересы чисто духовные... в центре сближения опять-таки стояла Россия». На основе изученных документов Л. Штернберг делает вывод о том, что «ни в один момент русской истории связь инородцев с Россией не была столь крепка духовно, как в годы освободительного движения»⁹⁰.

Эти наблюдения, таким образом, также вскрывали наличие чрезвычайно важного для понимания России явления, объяснений которому ни в отечественной, ни тем более в зарубежной науке тогда не существовало. И. Гаспринский одним из первых, как уже отмечалось в историографическом обзоре, назвал это явление «русским мусульманством»⁹¹. Когда именно появилось оно, сказать трудно. Можно только констатировать, что отряды, состоявшие из мусульман, принимали участие уже в собирании в единое государство русских земель, находились в московских ратях, противостоявших в 1471 г. на реке Шелоне попыткам новгородцев сохранить удельную обособленность. Мусульмане своим участием поддержали в 1552 г. усилия России по освобождению 100 тысяч православных невольников, за-

⁸⁸ Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976. С. 35.

⁸⁹ Штернберг Л. Инородцы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 566.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Гаспринский И. Указ. соч. С. 257–259.

хваченных в плен вследствие набегов из Казанского ханства и находившихся в его пределах⁹².

В самый же критический для России момент, когда ее будущее из-за агрессии Швеции и Польши было крайне неопределенным, на патриотический призыв К. Минина и Д. Пожарского в 1612 г., побуждавший к решительному действию для спасения родины, откликнулись и представители населения, исповедовавшего ислам. В грамоте об избрании на престол Михаила Федоровича Романова оставили подписи семь татарских мурз, выразивших тем самым на Земском соборе настрой соотечественников мусульман того периода на восстановление государственной целостности России и предотвращения для нее опасности новых иноземных завоеваний⁹³.

В 1812 г. российские воины также вдохновлялись стоять «на смерть за отечество» против «непобедимой» европейской армии не только молитвами православного, но и мусульманского духовенства. Призывы стоять за Россию «во имя Аллаха» раздавались неоднократно в XIX в. и перед другими битвами. Отечественное мусульманство как явление выдерживало испытание на устойчивость и в иных экстремальных ситуациях. То, что можно было использовать для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на Северном Кавказе его патриотический потенциал подтверждает многое.

Не получили здесь, например, отклика попытки распространения идей панисламизма, единства всего мусульманского мира, и пантюркизма, общности всех тюрков, предпринимавшиеся систематически с конца XIX в.⁹⁴ Последователи этой доктрины не ограничивались в пропагандистской деятельности пределами Турции и предпринимали усилия к ее организации на российских окраинах⁹⁵. Такая деятельность в начале XX в. достаточно широко развернулась, в том числе в Дагестане, а оттуда распространялась на Терек⁹⁶. Ее результативность была далека от предполагаемых ожиданий,

⁹² Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). С. 17.

⁹³ Там же.

⁹⁴ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

⁹⁵ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

⁹⁶ Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928. С. 98.

подтверждением чему служит отсутствие в указанный промежуток времени «религиозных движений» в этих областях, но она, как фиксировалось в донесениях начальников округов, способствовала в какой-то мере возбуждению в среде отдельных «туземных обществ... ненависти к русским»⁹⁷.

При проведении работы в массах турецкой агентурой учитывались и экономические затруднения, усиливавшиеся по мере нарастания общего состояния кризиса в стране. Несмотря на это наметившаяся с 1905 г. тенденция ослабления религиозного фанатизма, в тех районах, где он имел распространение, обретала все большую устойчивость⁹⁸. Тем не менее цивилизационные реалии, доминирующим компонентом в которых выступал фактор веры, в наступившем противоборстве играли существенное значение. Однако ставка на них с использованием исламской составляющей в пропаганде не давала сколько-нибудь заметных результатов. Инициаторы кампании судя по всему к ее организации и проведению подходили с опорой на устаревшие представления.

О неадекватности их говорит хотя бы то, что на рубеже XX в. в России наметилось ослабление религиозности населения⁹⁹, а с 1905 г. оно обозначилось и в наиболее сложных мусульманских регионах¹⁰⁰. Такого рода изменение на столь консервативном направлении вызвалось более привлекательным для масс идеологическим воздействием, какое в тот период могли оказывать революционные учения. Неслучайно ослабление религиозности мусульманского населения на Кавказе совпало с «революционным брожением» 1905 г., поддерживавшимся противоправительственной агитацией на почве нерешенности социально-экономических проблем. Это подтверждается, к слову, всеподданнейшими отчетами губернаторов и начальников областей края за 1906 г.¹⁰¹

⁹⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 21-об; Жизнь национальностей. 1920. 1 янв.

⁹⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 21-об; Жизнь национальностей. 1920. 1 янв.

⁹⁹ Курдов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С. 165.

¹⁰⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 12–13; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5765. Л. 12 – 13-об.

¹⁰¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 1; Д. 1110. Л. 17; Д. 1229. Л. 55-об; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27–27-об.

Между тем кроме констатации Министерства внутренних дел о том, что в России «панисламистская пропаганда успеха не имеет»¹⁰², других выводов на этот счет по ходу событий так и не было сделано. Данное же оперативное наблюдение нуждалось, безусловно, в объяснении для обеспечения более эффективной защиты государственных интересов. Но особенности протекавших в крае этнополитических процессов из-за отсутствия соответствующих реальности знаний с наступлением кризисной эпохи в начале XX в. представителями русской власти во всей полноте не осознавались. Нависшей угрозе дестабилизации, кроме административных мер, ничего вследствие этого не противопоставлялось.

Возможность использования для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на Северном Кавказе патриотического потенциала отечественного мусульманства, как в региональном, так и в более широком российском его отражении, подтверждалась между тем в различных событиях начала XX в. Воззвание о начале войны на Дальнем Востоке в 1904 г., например, разъяснялось муллами на арабском языке во время проповедей в мечетях. Некоторые из них вели также соответствующую агитацию, пробуждая патриотические чувства в массах, или молились со своими прихожанами за успех русского оружия в нелегком для страны испытании¹⁰³. По причине недостатка подготовленных кадров, хорошо понимавших «дух кавказский», с 1905 г. вследствие возникновения кризисных обстоятельств в стране наметилось обращение к предшествующему опыту времен успешного завершения Кавказской войны, предпочтительное назначение на службу в крае ее ветеранов, и т.д.¹⁰⁴

Для приближения управления к местным условиям и повышения его эффективности произошло восстановление наместничества¹⁰⁵. Накануне событий 1914 г., связанных в том числе с намечавшимся вновь обостре-

¹⁰² ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–1-об.

¹⁰³ Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 363; Вершигора А.Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар. 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 224; Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965. С. 23.

¹⁰⁴ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5150. Л. 1.

¹⁰⁵ ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215.

ем геополитических противоречий вокруг Кавказа, турецкая агентура активизировала свою деятельность, прикрываясь якобы существовавшими намерениями «исламского просвещения» и объединения «всех мусульман для прогресса», чем, собственно говоря, и стремилась привлечь симпатии единоверцев. Занимавшиеся этим специальные комитеты не ограничивались в своей пропаганде пределами Османской империи и стремились к тому, чтобы способствовать «возрождению ислама в России»¹⁰⁶, как важнейшего фактора для разрушения ее целостности.

С началом Первой мировой войны, когда с невиданным размахом развернулось противоборство за пересмотр сложившихся ранее государственных границ и передел зависимых владений, по наблюдению Министерства внутренних дел, в Турции активизировали деятельность религиозные движения, намеревавшиеся вместе с тем способствовать «возрождению ислама... в других странах и, в частности, развивать панисламскую и пантюрокскую идею в России»¹⁰⁷. Во все губернии и области «со значительным... мусульманским населением» для этого засылались под разными прикрытиями начитанные ходжи для проповеди теории «единства всего мусульманского мира»¹⁰⁸. Проникая в соответствующие местности, агентура имела преимущественно зарубежное, как правило, турецкое, происхождение, но в ее среде встречались и завербованные возвращающиеся в Россию паломники, совершившие в соответствии с предписаниями ислама хадж в Мекку «для поклонения гробу пророка Магомета»¹⁰⁹.

Натолкнувшись на медленное распространение связанных с идеей панисламизма догматов на российских окраинах, и на Кавказе тоже, координаторы этой деятельности стали собирать сведения «для детального изучения образа жизни, религиозных и политических» настроений проживавших там народов. Главное внимание при этом уделялось возбуждению в массах фанатизма через «исламское просвещение»¹¹⁰. Содержание же его являлось всецело своеобразной технологией разрушения. Религиозные

¹⁰⁶ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

¹⁰⁷ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

¹⁰⁸ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

¹⁰⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. Л. 17.

¹¹⁰ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–1-об.

ценности являлись для нее лишь прикрытием. Составленный панисламистами контент «просвещения» использовался для возбуждения в массах фанатизма и разрушения государственной целостности России. Для предполагаемых восстаний на Кавказ завозились большие партии оружия¹¹¹. Фактор «исламского просвещения» в проводимой политике, как уже отмечалось выше, задействовала и Россия. Но оно имело нацеленность на интеграцию в согражданство.

В октябре 1914 г., турецкими панисламистами было составлено специальное воззвание мусульманам всего мира «Священная война обязательна», в котором утверждалось со ссылками на выдержки из Корана, что «все мусульмане, без различия национальности и подданства, являются, согласно велениям их религии, братьями и потому должны, под опасением небесной кары, всячески помогать друг другу»¹¹². В воззвании провозглашалась борьба «за освобождение... народов, исповедующих ислам»¹¹³. Поднимался в этой связи в своеобразной постановке и территориальный вопрос¹¹⁴.

В распространявшихся турецкой агентурой пропагандистских прокламациях содержалось предписание, что «каждый верующий мусульманин должен считать себя воином, ибо настало время освободить мусульманские земли от неверных»¹¹⁵. К ним были отнесены Астрахань, Казань, Крым, Туркестан и местности расселения российского казачества. В этих притязаниях обозначался и Кавказ. Необходимость отторжения этих территорий обосновывалась тем, что «они находятся в подчинении у неверных, хотя мусульманское население в них составляет большинство»¹¹⁶. Текст заканчивался призывом «к немедленному объявлению священной войны» за их возвращение, к неподчинению «распоряжениям христианских правительственных властей», неуплате повинностей и регулярному истреблению иноверцев. Россия, как и ее союзники (Англия, Франция), обвинялась не

¹¹¹ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 13. Д. 254. Л. 23.

¹¹² ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1.

¹¹³ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–1-об.

¹¹⁴ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 3–5.

¹¹⁵ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 3.

¹¹⁶ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 3.

без умысла в этой связи в стремлении «погасить дивный свет магометанской религии»¹¹⁷.

Враждебную агитацию на ее территории активно проводили и иные зарубежные организации. Так, образованный в Германии «Союз для охраны германизма за границей» разослал по немецким колониям на окраинах империи, в том числе и на Кавказе, своих эмиссаров, которые порицали все русское и предпринимали усилия распространить в среде колонистов настроения пангерманизма¹¹⁸. Опасность этих разновидностей агитации, в особенности панисламистской, для стабильности и целостности государства была очевидна¹¹⁹.

В ноябре 1914 г. «султан-халиф» объявил «джихад», вложив при этом особый смысл в его характер. Он заключался в том, что вооруженная борьба на истребление должна быть направлена не против всех иноверцев вообще, а только в связи со сложившимся моментом против одной группы держав, враждебных Османской империи и ее союзникам. В развитие этой инициативы мусульманский первосвященник («шейх-уль-ислама») сформулировал пять фетв, канонических толкований происходящих событий на основе Корана¹²⁰. «Россия, Англия и Франция, – утверждалось в них, – проявляют все старания – да упасет от этого Аллах – погасить высокий свет ислама»¹²¹. Исходя из этого все мусульмане, проживавшие в пределах государств Антанты, призывались выступить против своих правительств, и это вменялось им в обязанность¹²². Особый смысл в фетвах придавался и употребляемым понятиям. Выступали они не как правовые и политические заключения, а имели прежде всего направленность на формирование сознания верующих за пределами Османской империи¹²³.

Обращение с фетвами «шейх-уль-ислама» придавало призыву наиболее важное значение. Обладавшее этим титулом лицо в Османской империи воспринималось в качестве наделенного высшими религиозными и по-

¹¹⁷ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 5.

¹¹⁸ ЦГИА РФ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 656. Л. 1.

¹¹⁹ ЦГИА РФ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

¹²⁰ Миллер А.Ф. Оттоманская империя. (Султанская Турция). М., 1946. С. 48.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Исламский толковый словарь. Сост. Г.М. Гогиберидзе. Ростов н/Д, 2009. С. 231.

литическими полномочиями «старейшины ислама», призванного освещать решения султана¹²⁴. Приписка к титулу «халиф» представляла последнего как «главу мусульманской общины», замещающего, как считалось у верующих, «пророка Муххамеда»¹²⁵. На окраинах отечественного Востока, в отличие от Османской империи, сложилась практика присваивать звание «шейх-уль-ислама» лишь шиитским и суннитским муфтиям¹²⁶. И, наконец, если в обычном применении «джихад» имеет более широкое толкование, включавшее в том числе духовное совершенствование, в тексте анализируемого воззвания он сводился лишь к борьбе за веру¹²⁷. Выделение смыслов с такой направленностью в самом Коране осуждалось: «вы верите в одни слова сей Книги, и отвергаете другие...»¹²⁸.

Однако все религиозные системы позволяют делать любые интерпретации содержащихся в них положений. Единой же теории «джихада» не существует¹²⁹. В дальнейших разъяснениях в фетвах указывалось на то, что «неверными следует считать только державы Антанты... Германия и Австрия являются опорой и защитницей ислама»¹³⁰. Однако данное обращение «султан-халифа» к мусульманам, содержавшее для усиления воздействия на верующих своеобразные теософские обоснования, не получило сколько-нибудь значительной поддержки в странах зарубежного Востока, в том числе даже таких, как Египет и Индия, где население имело в тот промежуток времени повышенную предрасположенность к религиозному фанатизму. На российских окраинах этот призыв встретил еще большую невосприимчивость¹³¹.

Столкнувшись с этой реальностью, панисламистские комитеты в Турции разослали в 1914 г. во все страны с мусульманским населением своих агентов для детального изучения образа жизни, религиозных и политических взглядов единоверцев с целью выработки мер для их последующего

¹²⁴ Там же. С. 254.

¹²⁵ Там же. С. 237.

¹²⁶ Там же. С. 254.

¹²⁷ Там же. С. 57.

¹²⁸ Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. 10-е изд. доп. М., 2008. С. 42.

¹²⁹ См. подробнее: Добаев И.П., Добаев А.И., Гаджибеков Р.Г. Радикализация ислама в Российской Федерации. М., Ростов н/Д, 2013. С. 19.

¹³⁰ Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 48.

¹³¹ Там же.

объединения и выявления возможностей для развития фанатизма, который к тому времени на российских окраинах неуклонно ослабевал¹³². Пропаганда на этом направлении велась и отдельными сторонниками панисламистской и пантюркистской идей из среды российских мусульман и особенно при посредстве специально подготовленных лиц, проникавших в Россию из Турции под видом купцов, странствующих мулл, возвращавшихся из Мекки богомольцев после совершения паломничества (хаджа), и т.д.¹³³

Наряду с проповедями «о духовном и национальном единстве мусульман всего мира» велась агитация за признание лидирующего значения для них единой Турции и ее халифа «в качестве духовного главы всего мусульманства»¹³⁴. Подрывная деятельность турецкой агентуры попадала в поле зрения соответствующих подразделений Министерства внутренних дел, но специальные разработки неизменно показывали устойчивость мусульманского населения на окраинах отечественного Востока, в том числе на Кавказе, к невосприимчивости агитации, направленной на разрушение целостности Российской империи¹³⁵. Исключения не воспринимались сотрудниками этого ведомства как представлявшие угрозу и этим скорее всего объясняется то, что оперативные наблюдения не сопровождались принятием решительных мер, хотя они были, безусловно, необходимы.

На Северном Кавказе, например, отдельные представители мусульманского духовенства, преимущественно имевшие низший сан, проводили целенаправленную враждебную агитацию, способствовавшую возбуждению в массах религиозной нетерпимости¹³⁶. В начале XX в. еще встречались эффендии и муллы, в частности, в Кубанской области, продолжавшие возбуждать население против России, «существующего строя... и правительства»¹³⁷. Они всячески стремились поддержать вражду к православным

¹³² ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–1-об, 3.

¹³³ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 3.

¹³⁴ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 3.

¹³⁵ ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1.

¹³⁶ Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927. С. 10.

¹³⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229.

там, где она еще существовала, и вели для этого соответствующую пропаганду¹³⁸. Под ее воздействием появлялись и сепаратистские настроения.

После вступления в 1914 г. Османской империи в Первую мировую войну на стороне Тройственного союза некоторые муллы заканчивали молитвы в мечетях призывами: «Да изгинет род русского царя!» В пророчествах они предсказывали, по свидетельству Х. Ошаева, основанному на личных воспоминаниях, неизбежный приход турок – «людей с черным флагом»¹³⁹. По его утверждению, у какой-то части мусульманского населения Терской области, преимущественно в чеченских селениях в горных районах, объявление войны было встречено «с тайным ликованием, с ожиданием всяких бед русскому начальству». Под воздействием религиозных проповедей враждебного содержания фанатичные массы «радовались каждой неудаче русских войск и печалились при неудачах Турции»¹⁴⁰.

Однако в преобладающей степени мусульманское духовенство на том сложном и не определенном для будущего страны этапе старалось все же всячески формировать настрой на единство с Россией. Это проявилось и при встречах Николая II с его представителями во время поездки на Кавказский фронт во всех населенных пунктах края, где происходили остановки. Состоялась такая встреча, например, в Петровске 20 ноября 1914 г. По прибытии монарха 25 ноября в Дербент, с приветствием к нему в присутствии депутации от Дагестанской области, состоявшей из мулл, старшин и почетных лиц всех округов, обратился на кумыкском языке, с которого был сделан перевод, один из видных религиозных авторитетов З.Б. Тарковский. В речи он особо выделил такую фразу: «Любовь к Царю и любовь к Отечеству есть неразрывные части мусульманской веры»¹⁴¹.

Находясь на Кавказе, со своей стороны глава российского государства своим поведением подчеркивал личное уважение к мусульманской религии. В Тифлисе, выполнявшем роль централизованного управления регионального центра империи, он нашел возможность для общения с предста-

¹³⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229, 252.

¹³⁹ Ошаев Х. Указ. соч. С. 10.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Дагестанские ведомости. 1914. 7 дек.

вителями высшего мусульманского духовенства, посетил шиитскую и суннитскую мечети, выслушал стоя на коленях молебны на арабском языке¹⁴². В его присутствии закавказский муфтий свою молитву закончил словами: «Да благословит тебя, государь, всевышний царь-царей на мудрое, долгое и счастливое царствование, на благо своих подданных и на страх врагам твоим»¹⁴³. Изложенные высказывания представителей мусульманского духовенства свидетельствуют о том, что оно могло создать пророссийские толкования (тарикаты) ислама. Но они не были сориентированы на это государственной властью. Приверженность сохранению целостности России как единого отечества демонстрировала при встречах с монархом и подавляющая часть мулл.

Поездка Николая II на Кавказ в данный промежуток времени судя по всему неслучайна. Она явилась своеобразным откликом на цивилизационный вызов, который явился одним из немаловажных факторов противостояния в условиях начавшейся Первой мировой войны. «Султан-халиф», воспринимавшийся как обладатель верховных прав в среде всех мусульман не только Османской империи, объявил «джихад» в том числе и России. Появились и канонические толкования происходящих событий на основе Корана «шейх-уль-ислама», имевшие по отношению к ней враждебную направленность¹⁴⁴. В события тем самым привносился с турецкой стороны духовный (сакральный) аспект, который мог сыграть деструктивную роль. Однако по шариату российский монарх тоже считался обладателем верховных прав на своих подданных, исповедовавших ислам. На Кавказе Николай II получил благословение всех высших представителей мусульманского духовенства, с пожеланиями «победы над врагами»¹⁴⁵, что также имело глубокий сакральный смысл.

Но в наступивших для России испытаниях какая-то часть мусульманского духовенства северокавказской окраины занимала враждебные по отношению к ней позиции. Отмеченная двойственность продолжала сохра-

¹⁴² ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1387. Л. 11, 22–23.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. Л. 90-х-об.

¹⁴⁴ Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 48.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. Л. 90-х-об.; ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1387. Л. 11, 22–23.

няться и, как показывали события, постепенно происходило ее углубление. Оно носило скрытый характер, и специальные службы империи не смогли, видимо, в должной мере оценить разрушительный потенциал нараставшей угрозы. Во внимание принималось преимущественно то, что устойчивость к деструктивным сепаратистским воздействиям, в том числе основанным на идее исламской исключительности и религиозного единства, демонстрировали и российские мусульмане. Получаемые оперативные сведения неизменно вскрывали эту тенденцию, имевшую в реальности явное преобладание. Само явление, как можно судить по их содержанию, не было осмыслено.

Вместе с тем в среде исповедовавшего ислам населения Российской империи существовали и враждебные настроения. Инспирировались они и из-за рубежа. Этим старались воспользоваться соответствующие группировки. В 1915 г. в Стамбуле создается Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России, распространявший слухи о якобы их «бедственном положении»¹⁴⁶. С этой целью его организаторы посещали европейские страны, где старались навязать свои представления. Информация направлялась и ряду правительств. В программу Комитета были включены и сепаратистские требования об образовании независимого от России Туркестана, а также воссоздания Крымского и Казанского ханств. В 1916 г. на встрече активистов в Стокгольме был подписан меморандум, в котором содержались положения об угнетении народов России, нарушении их прав, в том числе в религиозных вопросах. Сообщение об этом по телеграфу было направлено президенту США Вильсону¹⁴⁷. Обвинения между тем не имели ничего общего с действительностью.

Восстания 1916 г. в Туркестанском крае исключением не являлись. С влиянием оппозиционных исламских группировок они во всяком случае не были связаны. Протестные движения в тот период, как можно судить по источникам, вызывались не клерикальными движениями, а реквизициями, введенными и на восточных окраинах Российской империи в период Первой мировой войны. Не прослеживается и какая-либо роль «идеологии

¹⁴⁶ Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории. С. 162.

¹⁴⁷ Там же.

тюркизма» в акциях недовольства. От реальности оторваны также утверждения о наличии «вооруженной освободительной борьбы» в мусульманских регионах. Опровергаются они, например, донесениями Министерства внутренних дел, в которых указывалось на то, что протесты не выбиваются за пределы общегосударственных задач и не имеют сепаратистской окраски.

В 1916 г. стало нарастать недовольство населения Казанской губернии мусульманской фракцией Государственной думы. В его среде возникли опасения, что получившая избирательные полномочия группа депутатов «не отражает и не отстаивает интересов многомиллионного мусульманского населения империи»¹⁴⁸. Проявлялись такие настроения и на Кавказе. Недовольство провоцировалось распространившимися слухами, что на предстоящей сессии Государственной думы «будут затронуты весьма важные для инородцев вообще и, в частности, для мусульман вопросы»¹⁴⁹. Велась агитация за необходимость командировать «в помощь членам фракции опытных и образованных общественных деятелей из различных местностей с мусульманским населением»¹⁵⁰. В этой связи Особый отдел канцелярии наместника его императорского величества на Кавказе предпринял усилия взять под контроль это движение.

Начальникам губернских и областных жандармских управлений Кавказского края был разослан циркуляр с просьбой «уведомить, не предполагается ли командирование уполномоченных с указанной целью в Петроград... и, в утвердительном случае, сообщить подробные данные о личности командируемых, политическом их направлении и тех... директивах, какие будут ими получены от местных мусульман, выяснив также... какие отдельные домогательства мусульман они намерены поддержать»¹⁵¹. После изучения обстановки последовало разъяснение, что широкий размах это недовольство на Кавказе не обрело¹⁵².

¹⁴⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 6453. Л. 35.

¹⁴⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 6453. Л. 35.

¹⁵⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 6453. Л. 38.

¹⁵¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 6453. Л. 38.

¹⁵² ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 6453. Л. 41.

На рубеже XIX–XX вв. тем не менее край продолжал оставаться зоной цивилизационного разлома, с существенно ослабленным, но сохранившимся тяготением к Востоку. Вместе с тем его ареалы превратились в составную часть российского государственного пространства. Воздействие происходивших в его пределах процессов на ситуацию в крае было более действенным, чем влияние, исходившее из сопредельных стран. Становление особого отечественного феномена, не имевшего аналогов в зарубежной практике, превращалось в устойчивую тенденцию. Российское мусульманство, наряду с православием, играло конструктивную роль в сближении народов Северного Кавказа и преодолении цивилизационного разлома.

Интегрированность исповедовавшего ислам населения края в российское согражданство возрастала. Формировалась и соответствующая идентичность. Для ее укрепления необходим был приспособленный к исторической реальности богословский контент, становление которого из-за отсутствия религиозного центра (муфтиата) на Северном Кавказе и государственной поддержки происходило стихийно. Такая же ситуация была характерна и для других окраин отечественного Востока. Объединительная же надконфессиональная идеология, основанная на данных науки, в начале XX в. в России отсутствовала.

Глава III

Пределы устойчивости в 1917–1920 гг.

Тенденция федерализации

Установление веротерпимости в системе государственных отношений после Февральской революции в России Временное правительство стало относить лишь к своей политике, отрицая тем самым достижения предшествующего периода. Между тем заявления о том, что «пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры»¹, не соответствовали российской действительности, в которой и до произошедших перемен не допускалась дискриминация других конфессий. Несмотря на то, что в 1917 г. возобладала версия об «оскорблении религиозных чувств при старом режиме»², в условиях революционного кризиса, когда вскрывалась слабость или устойчивость той или иной тенденции, отечественное мусульманство выдерживало испытание на прочность.

Кризисные события приводили в ряде случаев лишь к пророссийской консолидации исламского духовенства. На этот раз инициатива принадлежала отнюдь не каким-либо местным или центральным специализированным структурам, а проявлялась преимущественно снизу. Наблюдалось это во всех отечественных конфессиях, в том числе и христианских. Так, 6–8 апреля 1917 г. состоялся съезд духовенства и церковных старост у осетин. После коллективной молитвы на нем было высказано намерение проводить в жизнь идеи «нового правительства». Об этом был проинформирован председатель Совета министров и обер-прокурор Святейшего Синода³.

Мусульманским духовенством предпринимались усилия организоваться не только на местном, но и на общегосударственном уровне, что в

¹ ГАРФ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 128. Л. 35.

² РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). М., 1920. С. 7–8.

³ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1972. С. 46.

определенной мере отражало трансформацию в новых условиях назревших на предшествующем этапе потребностей. 15–17 марта 1917 г. для этой цели в Петрограде было созвано совещание мусульманской фракции Совета с прибывшими от исповедующего ислам населения страны уполномоченными⁴. На нем были обсуждены последствия февральских событий и перспективы выборов в Учредительное собрание⁵. Совещание приняло решение о проведении Всероссийского съезда мусульман в Москве. Его повестка соответствовала задачам, стоящим перед страной, и не содержала каких-либо сепаратистских требований.

Для проведения подготовительной работы и решения других вопросов координации действий было образовано Временное центральное бюро российских мусульман, превратившееся в своего рода исполнительный комитет⁶. С 15 апреля 1917 г., после переезда из Петрограда, где первоначально собрались посланцы этой конфессии для обсуждения произошедших изменений в судьбе отечества, оно продолжило деятельность в Москве⁷. Политизация исламского фактора в России происходила в преобладающей степени также во взаимосвязи с общими процессами и не имела, как правило, сепаратистских отклонений.

В пределах Кавказа объединение мусульманского духовенства выразилось в создании вскоре после Февральской революции Временного комитета мусульманских общественных организаций, взявшего на себя координирующие функции⁸. Попытка «образовать общее управление делами» для всех исповедующих ислам на Кавказе предпринималась и в соответствии с постановлениями съезда мусульман края, созывавшимся специально для решения этой и других организационных проблем 15 апреля 1917 г. в Баку. На нем особо было указано на необходимость поддержки Временного правительства, возглавившего верховную власть России. Данный съезд явился первым общим региональным форумом, на котором решалась в качестве

⁴ Голос Дагестана. 1917. 23 апр.

⁵ Голос Дагестана. 1917. 30 апр.

⁶ Голос Дагестана. 1917. 1 окт.

⁷ ЦГА РД. Ф. 610-Р. Оп. 1-с. Д. 16. Л. 4–5.

⁸ История Дагестана. Т. 3. М., 1968. С. 20–21.

одной из важнейших проблема краевого управления для мусульман⁹.

Выдвигаемые же требования не выбивались ни по каким аспектам из сложившегося в имперском прошлом в российских границах общегражданского синтеза. К категории сепаратистских нельзя отнести и положение о возможности использования тюркского языка в средних и высших звеньях системы образования¹⁰. К тому же специализация по арабской и персидской лингвистике в ней производилась. Мусульманское население в предложенном на съезде в Баку проекте конфессиональной организации было поделено на две группы, и для горцев Северного Кавказа предусматривалось организовать «свое местное управление» с центром во Владикавказе¹¹. Для этой, как и для южной, частей края были образованы два временных бюро, деятельность которых направлялась Особым бюро кавказских мусульман, куда входили делегаты бюро Северного Кавказа и Дагестана, а также Закавказья¹².

Однако эта попытка, несмотря на происходившие радикальные перемены в стране, наталкивалась на внутренние конфессиональные препятствия. Разобщенность самого мусульманского духовенства в крае, как впрочем, и в России в целом, оказалась непреодоленной. На съезде мусульман Кавказа в Баку сделан был шаг вместе с тем к примирению суннитов и шиитов. Так, при его открытии 15 апреля 1917 г. произошло публичное «братание» двух глав этих враждебных направлений, шейх-уль-ислама и муфтия, которые, обнявшись, заявили: «теперь не должно быть ни суннита, ни шиита»¹³. Разногласия в толкованиях ислама объявляются не имеющими значения в контексте конфессионального и общероссийского единения.

Внутренний конфессиональный антагонизм между последователями шиизма и суннизма под воздействием российской интеграции на северокавказской окраине, как видно, тоже был существенно ослаблен. Однако основанный на взаимных обвинениях в приверженности «неистинному ис-

⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 1. М., 1957. С. 604.

¹⁰ Там же.

¹¹ Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917–1919 гг.). М., 1949. С. 12.

¹² История Дагестана. Т. 3. С. 21.

¹³ Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 154.

ламу», он представлял потенциальную опасность. В зарубежных мусульманских странах из-за этих разногласий нередко происходили столкновения, имевшие весьма трагические последствия. Отечественное мусульманство как явление в условиях углубления революционного кризиса, в целом, выдерживало испытание на устойчивость к разрушительным воздействиям.

После подготовительной работы с 1 по 11 мая 1917 г. в Москве прошел Всероссийский съезд мусульман. Собрав делегатов со всей России, он явился весьма представительным¹⁴. На съезде был сформулирован призыв: «Мусульмане, объединяйтесь!» Выступавший от Дагестанской области делегат Г. Бамматов, в частности, указал на важность «единения мусульманских народностей в России под знаменем ислама». Далее в его речи содержалось такое уточнение: «сейчас в России для мусульман понятия нации и ислама совпадают»¹⁵.

Активизация религиозной жизни в 1917 г. намечалась и по другим направлениям. Так, «по случаю праздника орудж-байрам», проходившего по сложившейся традиции с 8 по 10 июля, имам Ставропольского прихода обратился, как сообщалось в газетах, «с просьбой к господам хозяевам и начальникам освободить мусульман на этот период от всех занятий»¹⁶. В положенный срок в Ставропольской мечети состоялась торжественная служба (намаз), собравшая большое количество верующих, откликнувшихся на приглашение принять участие в коллективной молитве¹⁷.

У значительной части мусульманского духовенства присутствовало стремление сохранить целостность сложившегося к 1917 г. геополитического и цивилизационного пространства в пределах Российской империи. Оно формировало настрой на единство.

На проводимых религиозных съездах полномочные представители от мусульман неизменно заявляли о желании «иметь республику на федера-

¹⁴ Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация // Документы и материалы. М., 1959. С. 445; Кашкаев Б. О. От Февраля к Октябрю (Национально-освободительное движение в Дагестане). М., 1972. С. 117.

¹⁵ Гаджиев А. Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 156, 158–159.

¹⁶ Северокавказский край. 1917. 7 июля.

¹⁷ Северокавказский край. 1917. 7 июля.

тивных началах»¹⁸. По мере обострения обстановки в стране это намерение высказывалось неоднократно, что само по себе показательно. Так, в мае на мусульманском съезде в Москве, а в июле – в Казани выдвигалась идея «национально-культурной автономии» для исповедующего ислам населения¹⁹.

О принимавшихся решениях на съездах мусульман России в 1917 г. информация поступала на места и получала поддержку. Посланные на них представители, например, от Летней ставки, административного образования в Туркменских степях Ставропольской губернии, после возвращения выступили на общем сходе, созванном районным комиссаром для решения текущих вопросов. Во Временное центральное бюро российских мусульман в Москве в свою очередь поступали сведения со всей страны. Со схода туркмен пришло, в частности, сообщение о противниках «поднятия уровня культурного развития мусульман, эмансипации женщин и т.д.»²⁰

Кроме отмеченных объединительных структур был создан и Всероссийский мусульманский военный совет (широ), по инициативе которого и при поддержке Временного правительства осенью стали формироваться военизированные подразделения, «мусульманские национальные полки», призванные служить общегосударственным интересам²¹. Временное управление мусульман, созданное в 1917 г., состояло в соответствии с решаемыми задачами из трех ведомств: духовного, народного просвещения и финансов. Управление было подразделено для мусульман внутренней России и Сибири (с охватом ареала в том числе южной азиатской периферии). 17 октября исполнительный комитет Всероссийского мусульманского совета обратился к Временному правительству с просьбой отдать распоряжение всем государственным учреждениям направлять дела, «касающиеся духов-

¹⁸ Голос Дагестана. 1917. 15 октября.

¹⁹ Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970. С. 15–16.

²⁰ Северокавказский край. 1917. 7 июля.

²¹ Голос Дагестана. 1917. 1 окт.; Голос Дагестана. 1917. 15 окт.

но-религиозных нужд мусульман», непосредственно в него вместо прежнего Оренбургского духовного собрания²².

Наиболее отчетливо настрой на сохранение единства с Россией проявлялся, как и на предшествующих этапах, с возникновением для государства кризисных ситуаций. Причем соответствующая тенденция проявлялась в той или иной степени на всех окраинах отечественного Востока. Возникший, например, в Ташкенте «Исламский совет» («Шуро-и-Ислам») отстаивал необходимость объединения мусульман Туркестанского края «на основе единой идеи» и призвал верующих «оказывать содействие политике нового правительства». Сторонники «образования... мусульманского государства под эгидой Турции»²³ и на этой окраине оказались в тот промежуток времени в меньшинстве.

В советской историографии степень поддержки перспективы создания «тюркского государства» на принципе так называемого «чистого исламизма» явно преувеличивалась, по крайней мере для периода 1917 г. Объединения мусульман в восточных административных субъектах страны, в частности, в приведенном уже в качестве подтверждения Туркестанском крае, «Совет исламистов» («Шуро-и-Исламия»), «Совет духовенства» («Шуро-и-Улема»), в Казахстане «Алаш» и другие, по более поздней эволюции взглядов отдельных активистов нельзя, на мой взгляд, классифицировать как «националистические»²⁴. В этих объединениях происходило столкновение разных настроений, существовавших в среде российских мусульман. Возможность перегруппировки самосознания под воздействием религиозных доктрин, имевших враждебное содержание по отношению к сформировавшейся до 1917 г. евразийской общности народов, безусловно, в реальности существовала и на Северном Кавказе. Тем не менее усилия, направленные на это, завершались, как правило, неудачей.

²² Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.) // Документы и материалы. М., 1962. С. 482.

²³ Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 255.

²⁴ Рахманов Н.М. Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии. Ташкент, 1973. С. 42–43; Лихолат А.В. Национализм – враг трудящихся: Анализ исторического опыта борьбы против национализма. М., 1986. С. 89 и др.

Такие последствия имела, к слову, предпринятая на съезде Союза объединенных горцев в мае 1917 г. попытка установить теократическое правление (имамат) группировкой мусульманского духовенства из Дагестанской области, состоявшей из последователей (мюридов) шейха Н. Гоцинского. Разногласия по этому вопросу при обсуждении оказались настолько сильны, что чуть не привели к вооруженному столкновению. Против выступили и представители «чеченского духовенства» Д. Арсанов, А. Митаев, и др. Немногочисленными оказались на фоне протестов и сторонники Н. Гоцинского²⁵. Несмотря на это, после очевидного провала в июне 1917 г. ими стала проводиться на территории Чечни усиленная агитация. Ее организовал один из сподвижников Н. Гоцинского шейх Узун-Хаджи. На аульских сходах он извещал присутствующих о том, что на границе Дагестанской области («у озера Эйзен-Ам») Н. Гоцинский объявит себя имамом. Кавказ же, по его утверждению, «переходит во владение турок»²⁶.

На аульских сходах Узун-Хаджи собравшимся рекомендовал в этой связи «приобретать оружие во что бы то ни стало». Все приглашались в указанное место, где в подтверждение своей призванности на имамство богом, Н. Гоцинский «покажет чудо»: совершит молитву, расстелив «бурку по середине озера»²⁷. В ряде случаев утверждалось, что это сделает Узун-Хаджи. После молитвы по замыслам организаторов должен был быть провозглашен «газават», священная война с неверными²⁸. Призывы Узун-Хаджи давали результаты. По всему краю стала происходить усиленная скупка оружия, о чем свидетельствуют и возросшие на него цены. На «объявленный съезд» к озеру прибыло со всего Северного Кавказа, по воспоминаниям Х. Ошаева, до 20 тыс. человек. Среди них оказались «представители всех племен и народностей»²⁹.

Деятельность сторонников Н. Гоцинского наибольшую активность обрела в связи с намечавшимся на 20 августа 1917 г. II съездом «делегатов народов» края в селении Анди, расположенном в нагорном Дагестане у

²⁵ Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. С. 15.

²⁶ Там же. С. 14.

²⁷ Там же.

²⁸ НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 58.

²⁹ Ошаев Х. Указ. соч. С. 14–15.

границы с Чечней. При подготовке его поступали сообщения, что шейх Узун-Хаджи призывал к насильственному изгнанию всех иноверцев. Наряду с этим велась агитация за избрание Н. Гоцинского, председателя Аварского округа, «имамом Чечни и Дагестана» и «восстановление шариата»³⁰. Следует заметить, что нормы мусульманского права на восточных окраинах Российской империи действовали, общим законодательством они заменялись лишь в особых случаях. В 1917 г. ситуация не изменилась. Очевидно речь шла о полном восстановлении. Вместе с тем предполагалось провозглашение Северо-Кавказского имамата³¹.

О созыве II съезда ЦК Союза объединенных горцев объявил заблаговременно 4 августа 1917 г.³² Он должен был по замыслам организаторов продемонстрировать единство горцев³³. Место для проведения в ауле Анди было выбрано, по разъяснениям организаторов, чтобы «вдали от войск и городов» народы края смогли «свободно высказаться о своих нуждах и обсудить их без давления со стороны»³⁴. Приглашены были делегаты от всех мусульманских общин, представители исламского духовенства, интеллигенции, Кавказского фронта, Закавказского комитета, партийных организаций края, национальных объединений и казачества, комиссары Временного правительства³⁵. Однако на съезд прибыли вооруженные отряды, собранные при поддержке председателя Аварского округа Н. Гоцинского. Странники его разъезжали по аулам Аварского и Андийского округов, призывая, как сообщалось в донесении «начальнику войск Дагестанской области» из ботлихского гарнизона, «туземное население... к неповиновению поставленной над ними революционной власти»³⁶.

Наиболее последовательные пророссийские позиции в этих условиях занимали члены ЦК Союза объединенных горцев, относившиеся к интеллигенции, получившей образование в различных (гражданских и военных)

³⁰ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.

³¹ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 5.

³² Горская жизнь. 1917. 4 авг.

³³ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.

³⁴ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 5.

³⁵ Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 24–25.

³⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.

учебных заведениях Российской империи³⁷. Именно с ними соотносились угрозы расправы. Из-за давления съезд в селении Анди, начало работы которого намечалось с 20 августа 1917 г., оказался сорванным³⁸. На следующий день, после соглашения между противоборствующими сторонами, открытие ограничилось только приветственными речами, произносившимися на «местных наречиях» народов Северного Кавказа, с которых делались переводы на аварский, кумыкский, карачаевский, осетинский, черкесский, чеченский и другие языки, а также арабский³⁹. Это указывает на поверхностный характер «русификации», игравшей интегрирующие функции для населения края, на сохранявшееся состояние цивилизационного разлома.

Собравшиеся сподвижники требовали провозглашения Н. Гоцинского имамом, угрожая расправой тем, кто выступит против. В мечетях муллами ежедневно оглашалось воззвание, в котором массам верующих внушалось, что отказавшиеся «от участия в движении по созданию имамата» утратят «свое мусульманство»⁴⁰. Н. Гоцинский в свою очередь подводил теософское обоснование: «Раз... провозглашена свобода, тот мусульманин гяур, кто не способствует созданию имамства»⁴¹. Агитацию с такой направленностью совместно с Узуном-Хаджи вели и другие шейхи⁴². В воззвании содержалось и такое весьма показательное разъяснение: «Главнейшая цель... имамата – установить еще теснее взаимоотношения» мусульман Северного Кавказа с русским народом⁴³.

Н. Гоцинским была также предпринята попытка объединить в пределах края шиитов и суннитов⁴⁴. Намерение же его «объявить себя имамом» вызывало серьезную обеспокоенность⁴⁵. Инициатива не нашла поддержки и у многих северокавказских клерикальных авторитетов (шейхов) и низшего духовенства (мулл). Со своей стороны члены «шариатского блока» убе-

³⁷ См. подробнее: Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. 2-е изд. испр., допол. Нальчик, 2012. С. 16–18; 19–20; 21–22; 26.

³⁸ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.

³⁹ Музаев Т.М. Указ. соч. С. 182.

⁴⁰ Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 24–25, 29.

⁴¹ Цит. по: Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 153.

⁴² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.

⁴³ Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 29–30.

⁴⁴ Там же. С. 30.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 588.

ждали Н. Гоцинского «называться не имамом, а муфтием»⁴⁶. Скопление вооруженных его сторонников, поддерживавших требования «избрания имама и восстановления шариата», породило слухи о возможном нападении на гарнизон крепости Ботлих. Но отряд чеченцев, прибывший на съезд, Н. Гоцинский призвал «уважать русского солдата, как борца за свободу всех народностей России»⁴⁷.

Впрочем, в искренности таких призывов можно усомниться. Еще до революции на заданный как-то вопрос «существует ли связь между Турцией и Дагестаном?», Н. Гоцинский ответил: «Мы с нетерпением ждем турок, все, как один человек, восстанем против царя»⁴⁸. Идею «горской независимости» проповедовал тогда и шейх Узун-Хаджи⁴⁹. Заявления же о намерениях претендента на имамство в 1917 г. оказывались нередко противоречивыми. Тем не менее некоторые ученые, изучающие личность Н. Гоцинского, склонны к его идеализации⁵⁰. В ряде случаев ему все же не чужда была и пророссийская риторика, очевидно, в расчете на получение более широкой поддержки.

После срыва «андийского съезда» Н. Гоцинский обратился с воззванием «К мусульманам Кавказа», в очередной раз попытавшись убедить массы, что «избрание его имамом... связано лишь с защитой религии и шариата»⁵¹. В проекте создания «Северо-Кавказского имамата», на мой взгляд, просматривается одна из сепаратистских тенденций, так как осуществление проекта способствовало бы разрушению государства. На это указывает и то, что в пропаганде шейха Узуна-Хаджи отмечались призывы к изгнанию «всех иноверцев». В местные же органы власти поступала информация, что сторонников у него «слишком мало»⁵². Несмотря на их усилия, на том этапе намерение введения теократического правления обернулось неудачей.

⁴⁶ Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 25.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.

⁴⁸ Письмо тов. Нариманова к Неджмеддин-Эффенди, духовному вождю Дагестана от 11 сентября 1919 г. // Жизнь национальностей. 1919. 21 сент.

⁴⁹ Жизнь национальностей. 1920. 29 февр.

⁵⁰ Доного Х.-М. Нажмутдин Гоцинский: грани личности. Махачкала, 2002; Он же. Наш имам Нажмутдин Гоцинский. Махачкала, 2004.

⁵¹ Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. (Национально-освободительное движение в Дагестане). М., 1972. С. 44–45.

⁵² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.

Н. Гоцинский так и не получил признания в качестве имама⁵³. Вследствие достигнутого компромисса он был объявлен «муфтием всех мусульман Северного Кавказа и Дагестана»⁵⁴.

В постановлении по этому поводу сообщалось, что «духовные лица и избранные представители горских народов» провозглашают муфтием («Шейх-уль-ислам») Нажмутдина-Эфенди. При этом возлагались надежды, что «явившись религиозным главою, он сумеет провести шариат в полном объеме и прекратить грабежи и разбои»⁵⁵. Однако само «избрание» для съезда, возобновившего работу во Владикавказе 20 сентября 1917 г., оказалось «неожиданностью». По свидетельству очевидцев, присутствовавших на заседаниях, «многие протестуют, но выступить открыто не решаются»⁵⁶. Через прессу сообщалось об учреждении муфтиата, который во главе с Н. Гоцинским, по заверению «духовной секции» II съезда, обеспечит проведение «в жизнь законов шариата»⁵⁷. В резолюции определялись и территории, подпадавшие под компетенцию «Кавказского горского духовного правления»⁵⁸.

Создание его с резиденцией во Владикавказе предусматривалось «для мусульман Терской, Дагестанской, Кубанской и Сухумской областей, Ставропольской и Черноморской губернии и Закатальского округа»⁵⁹. Состав правления в проекте намечался из «9 духовных лиц»: председатель («он же муфтий»), остальные члены («кадии») ⁶⁰. Согласие на это Н. Гоцинским, как говорилось в последовавшем разъяснении, было дано ради того, чтобы установление имамата не нарушило «мирные отношения между русскими и мусульманами»⁶¹. Соответственно «главнейшей целью» как муфтий Н. Гоцинский провозглашал установление тесных взаимоотношений

⁵³ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. С. 5.

⁵⁴ Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 45.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 501–502.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 502.

⁵⁷ Голос Дагестана. 1917. 22 окт.

⁵⁸ ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 8.

⁵⁹ ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 8–8-об.

⁶⁰ ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 8-об.

⁶¹ Музаев Т.М. Указ. соч. С. 182.

мусульман Северного Кавказа с русским народом, устранений межэтнических столкновений и беспорядков⁶².

Настрой в среде верующих на сохранение сложившегося государственного единства, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, между тем оказывался преобладающим. В связи с «мятежом» генерала Л.Г. Корнилова исполнительный комитет Всероссийского мусульманского совета выразил глубокую обеспокоенность за судьбу отечества. В специально составленном 30 августа 1917 г. воззвании содержалась, в частности, такая тревожная констатация: «Граждане мусульмане! Россия в чрезвычайной опасности!»⁶³. Возникновение конфликта внутри страны признавалось крайне несвоевременным, так как на фронтах, как особо подчеркнуто в тексте, «наша армия напрягает все силы, чтобы отбить натиск врагов»⁶⁴. Напоминалось вместе с тем о широком участии в этом единоверцев. Мусульман России авторы обращения призывали «в грозный момент» поддержать государственную власть⁶⁵.

Сепаратистской радикализации конфессиональной ситуации не произошло и после съезда народов в Киеве, организаторы которого надеялись на совершенно иной результат. На этом форуме делегаты от окраин, в том числе и от мусульманских, высказывались только «за федеративную связь всех народов и национальных групп» в составе России. Выработанная на основе этого заявления политическая платформа получила на Кавказе широкую поддержку⁶⁶. 15 сентября 1917 г. Министерство внутренних дел представило Временному правительству на этот счет специальную информацию. В ней говорилось о том, что национальные требования сводятся лишь «к желанию услышать со стороны общегосударственной власти признания права... на самоопределение за отдельными народами, вошедшими в состав русского государства в процессе его исторического роста»⁶⁷. Но под самоопределением, как разъяснялось далее, понималось отнюдь не от-

⁶² Там же.

⁶³ Заря свободы. 1917. 1 сент.

⁶⁴ Заря свободы. 1917. 1 сент.

⁶⁵ Заря свободы. 1917. 1 сент.

⁶⁶ ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 316. Л. 16.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1302. Л. 4.

деление. Это разъяснение подкреплялось подтверждением: «Среди мусульман встречается сочувствие мысли об... автономии»⁶⁸.

По этому поводу исполнительный комитет Всероссийского мусульманского совета направил просьбу Временному правительству 17 октября 1917 г. В ней излагалось также требование «отменить законы, регулирующие учебно-воспитательное дело» в мусульманских образовательных учреждениях и допустить в преподавании наряду с русским «родной язык»⁶⁹. Неоднократно подтверждалось, что и на Учредительном собрании избранные от мусульман, в соответствии с пожеланиями верующих своей конфессии, будут отстаивать, как и на предшествующих этапах, «для окраин федеративное устройство», равно как и идеи автономии, «провозглашенной на всероссийском мусульманском съезде» и реализуемой в зависимости от условий в разных формах (национально-культурной и территориальной)⁷⁰.

Устойчивость интегрированности населения окраин отечественного Востока, таким образом, проявлялась и в условиях революционного кризиса 1917 г. Политизация исламского фактора на северокавказской окраине происходила во взаимосвязи с общими процессами в стране, что так или иначе являлось показателем гражданской приобщенности. Стремление сохранить целостность российской государственности существовало у значительной части мусульманского духовенства. Настрой на единство, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, оказался преобладающим в тех условиях и в среде верующих.

Столкновение альтернатив

Интегрирующая роль отечественного мусульманства проявлялась и в условиях гражданской войны. По ходу противостояния противоборствующих сил с разными идеалами государственного устройства она также проявлялась стихийно, но, несмотря на это, выступала одним из существенных препятствий для попыток реорганизации российского пространства,

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д.1302. Л. 4.

⁶⁹ Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.) // Документы и материалы. М., 1962. С. 482.

⁷⁰ Государственное совещание // Архив Октябрьской революции 1917 г. в документах и материалах. С. 185, 186–187, 361–362.

сформировавшегося в пределах империи. Одним из проявлений общности являлась солидарность мусульманского духовенства с православным, проявлявшаяся неоднократно по разным поводам в критических ситуациях.

Так, когда в феврале 1918 г. в Уфе была установлена советская власть, и от ее имени последовал приказ арестовать митрополита Уфимского Андрея, с реквизицией имущества всех православных церквей, исполнение натолкнулось на серьезное сопротивление. Распоряжение не было реализовано не из-за противодействия православных священников, а в связи с наметившимся масштабным протестом мусульманского духовенства, получившим широкую поддержку верующих. Оно решительно заявило, что не выдает «этого великого муфтия врагам Бога» и не позволит «оскорблять православные мечети»⁷¹.

Между тем позиции мусульманского духовенства в отношении сохранения целостности России имели различия. Как и по стране в целом, проявлялось это и на Северном Кавказе. В сентябре 1919 г. Узун-Хаджи предпринял еще одну попытку создать «шариатскую монархию», воспроизводившую по многим признакам существовавший когда-то на Северо-Восточном Кавказе имамат. От Шамиля выводилась для укрепления авторитета и родословная шейха. Данное государственное образование проектировалось уже как независимое от России. В его состав включались территории «от Каспийского до Черного моря». Узун-Хаджи намеревался произвести объединение «всех народов Северного Кавказа»⁷².

После провозглашения «Северо-Кавказского эмирства» сделаны были шаги, направленные на его международное признание в качестве «самостоятельной шариатской монархии» под протекторатом «халифа мусульманского мира его величества оттоманского императора»⁷³. Распускались слухи о привезенной якобы грамоте от турецкого султана, уполномочи-

⁷¹ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. Элиста, 1991. С. 194.

⁷² Бутаев К. Борьба горцев за революцию. (Беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922. С. 34; Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. В 2 т. Т. 2. Ростов н/Д, 1927. С. 133, 137.

⁷³ Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов н/Д, 1930. С. 108.

вавшей на образование «Северо-Кавказского эмирства»⁷⁴. Шейх становился «эмиром Узун-Хаджи-Хаир-Ханом», присвоив себе звание «великого визиря» и командующего войсками. В разъяснениях говорилось: «мы не требуем автономии, а хотим самостоятельной шариатской монархии»⁷⁵. В воззвании к населению содержалось и соответствующее обоснование: «в стране мусульманской республика не может существовать на том основании, что признанием республики мы не признаем халифа (турецкого, что равносильно отрицанию пророка Мухаммеда, а отрицание последнего есть отрицание бога)»⁷⁶.

Для получения поддержки Узун-Хаджи использовал и иные теософские приемы. Верующим, в частности, сообщалось: «Гяуры (неверные. – В.М.) ввели вас в заблуждение, порвите с ними всякую связь, служите мусульманам»⁷⁷. В проекте образования имамата предусматривались министерства, назначаемые губернаторы провинций, «пять армий» и другие необходимые для функционирования государственной власти подразделения. За одну из армий «Северо-Кавказского эмирства» выдавался отряд «большевика Гикало», «произведенного» Узун-Хаджи в генералы⁷⁸. Предусматривалось и введение денежной единицы. Замыслы по мере возможности воплощались в действительность⁷⁹.

Правительство эмирства разместилось в слободе Ведено, куда под влиянием пропаганды стекались чеченцы, ингуши, кабардинцы и др.⁸⁰ Но органы власти так и не были сформированы. В донесениях с мест констатировалось, что провозглашенное «Северо-Кавказское эмирство... никакой опоры в населении не имеет»⁸¹. Массовой поддержки у мусульман оно так

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Цит. по: Каратаева М.А. Из опыта работы областной партийной организации Чечено-Ингушетии по созданию социально-экономических и политических условий преодоления религиозных пережитков в первые годы Советской власти (1920–1925 гг.) // Деятельность Чечено-Ингушской областной партийной организации в период борьбы за победу социализма. Грозный, 1979. С. 89.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Борисенко И. Указ. соч. С. 108.

⁷⁹ Бутаев К. Борьба горцев за революцию. (Беглые очерки из воспоминаний). С. 35.

⁸⁰ Янчевский Н.Л. Указ. соч. С. 133.

⁸¹ ЦГА РСФСР-А (бывш. СООПА). Ф. 1849. Оп. 2. Д. 35. Л. 8.

и не получило⁸², равно как и другие проекты отделения от России. В сводках также сообщалось, что «влияние Узун-Хаджи с каждым днем падает»⁸³.

События связанные с его деятельностью впоследствии по воспоминаниям очевидцев описывались так: «Высшие сословия и национальная буржуазия тянулись к А.И. Деникину, к трехцветному знамени и двуглавному орлу, символу российской монархии. Низшие классы тянулись к красному знамени большевиков и сражались вместе с ними за Советы. Горцы не поддерживали в решающие моменты гражданской войны зеленое знамя с золотым полумесяцем. Классовое начало у них взяло верх над национально-религиозным»⁸⁴. Отмечавшийся раскол между тем был типичен для всей страны в условиях гражданской войны. В феврале 1920 г. «отряд красноармейцев» при поддержке и непосредственном содействии «революционной части горных чеченцев» разоружил в слободе Шатой «эмирское воинство» и арестовал тех, кто его возглавлял. Сподвижники Узун-Хаджи были преданы шариатскому суду⁸⁵.

Мусульмане Северного Кавказа сохраняли и на том этапе настрой на единство с Россией. Показательно в этом отношении и одно из обращений к ним представителей духовенства в 1920 г. В нем кроме призыва «на основании Шариата молиться Богу о сохранении здоровья Верховному правителю адмиралу Колчаку, генералу Деникину и за успех работы сыновей России, жертвующих собой для блага Родины», содержалось побуждение единоверцев к «работе над восстановлением Великой России»⁸⁶. При этом напоминалось им следующее: «Дети наши наравне с русскими учились в русских школах. Двери российских высших учебных заведений, как военные, так и гражданские были открыты... Россия для нас не мачеха, а любящая мать, и, помня это, мы должны довериться ей, ибо она поведет нас по правильному пути, как вела... до сих пор»⁸⁷ (в данном случае составителями обращения использовался стиль Корана. – В.М.).

⁸² НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1; Ф. 21. Оп. 1. Д. 340. Л. 1.

⁸³ Янчевский Н.Л. Указ. соч. С. 137.

⁸⁴ Борисенко И. Указ. соч. С. 110.

⁸⁵ Янчевский Н.Л. Указ. соч. С. 137.

⁸⁶ Цит. по: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. С. 359.

⁸⁷ Там же.

Тем самым в очередной раз проявился со всей наглядностью патриотический потенциал российского мусульманства, который вполне можно было задействовать для противодействия деструктивным процессам на Северном Кавказе, представлявшим опасность для целостности государства. Этноконфессиональные особенности края, наличие территорий с повышенной религиозностью масс, учитывались для достижения целей по ходу гражданской войны и теми, кто противостоял белому движению. В Дагестанскую область, например, на ее исходе входили во главе с муллами только части из российских мусульман, создание которых первоначально допускалось в Красной армии. Они использовали и соответствующую исламу символику: зеленые знамена, портреты имама Шамиля, выполнение предписаний религии, и т.д.

Все это оказывало на массы необходимое воздействие для привлечения их на сторону утверждавшегося режима. А в обращении 18 марта 1920 г. к чеченцам политотдела штаба Терской областной группы красных повстанческих войск, располагавшейся в примыкавшей к нагорной полосе слободе Шатой, делался особый упор на следующее: «говорят вам, что большевики – враги шариата. Это наглая ложь. Власть трудящихся никогда не пойдет против своих же братьев, никогда не позволит притеснять свободную волю тех или иных народностей, которые могут молиться тому богу, которому они верят»⁸⁸. Такие подходы находили отклик и получали поддержку. Исламскому фактору на Северном Кавказе для достижения политических целей большевики судя по всему придавали немаловажное значение⁸⁹ и в чем-то оказались даже более предусмотрительными, чем организаторы белого движения на Юге России. Хотя на занятых Добровольческой армией А.И. Деникина территориях края с мусульманским населением также допускалась деятельность шариатских судов⁹⁰.

Незавершенность универсалистской трансформации между тем сохранялась, как проясняли события, и в российском цивилизационном синтезе,

⁸⁸ РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

⁸⁹ Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 37.

⁹⁰ Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 421.

совмещавшим конфессиональные различия. Одним из показателей этого являлся весьма поверхностный характер «русификации». Владение русским языком в среде «туземного населения» не имело широкого распространения. Вполне отчетливо такое состояние прослеживалось вплоть до 1920 г., то есть до окончания наиболее острых фаз противоборства «красных и белых» по ходу гражданской войны в России. При выработке мер по «ликвидации неграмотности», в частности, представители большевистского режима в крае вынуждены были использовать арабский язык⁹¹, что свидетельствовало о его большей распространенности за счет многочисленного мусульманского духовенства по сравнению с русским. Именно поэтому для достижения цели привлекались иногда даже муллы. Использовалась и вся имевшаяся литература на арабском языке, включая фрагменты административной отчетности предшествующих лет⁹².

На окраинах отечественного Востока, в том числе и на Северном Кавказе, в условиях революционного кризиса российское мусульманство, как показывает анализ, имело не меньшие интегрирующие возможности, чем впоследствии политическая доктрина большевизма, обладавшая на первых порах элементами привлекательной революционной новизны. Наиболее сильной в ней оказалась идея социальной справедливости, отраженная в тех или иных вариациях во всех мировых религиях. Ислам, как известно, также не являлся исключением. Сила идеала социальной справедливости заключалась и в том, что он являлся вековой мечтой всего человечества.

⁹¹ ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2. Д. 44. Л. 70.

⁹² ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2. Д. 44. Л. 70–70-об.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в проводившейся политике на северокавказской окраине Российской империи, равно как и на других, выдерживались осторожные подходы со ставкой на традиционализм и исламскую составляющую, рассчитанные на постепенность изменений. Религиозный фактор задействовался и для интеграции иноэтнического населения. Мусульманство также использовалось для укрепления государственного единства Северного Кавказа с Россией. Оно имело равноправный статус. Уважительным было отношение в проводимой российской политике и к исламским традициям. Обращение в православие не имело широкого распространения.

Поддержание же конфессиональных ограничений в условиях цивилизационного разлома являлось оправданной мерой. Православная церковь поддерживала настрой на веротерпимость. Порицание других церквей подвергалось запрещению и по существовавшим российским законам. Во второй половине XIX – начале XX в. для достижения цели гражданского приобщения в России задействовался фактор «исламского просвещения». Поощрялось открытие у мусульманских народов средних и высших духовных школ (мектебе и медресе).

Эти учебные заведения существенно преобладали над официальными «министерскими». В русских школах, открывавшихся на Северном Кавказе в аулах, право на преподавание основ ислама и отправление обрядов в мечетях предоставлялось представителям от самого населения. Количество мусульманских молельных учреждений увеличивалось. Это являлось показателем того, что у иноэтнической части населения, исповедовавшей ислам, идеологическое поле было более сильным, чем у восточнославянской.

Ответственность за ежедневное исполнение молитв в мечетях возлагалась на мулл. Равные возможности с ними по степени влияния на верующих имели и эффендии. Кадии специализировались в знании мусульманского права (шариата) и выполняли функции судей. В сельских обществах на мулл и кадиев часто возлагались административные обязанности. Исполнявшие управленческие функции низшее духовенство подчинялось

старшинам. Оно оказывало наибольшее влияние на религиозный быт и настроения мусульман северокавказской окраины, занимаясь не только организацией молитв в мечетях, но и ведая практически всеми сферами культурной и правовой жизни.

Из-за отсутствия духовного управления на Северном Кавказе действия мулл и кадиев были разрозненны. В составе России они, как и прежде, признавали «над собою главенство шаха, находящегося при гробе Магомеда». Эта зависимость касалась «постов и молений». Учреждение должности муфтия, высшего духовного лица для всех мусульманских общин северокавказской окраины, должно было изменить данную ситуацию. Поднятие уровня образованности наиболее массовой низшей категории мусульманского духовенства и установление контроля над ним вызывалось необходимостью преодоления состояния конфессионального тяготения к зарубежному исламскому Востоку.

При утверждении мулл распространение получила практика клятвенных обещаний, принимавшихся в полном соответствии с предписаниями мусульманской религии. Русские власти стремились поднять уровень исламской образованности духовенства. Для занятия должности приходского муллы претенденты подвергались испытанию в знании мусульманского вероучения. Проводились они исключительно с учетом предписаний исламской традиции. Испытания повышали уровень компетентности мусульманского духовенства. Его представители низшего звена являлись частью административного аппарата.

Организация мусульманского духовенства ограждала население от невежественного вмешательства в религиозную жизнь. Кадии и муллы утверждались из числа лиц, избираемых обществами. Кандидатуры отклонялись лишь в случаях выявления неблагонадежности. Деятельность низшего духовенства после завершения Кавказской войны и в последующие периоды так и не была поставлена под эффективный контроль властных структур и муфтиатов империи. Переходное состояние в заведовании духовными делами мусульман на Северном Кавказе не было преодолено.

Религиозное самоуправление мусульман Кубанской и Терской областей находилось под внешним надзором местных властей. В централизованном порядке оно подчинялось Военному министерству. В Ставропольской и Черноморской губерниях вопросами вероисповеданий иноэтнических обществ занималась гражданская администрация. Сложившиеся разновидности организации религиозного быта населения, исповедующего ислам, не имели принципиальных различий и были нацелены на гражданское приобщение.

В начале XX в. управленческий корпус на Северном Кавказе стал пополняться и из высших прослоек мусульманского духовенства. Делались попытки централизовать управление. В сферу ведения учреждаемого религиозного центра предусматривалось включить мусульманское население областей и губерний края. Более широкая опора на мусульманское духовенство делалась с учетом усиливавшейся в его среде пророссийской ориентации. В начале XX в. наметилось ослабление фанатизма в тех районах, где он был после завершения Кавказской войны наиболее сильным.

Муллы противодействовали распространению идей панисламизма и пантюркизма, при возникновении внешних угроз в начале XX в. вели пророссийскую агитацию, пробуждающую патриотические чувства в массах. Не получил поддержки на российских окраинах и призыв об отторжении «исламских территорий». Наряду с этим существовала и другая реальность. Отдельные представители мусульманского духовенства на Северном Кавказе проводили враждебную агитацию. В начале XX в. оставались еще эфендии и муллы, продолжавшие настраивать население против России. Под воздействием такой пропаганды появлялись и сепаратистские настроения.

Но альтернативу, связанную с разрушением единства с Россией, как показывали различные события, можно было навязать только силой. За небольшим исключением мусульманское духовенство края ее не поддерживало. Общей тенденцией в тот промежуток времени являлось в России ослабление религиозности населения. Ее появление на столь консервативном направлении могло быть вызвано лишь более привлекательным для масс

идеологическим воздействием. Его оказывали прежде всего революционные учения. Обозначилось ослабление религиозности и в мусульманских ареалах северокавказской окраины, что свидетельствует о связанности с общероссийскими процессами.

На религиозных съездах в 1917 г. полномочные представители от мусульман заявляли о желании «иметь республику на федеративных началах». Тенденция на единство с Россией выдерживала испытания на прочность и с возникновением самых критических обстоятельств при нарастании революционного кризиса. Радикализации в этом отношении не произошло. На Учредительном собрании избранники мусульман отстаивали для окраин федеративное устройство в форме национально-культурной и территориальной автономий. Настрой на сохранение единства с Россией, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, не подвергался конъюнктурным колебаниям.

Библиография

Источники

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва)

- Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1.
Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1.
Ф. 970. Военно-походная канцелярия Е. И. В. при императорской
квартире. Оп. 1, 3.
Ф. 1300. Штаб Кавказского военного округа. Оп. 1.
Ф. 14257. Штаб войск Кубанской области. Оп. 3.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

- Ф. 6. Канцелярия Временного правительства, г. Петроград. Оп. 2.
Ф. 270. Канцелярия министра внутренних дел. Оп. 1.
Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства. Оп. 1.

ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР, г. Москва)

- Ф. 296. Комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР
Наркомата просвещения РСФСР (Комнац). Оп. 2.

Российский государственный военный архив (РГВА, г. Москва)

- Ф. 192. Управление 9-й армии Южного фронта. Оп. 1.
Ф. 419. Штаб Терской областной группы красных повстанческих
войск. Оп. 1.

**Российский государственный исторический архив
(РГИА, г. Санкт-Петербург)**

Ф. 1276. Совет министров. Оп. 19.

**Государственный архив Краснодарского края
(ГАКК, г. Краснодар)**

Ф. 454. Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1, 2, 3.

**Центральный государственный архив
Республики Дагестан
(ЦГА РД, г. Махачкала)**

Ф. 2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области. Оп. 2.

Ф. 147. Управление Хасав-Юртовского округа Терской области. Оп. 1.

Ф. Р-610. Временный областной (гражданский) исполнительный комитет Дагестанской области. Оп. 1-с.

**Центральный государственный архив
Республики Северная Осетия-Алания
(ЦГА РСО-А, г. Владикавказ)**

Ф. 1849-П. «Испарт». Оп. 2.

**Научный архив Северо-Осетинского Института
гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А
(НА СОИГСИ, г. Владикавказ)**

Ф. 1. История Северной Осетии до революции. Оп. 1.

Ф. 21. Революция и гражданская война в Северной Осетии. Оп. 1.

**Государственный архив Ростовской области
(ГАРО, г. Ростов-на-Дону)**

Ф. 826. Донское охранное отделение. ДОО. Оп. 1.

**Центральный государственный исторический архив
Республики Грузия
(ЦГИА РГ, г. Тбилиси)**

Ф. 12. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1883–1905 гг. Оп. 11.

Ф. 12-с. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1883–1905 гг. Оп. 13.

Ф. 13. Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг. Оп. 1, 3.

Ф. 17. Канцелярия Тбилисского губернатора. 1860–1917 гг. Оп. 1, 2.

Ф. 94-с. Кавказское районное охранное отделение (1907–1914 гг.). Оп. 1.

Ф. 493. Общество восстановления православного христианства на Кавказе 1860–1917 гг. Оп. 1.

Ф. 2081. Закавказский комиссариат. 1917–1918 гг. Оп. 1.

**Нормативные акты
и докладная документация**

Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель Д.Ю. Арапов. М., 2001.

Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. (По данным Ставропольского губернского статистического комитета). Ставрополь, 1915.

Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. Екатеринодар, 1916.

Полный свод законов Российской империи: В 2 кн. / Под ред. А.А. Добровольского. Кн. 1. Т. 1. СПб., 1911.

Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 3-й созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. Т. 1. (№№ 1–350). СПб., 1908.

«Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительственных учений...». Проект «Положения об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа» (Публикация Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006.

Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991.

Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия!: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 2011.

Сборники документов

Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). Составитель Д.Ю. Арапов. М., 2001.

Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1972.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 1. М., 1957.

Государственное совещание // Архив Октябрьской революции: 1917 г. в документах и материалах. / Под ред. М.Н. Покровского. М.: Л., 1930.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. Составитель и автор вступительной статьи, предисловия и комментариев Д.Ю. Арапов. М., 2006.

Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). М., 1920.

Приложения архивных материалов // См. в кн.: Думанов Х.М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994.

Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация // Документы и материалы. М., 1959.

Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.) // Документы и материалы. М., 1962.

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. Махачкала, 1994.

Богословские и теологические трактаты

Библия. Ветхий завет. М., 2009.

Гайнутдин Равиль, муфтий. Ислам в современной России. М., 2004.

Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. десятое, доп. М., 2008.

Миропиев М.А. Религиозное и политическое значение хаджа, или священное путешествие мухаммедан в Мекку. Казань, 1877.

Пантелеимон, епископ Майкопский и Адыгейский. «Христианская вера процветала на Кавказских горах...» // Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2003.

Письма о магометанстве. В типографии III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии. СПб., 1848.

Хадисы пророка. Перевод и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. четвертое. М., 2008.

Литературное и философское наследие

Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988.

Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. Св.-Троицкий монастырь, 1991.

Чехов А.П. Остров Сахалин. М., 2004.

Мемуарные и иные археографические свидетельства

Бутаев К. Борьба горцев за революцию. (Беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922.

Гаспринский И. Русское мусульманство. Симферополь, 1881.

Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994.

Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракитина. 1862. СПб (публикация В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

Курдов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991.

Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927.

Письмо тов. Нариманова к Неджмеддин-Эффенди, духовному вождю Дагестана от 11 сентября 1919 г. // Жизнь национальностей. 1919. 21 сент.

Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

Справочные издания

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2007.

Исламский толковый словарь. Сост. Г.М. Гогиберидзе. Ростов н/Д, 2009.

Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб. 1898). Л., 1991.

Периодические издания

Газеты:

Голос Дагестана (Петровск-Порт). 1917.

Горская жизнь (Владикавказ). 1917–1918.

Дагестанские ведомости (Петровск-Порт). 1913–1914.

Жизнь национальностей (Москва). 1918–1922.

Заря свободы (Ставрополь). 1917.

Ставропольский край (Ставрополь). 1917.

Литература

Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973.

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.

Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004.

Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Ростов н/Д, 2009.

- Алиев У. Карачай. Ростов н/Д, 1927.
- Батунский М.А. Россия и ислам. Т. 1–3. М., 2003.
- Батунский М.А. Русская клерикальная исламистика и ее оппоненты: круговая оборона и многоцелевое наступление // Цивилизации и культуры: научный альманах. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995.
- Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб., 1900.
- Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5.
- Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
- Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов н/Д, 1930.
- Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976.
- Василевский К. Ислам на службе контрреволюции. М., 1930.
- Великая Н.Н. «Теория» Х.-А. Нухаева в зеркале российской философской мысли XIX в. // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2004.
- Великая Н.Н. Официальное православие и гребенские казаки в XVIII – начале XX вв. // Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России. Сборник научных статей. Ростов н/Д, 2003.
- Великая Н.Н. Религиозные верования народов Северного Кавказа // Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010.
- Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Тверь; М., 1999.
- Вершигора А.Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современности.

менность. Материалы научной конференции. г. Краснодар. 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Гаджиев А. Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. Пер. с англ. М., 1998.

Гольдциэра И. Идеалы старо-арабские и идеалы Мохаммеда // В кн: Очерк истории ислама. Р. Дози. Пер. с фр. В.И. Коменского. С предисловием и редакционными примечаниями профессора арабской словесности Лазаревского Института Восточных языков в Москве А.Е. Крымского. СПб., 1904.

Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI век. 1997. № 9–10.

Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М, 2001.

Дзидзоев В.Д. Национальные интересы Российской Федерации на Кавказе после «холодной войны» (историко-политологический аспект глобальной проблемы) // Кавказский регион: пути стабилизации: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2004.

Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003.

Добаев И.П., Добаев А.И., Гаджибеков Р.Г. Радикализация ислама в Российской Федерации. М., Ростов н/Д, 2013.

Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Ростов н/Д, 2015.

Добаев И.П., Черноус В.В. Отзыв на рукопись Х.-А. Нухаева «Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта» // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости // Южнороссийское обозрение. Вып. 23. Ростов н/Д, 2004.

Добромыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912.

Доного Х.-М. Нажмутдин Гоцинский: грани личности. Махачкала, 2002.

Доного Х.-М. Наш имам Нажмутдин Гоцинский. Махачкала, 2004.

Ерасов Б.С. Выбор России в Евразийском пространстве // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 1. М., 1994.

Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2009.

Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Майкоп, 1999.

Зорин В. Российский ислам // Отечественные записки. № 5 (14). 2003.

Ивонин Ю.Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI в. // Вопросы истории. 1993. № 6.

Исаев И.А. История государства и права России. Курс лекций. М., 1993.

История Дагестана. Т. 2. М., 1968.

История Дагестана. Т. 3. М., 1968.

История Ставропольской митрополии. Очерк. Ставрополь, 2012.

Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция, весна 1917 г. – лето 1918 г. Дисс. докт. ист. наук. М., 2003.

Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970.

Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995.

Каратаева М.А. Из опыта работы областной партийной организации Чечено-Ингушетии по созданию социально-экономических и политических условий преодоления религиозных пережитков в первые годы Советской власти (1920–1925 гг.) // Деятельность Чечено-Ингушской областной партийной организации в период борьбы за победу социализма. Грозный, 1979.

Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. (Памятка терского казака). Владикавказ, 1912.

Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. (Национально-освободительное движение в Дагестане). М., 1972.

Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004.

Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000.

Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936.

Колосов Л. Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября. (1907–1917 гг.). Грозный, 1968.

Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.

Кумпан Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе в 1861–1917 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 2005.

Лайпанов К.Т., Батчаев М.Х.-К. Умар Алиев. Черкесск, 1986.

Лакост Г. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент, 1908.

Лихолат А.В. Национализм – враг трудящихся: Анализ исторического опыта борьбы против национализма. М., 1986.

Лурье С.В. Идеология и геополитическое действие. Вектор русской культурной экспансии: Балканы – Константинополь – Палестина – Эфиопия // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 3. М., 1996.

Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 1. М., 1994.

Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 2. М., 1995.

Максуд Р. Ислам. М., 2000.

Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5. (14).

Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2003.

Матвеев В.А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной

типологии // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2003. № 3–4.

Миллер А.Ф. Оттоманская империя. (Султанская Турция). М., 1946.

Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965.

Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. 2-е изд. испр., допол. Нальчик, 2012.

Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Пер. с нем. Под ред. прив.-доцента Н.А. Медникова. Изд. Л.Ф. Пантелеева. СПб., 1885.

Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 2. М., 1995.

Нухаев Х.-А. Россия и Чечня: мир по формуле «Победа – Победа» // Россия и Чечня: поиски выхода. Сб. статей. СПб., 2003.

Нухаев Х.-А. Террор – технология цивилизации. М., 2002.

Орлова К.В. Социокультурная интеграция калмыков-казаков Дона в российское общество: опыт христианизации // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской научной конференции. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010.

Остроумов Н.П. Исламоведение. Шариат по школе (мазхаб) Абу-Ханифы. Издание «Туркестанских Ведомостей». Тип. при канц. ген.-губернат. Ташкент, 1912.

Отечественные записки. 2003. № 5.

Очерк истории ислама. Р. Дози. Пер. с фр. В.И. Коменского. С предисловием и редакционными примечаниями профессора арабской словесности Лазаревского Института Восточных языков в Москве А.Е. Крымского. СПб., 1904.

Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2 т. Т. 1. Грозный, 1967.

Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 3. Персидская война (1826–1828 гг.). Ставрополь, 1993.

Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982.

Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928.

Рахманов Н.М. Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии. Ташкент, 1973.

Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева. Московский университет. Ученые записки. Вып. 11. М., 1896.

Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

Селантьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М., 2007.

Сенюткина О.Н. Российский политический тюркизм: истоки и закономерности развития (1905–1916 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Нижний Новгород, 2007.

Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. VII (т. 13–14). История России в эпоху преобразования. М., 1962.

Ставропольская Православная Духовная Семинария. 1846–2011. Очерк истории старейшей на Кавказе духовной школы. № 165. Издательский центр «Ставропольской Православной Духовной Семинарии». Ставрополь, 2011.

Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2010.

Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.

Терентьев А.М. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.

Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 2008.

Фазылов М.С. Религия и национальные отношения. Алма-Ата, 1969.

Ферро М. Николай II. Пер. с фр. М., 1991.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. Элиста, 1991.

Хисматулин А.А. Суфизм. СПб., 2008.

Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5.

Череванский В. Мир ислама и его пробуждение. Историческая монография. Ч. I. СПб., 1901.

Шафранов В.П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // Из истории партийной организации Адыгеи. Сб. статей. Ростов н/Д, 1976.

Штернберг Л. Иностранцы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Шукуров Р. По дороге в Индию // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10.

Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917–1919 гг.). М., 1949.

Янчевский Н. От победы к победе. (Краткий очерк истории Гражданской войны на Северном Кавказе). Ростов н/Д, 1931.

Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. II. Ростов н/Д, 1927.

Приложение

Религиозный фактор в контексте демографической и аграрной политики на северокавказской окраине России во второй половине XIX – начале XX в.

Формирование этносферы

После вхождения Северного Кавказа в состав России настроенность на обособленность в ряде «туземных обществ» продолжала сохраняться. Существенные препятствия для интеграции создавали цивилизационные особенности окраины¹. Важнейшим их показателем являлись не совмещенные вероисповедные традиции, имевшие такие же векторы тяготения. Поэтому во второй половине XIX – начале XX в. весьма важное значение в проводившейся политике придавалось изменению неблагоприятной этнодемографической ситуации². Намерение это основывалось на выверенном опыте. Функционирование различных империй проясняло закономерность: если не производится колонизация территории, то она при определенных условиях превращается в анклав сепаратизма и нередко утрачивается³. Давались и объяснения данной закономерности.

Редактор международного сборника статей о европейских континентальных империях А. Кастелянский еще в 1910 г. обратил внимание, например, на «огромное ассимилирующее влияние Рима и сравнительное бессилие Греции в этом отношении», то есть в удержании осваиваемых территорий⁴. Из опыта прошлого им же выделено и такое определявшее отмеченные особенности различие: «Завоевания первого почти всегда сопровождалась широкой крестьянской колонизацией, образованием во

¹ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 1.

² ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 1–2.

³ Ливен Д. Российская империя и ее соперники с XVI века до наших дней: пер. с англ. М., 2007. С. 228.

⁴ Кастелянский А. Предисловие // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. Под ред. А.И. Кастелянского. Изд. т-ва «Общественная польза». СПб., 1910. С. X.

вновь приобретенных областях многочисленных колоний с преобладающим италийским населением, в то время как греческая колонизация состояла преимущественно из торговых элементов, явившихся в страну в весьма малом... количестве»⁵. Подтверждающей иллюстрацией к сказанному может служить и процесс «германизации» в средние века.

Последствия его в зависимости от складывавшихся обстоятельств, как отмечено в составленном А. Кастелянским предисловии к сборнику, также имели различия. Наблюдалось в них, по мнению редактора, следующее: «На юго-востоке Европы, куда шел главный поток... немецкой эмиграции – крестьянин, мелкий ремесленник и т.п., огромная часть туземного славянского населения онемечилась. На востоке же, где оседал главным образом немецкий юнкер и чиновник, германизаторские попытки остались тщетными» причем несмотря на то, что там преобладало «немецкое крупное землевладение, во власти которого находился главный рычаг общественной и политической жизни»⁶.

«Аналогичное явление» прослеживалось и в Северной Америке, где «первыми колонизаторами страны были нидерландцы, явившиеся туда значительно раньше англичан». Но именно из-за демографических соотношений, по утверждению А. Кастелянского, «нидерландская культура не оставила там никаких следов». Объяснение этому он видел в том, что нидерландская колонизация, «рекрутировавшаяся, главным образом, из крупных торговцев», уступила с неизбежностью перед натиском «английской земледельческой колонизации». Сравнения позволили сделать и вывод о тесной связи «между процессом ассимиляции и колонизационным движением», а также о непосредственной зависимости «первой от последнего», что прослеживалось «почти на всем протяжении истории». На основе изложенных наблюдений А. Кастелянский формулирует заключение: «Искусственное насильственное обезличение, ассимиляционная политика никогда и нигде не увенчалась успехом»⁷.

В формировании целостности российского государства особую роль

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

играло восточнославянское заселение, придававшее устойчивость интеграционным процессам на иноэтнической периферии. Некоторые современные авторы, весьма поверхностно освоившие специальную терминологию, отождествляют исторически сложившиеся понятия «колониальный» (зависимый) и «колонизация» (переселение)⁸. Между тем содержательные характеристики у них различны. Колонизация отражает процессы складывания устойчивой этносферы как первичной основы существования государства. Обозначение «колониальный» относится к политике, направленной на перераспределение материальных ресурсов из зависимых стран в метрополии – центры, владевшие ими. К условиям Российской империи оно не применимо. В ее состав входили сопредельные территории, получавшие иной статус. Определение «колония» в отношении окраин, в отличие от европейской практики, до 1917 г. не употреблялось.

Русская колонизация северокавказской окраины в совокупности разнообразных мер способствовала сближению с остальным населением империи. Посредством увеличения численности «благонадежного элемента» представители власти надеялись ослабить вероятность возникновения угрозы ее отторжения⁹. Поэтому восточнославянское заселение в формировании целостности российского государства играло особую роль и придавало устойчивость этносферам на иноэтнической периферии. На всем пространстве юга «от Азова до Днестра», вошедшем в пределы России в разных сочетаниях в ходе упорной длительной борьбы с Турецкой империей, оно происходило с XVIII в.¹⁰, затем после геополитических изменений продолжилась в XIX в. «от Днестра до Кавказа», сопровождаясь во многом идентичными этнополитическими процессами. Значение восточнославянской колонизации как скрепляющего и стабилизирующего фактора еще больше возросло, когда формирование территориальных пределов российского государства подошло к завершению.

⁸ Марченко Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (20–40-е гг. XX в.): военно-исторический аспект. Ростов н/Д, 2002. С. 6.

⁹ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 2.

¹⁰ Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896. С. 129.

Остановимся на анализе особенностей сложившейся под ее влиянием демографической ситуации на северокавказской окраине. Главным в русской истории, как заметил еще в середине XIX в. С.М. Соловьев, было то, что «государство при расширении своих владений занимает пустынные пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно средством колонизации»¹¹. Такого же взгляда на отечественный исторический процесс придерживался и В.О. Ключевский, также указавший на расширение русской колонизации «вместе с государственной... территорией». При этом, как считал он, «происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев»¹². Восточнославянская этническая система, составляя основу обширной империи, в противоположность этому отличалась паритетностью для «инородных» включений и не создавала угрозы их самобытности.

Замечали эту особенность и представители окраин. И. Гаспринский по этому поводу оставил, к слову, такое признание: «Русский человек... смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на “своих”»¹³. В другом издании крымско-татарский просветитель писал: «Самый многочисленный и главный народ России – русские – одарены весьма редким и счастливым характером мирно и дружно жить со всякими другими племенами. Зависть, враждебность, недоброжелательство к инородцам не в характере обыкновенного русского человека. Это хорошая черта, несомненный залог величия и спокойствия России»¹⁴. Данную черту в психологическом складе русского человека выделил и Н.А. Бердяев. В своих размышлениях о нем философ сделал вывод о том, что «русский человек мало способен к презрению, он не любит давать чувствовать другому человеку, что тот ниже его»¹⁵. Такая специфика при заселении иноэтнических окраин наблюдалась повсеместно.

Подтверждают ее и современные исследования. Т.М. Шамба, в част-

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 2004. С. 186–187.

¹² Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. М., 1987. Т. I. С. 50–51, 298.

¹³ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2-х ч. Ч. I. М., 1994. С. 258.

¹⁴ Терджиман (Переводчик). 1884. № 1. С. 1.

¹⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 142.

ности, отмечает, что при формировании российского полиэтнического государственного пространства «освоение новых территорий не сопровождалось вытеснением из мест обитания, а тем более физическим уничтожением населения»¹⁶. По его заключению, «многие, как добровольно присоединившиеся, так и силой покоренные народы не исчезли и не были загнаны в резервацию, а получили возможность полноценного культурного и социального развития»¹⁷. «Ни один народ в составе России не исчез с лица земли», – подчеркивает он¹⁸.

На северокавказской окраине вместе с тем восточнославянская колонизация в большинстве случаев не затрагивала территории расселения горских и тюркских народов. Более того, так как в крае остро стоял вопрос об обеспеченности земель, в местности традиционного проживания иноэтнического населения она вообще не допускалась¹⁹. Намерения создания для него более благоприятных экономических условий при формировании этносферы на северокавказской окраине оказывались приоритетными. Реализовывались при этом и попытки обращения всего «туземного населения» к мирному созидательному труду и исключения вероятности появления сепаратистских настроений в тех случаях, когда применялось военное принуждение при включении в состав России.

Это опровергает существующие интерпретации Кавказской войны как агрессии «имперской России с целью колонизации Северного Кавказа»²⁰. Колонизация «русскими людьми» производилась лишь на незаселенные территории «отдельных окраин» и признавалась «одной из главных мер в деле прочного государственного устройства»²¹. Осознавалось «первостепенное значение этой задачи» еще кавказским наместником князем М.С. Воронцовым, сумевшим ее «правильно поставить» и приступить к планомер-

¹⁶ Шамба Т.М. Абхазия на пути приобретения суверенитета // Независимая Абхазия: проблемы и решения. Сборник научных статей. М., 2007. С. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 2069. Л. 26-об.

²⁰ Цветков О.М. Адыгея в 2000–2009 гг.: победное шествие этничности // Южнороссийское обозрение. Вып. 63. Ч. I. Ростов н/Д, 2010. С. 28.

²¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87.

ной реализации²². Однако при его преемниках соответствующая роль русской (восточнославянской) колонизации недооценивалась, вследствие чего в ряде случаев упущенные возможности привели к непоправимым последствиям²³.

Немаловажную роль в проводимой политике отводил ей и М.Т. Лорис-Меликов, опираясь на знания, приобретенные за десятилетие (1865–1875) службы в должности начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска²⁴. Сменив в управлении Терской областью Д.И. Святополка-Мирского, возглавлявшего ее с момента образования, М.Т. Лорис-Меликов как администратор «не только сумел поддержать порядок», но, по свидетельствам очевидцев, «в то же время заслужил полное доверие туземцев»²⁵. К разработке проводившихся преобразований М.Т. Лорис-Меликов, в соответствии с установившейся российской практикой на окраинах, привлекал представителей от иноэтнических сообществ, стремясь обеспечить тем самым поддержку проводившейся политике со стороны населения²⁶. Смысл восточнославянской колонизации, как свидетельствует его переписка с наместником, он усматривал в том, «чтобы сделать Северный Кавказ вполне русским краем»²⁷.

Стабилизирующее влияние восточнославянской колонизации признавалось и на последующих этапах. С восстановлением наместничества в 1905 г. призванный к управлению Кавказом в непростое время генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков также отводил ей ведущую роль в достижении государственного единства, что неоднократно отражалось в его «всеподданнейших записках»²⁸. В начале XX в. проблема заселения окраин из центральных губерний Российской империи, где отсутствовали тогда возможности земельного обустройства, обсуждалась и в специальных

²² РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87–87-об.

²³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87-об.

²⁴ Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма. (Социально-экономический очерк). Нальчик, 1965. С. 84; Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967. С. 12.

²⁵ Ибрагимова З.Х. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова на Кавказе (2-я половина XIX века) // Известия вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 50, 52.

²⁶ Там же. С. 51, 53.

²⁷ Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 84; Корнев Д.З. Указ. соч. С. 12.

²⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87–87-об.

изданиях. С русской колонизацией в них связывалось немало положительных перемен в перспективах развития других подданных империи²⁹.

В подборке сведений «О переселении в Терскую область из внутренних губерний России» А.А. Долгушин, в частности, обращал внимание на следующее: «Правительство одобрительно отнеслось к явлению переселения», полагая, что «приток русского земледельческого населения... окажет значительное культурное влияние на... туземное население в смысле приобщения его к мирному занятию земледелием, а также надеясь, что в смеси с русским населением туземцы скорее забудут свое обособление от русских и взаимную вражду» (1907)³⁰. Разные аспекты и направленности восточно-славянской колонизации северокавказской окраины подвергались изучению и в советский период развития отечественной исторической науки.

Наибольшее количество работ по этой проблеме опубликовано в 50–70-е гг. XX в. Весомый вклад в ее изучение в тот промежуток времени внесли А.В. Фадеев, П.А. Шацкий, В.Н. Ратушняк и др.³¹ На рубеже XX–XXI вв. ее разработкой занимались В.Б. Виноградов, Н.Ю. Силаев, В.С. Белозеров, З.Б. Кипкеева и др.³² Русскому населению на Северном Кавказе посвящен и специализированный сборник (2002). В статьях Н.Ф. Бугай, Е.С. Троицкого, Г.С. Денисовой и других авторов в нем так или иначе затрагиваются более ранние стадии складывания региональной этносферы³³. Но отдельные стороны освоения Северного Кавказа русскими переселенцами нуждаются

²⁹ См. например: Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 3.

³⁰ Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Изд. Терского обл. статист. комитета. Владикавказ, 1907. С. 7–8.

³¹ Фадеев А.В. Из истории крестьянской колонизации Предкавказья в дореформенный период (1875–1861) // Доклады и сообщения Института истории. Вып. 9. М., 1956; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974; Шацкий П.А. Русская колонизация территории Карачаево-Черкесии // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1975; Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978; Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980 и др.

³² Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. (Формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995; Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2002. № 3; Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 21–54; Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.). М., 2006 и др.

³³ Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века // Южнороссийское обозрение. Вып. 10. Ростов н/Д, 2002.

в дополнительном осмыслении. Прежде всего это относится к демографическим изменениям в структуре населения, вызванным процессами восточнославянской колонизации, и тем качественным подвижкам, которые предопределялись российской универсалистской трансформацией.

Во второй половине XIX в. из-за произошедших на Северном Кавказе демографических перемен, вызванных переселением части «туземных обществ» в Турцию, образовался огромный массив свободных земель, что способствовало дальнейшему расширению восточнославянской колонизации этого региона. При закреплении в составе России с учетом его чрезмерной этнической пестроты и конфессиональной специфики именно такому заселению, как уже отмечалось, придавалось приоритетное значение. Предпочтение же при его организации на первых порах получали казаки и отставные военные, принимавшие участие в покорении Кавказа и в иных крупных военных кампаниях того времени³⁴. Казачьи станицы на северокавказской окраине размещались преимущественно там, где проживали когда-то племена, выселившиеся в Турцию. Горцы, за редким исключением, для этих целей вытеснению с занимаемых земель не подвергались. Свободные фонды использовались и для их аграрного обустройства³⁵.

Из казачьих поселений создавались разделительные линии в ряде местностей, отличавшихся в прошлом повышенной межэтнической конфликтностью. Предшествующий опыт показал, что безопасность в контактных зонах на постоянной основе могло обеспечить только казачество, как наиболее мобильная в военном отношении и психологически подготовленная к экстремальным ситуациям часть населения. Российское казачество устойчиво демонстрировало и привязанность к традиционным государственным устоям. Именно в ряде бывших контактных зон, где очень часто возникали экстремальные ситуации, государственное поле оказывалось особенно сильным. В проводимой политике учитывались в данном случае и этнопсихологические свойства казачества, приверженность

³⁴ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 1–2.

³⁵ Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии... // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4; Он же. «Смотря по желанию...» // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2000. № 1–2.

вере, его своеобразный консерватизм, способствовавший укреплению на иноверной периферии объединительных начал. На первых порах цель, в частности на Северном Кавказе, действительно достигалась и межэтнические столкновения, происходившие постоянно в прошлом, прекращались.

На южных направлениях казачество ограждало население и от набегов. При помощи увеличения его численности на Северном Кавказе предполагалось обеспечить незыблемость новых государственных пределов на приграничной территории в противовес враждебности сопредельных стран, а также сохранявшимся какое-то время в крае антироссийским настроениям. Эти соображения предопределили на начальной стадии военный, с преобладанием военно-сословного фактора, характер колонизации северокавказской окраины, претерпевший затем эволюцию из-за нарастания стихийного притока крестьянских масс из центральной России, обезземеленных реформой 1861 г.³⁶ Тогда же разрабатывается правительственный проект переселения на Кавказ с предоставлением больших льгот «турецких христиан» (некрасовцев, болгар, черногорцев, армян, греков и др.) из Османской империи³⁷.

Для его реализации образуется специальный Комитет, на который возлагались организационные функции³⁸. С конца 1861 г. им была развернута широкая агитационная деятельность. В случае успеха предполагалось из «турецких христиан» создать дополнительный демографический барьер в противостоянии с Османской империей, активно формировавшей из единоверных мусульман, выходцев с Кавказа, «ударную силу» против России. Но переселение «турецких христиан» в ее пределы оказалось не столь массовым, как предусматривалось первоначально³⁹, и реализация проекта, в отличие от турецкого, вскоре прекращается. Официальное отношение к нему изменилось. Возобладали представления, что предпочтительнее сохранить «турецких христиан» на традиционных этнических территориях и не до-

³⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 2–3; Оп. 25. Д. 487. Л. 8-об–9; Д. 504. Л. 8.

³⁷ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов н/Д, 1990. С. 44.

³⁸ Там же.

³⁹ Гальцев В.С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // Известия СОНИИ. Т. 18. Орджоникидзе, 1956. С. 144.

пускать массового с них выселения, так как это не в интересах России.

Вместе с тем рядом управленческих структур сдерживался процесс и восточнославянской колонизации. Это касалось, например, Черноморского округа Кубанской области до преобразования его в губернию. После исхода значительной части «туземного населения» с Северо-Западного Кавказа в Османскую империю, что не предусматривалось российской политикой, «особое положение» о его заселении получило 10 марта 1866 г. «высочайшее утверждение»⁴⁰. Но из-за опасения министра внутренних дел, что узаконение данного проекта приведет к массовому «переселению из внутренних губерний», подписанный монархом, он так и не был опубликован и, соответственно, не вступил в силу⁴¹.

К концу XIX в. вследствие стихийного перемещения обезземеленных крестьян из Центральной России на окраины, в том числе и на Северный Кавказ, правительственный контроль над переселенческим движением, как в целом, так и по отдельным регионам, был полностью утрачен, и оно стало неуправляемым. С 1894 г. делались попытки восстановить регулирование этим процессом, для чего в его организацию были внесены некоторые усовершенствования. Так, при Министерстве внутренних дел в 1896 г. было создано специальное переселенческое управление с предоставлением ему необходимых полномочий в разрешении соответствующих его статусу проблем⁴².

Противодействие несанкционированному переселению «принудительными мерами», основанное, как считал С.Ю. Витте, «на крепостнических чувствах и идеях»⁴³, было отвергнуто как бесполезное, и со значительным опозданием наконец-то поставлено на почву законности. Последовал ряд упрощений в получении надлежащих разрешений, предусматривалось предоставление льгот тем, кто изъявлял желание осваивать периферийные районы империи⁴⁴. Однако предпринимаемые усилия не приводили к изменению положения. Подкреплявшие их инициативы уже

⁴⁰ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12.

⁴¹ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12.

⁴² Кризис самодержавия в России (1895–1917 гг.). М., 1984. С. 47–48.

⁴³ Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 290.

⁴⁴ Кризис самодержавия в России. С. 48.

не позволяли кардинальным образом его поправить. Ситуация усугублялась и иными допущенными ошибками.

С 1897 г. по ходатайству краевой власти была прекращена административная ссылка сектантов в Закавказье. А 9 февраля 1901 г. «высочайше утвержденным положением Комитета министров» отменена она была и по судебным приговорам⁴⁵. До этого на Южный Кавказ направлялись «для поселения значительные партии русских сектантов», так как «усиление состава здешнего населения благонадежным русским элементом» признавалось правительством в качестве одной «из действенных мер упрочения... могущества на... разноплеменной разноверной окраине»⁴⁶. Наиболее интенсивно такое заселение производилось в 30–50-е гг. XIX в.⁴⁷ Однако попытки принудить к исполнению закона о всеобщей воинской повинности спровоцировали выселение духоборов, не желавших из-за религиозных убеждений ему подчиняться⁴⁸.

Наиболее массовым исход этой части восточнославянского населения за границу, преимущественно в Канаду, стал в конце XIX в. Представителями различных управленческих структур высказывались сожаления по поводу жестких мер в отношении духоборов, расселявшихся в Закавказье⁴⁹. Русские администраторы обращали внимание вышестоящих властей на трудолюбие духоборов, полезность их хозяйственной деятельности для экономического развития края. Сообщалось и о том, что для мусульман весьма часто исключения допускались⁵⁰. Однако послабления для духоборов запаздывали. Из-за уклонения от службы в армии духоборы ошибочно перестали восприниматься как «благонадежный русский элемент»⁵¹. В Канаде в этом отношении исключения для них с учетом «религиозных убеждений» были сделаны.

На рубеже XIX–XX вв. возможности для колонизации кавказского края из внутренних губерний России существенно сузились. Влияние на

⁴⁵ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 3.

⁴⁶ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 1–2.

⁴⁷ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 2.

⁴⁸ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 1–2.

⁴⁹ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 1, 2–2-об.

⁵⁰ Туманов Г. М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1901. С. 24.

⁵¹ ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 2.

это оказало и производившееся ранее наделение земель «туземного населения», что также рассматривалось в качестве важнейшей составляющей государственной политики. На территорию Кавказа действие переселенческого законодательства и его основного Закона 1889 г. «О добровольном переселении крестьян на казенные земли» распространилось по ходатайству краевой администрации лишь с 1899 г.⁵² А в 1904 г. в существовавшее законодательство были внесены по императорскому указу дополнения, закрепившие оказание государственной поддержки только в тех случаях, когда переселение производилось «в интересах землеустроительного дела во внутренних губерниях или колонизации окраин»⁵³. Но и в начале XX в. отмечалось «отсутствие специальных правительственных органов для руководства переселенческим делом» и обсуждалась проблема недостатка «правительственной помощи»⁵⁴.

Тем не менее переселившиеся на восточные окраины, например, из «малороссийских губерний» с теплотой вспоминали впоследствии проводившуюся в Российской империи политику по освоению свободных земель. Включение их в хозяйственный оборот они признавали позитивным явлением. Для поддержки переселявшихся создавались «крестьянские банки», где можно было получить на льготных условиях кредиты для обзаведения, выделялись наделы, каждой семье бесплатно предоставлялась лошадь и корова⁵⁵. Но так, видимо, было не везде. Изменения в более благоприятную сторону стали происходить в связи со столыпинской аграрной политикой⁵⁶, в которой освоению окраин, как известно, отводилась особая роль.

Потеря же контроля за переселенческим движением в конце XIX в. привела кроме того к усилению иностранной колонизации южных регионов России, достигшей большого размаха, особенно в Закавказье, и формировавшейся из выходцев как европейского, так и азиатского зарубежья:

⁵² Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. С. 44.

⁵³ Кризис самодержавия в России. С. 66.

⁵⁴ Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1901. С. 51.

⁵⁵ Голушко Н.М. Моя украинская семья // В кн.: Голушко Н.М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2 х т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 22.

⁵⁶ Там же.

греков, немцев, турок и др. Размеры ее вызывали опасения⁵⁷. Этот процесс был обусловлен в том числе и воздействием достаточно сильного в XIX в. в России государственного поля, имевшего тогда немалые притягательные возможности. Нередко европейцы или выходцы из азиатских стран, попадая в сферу его влияния, приехав на службу или в поисках лучшей доли, становились «русскими по духу», не отвергая при этом свою прежнюю национальную принадлежность⁵⁸.

Неслучайно эмиграция в пределы России держалась в отдельные периоды XIX столетия примерно на таком же уровне, как и в США, с той лишь разницей, что по преимуществу была аграрной. Тем не менее приезжавших привлекали в России не только свободные земли, но и защищенность «твердым государственным порядком»⁵⁹. Для прекращения колониционных потоков из-за границы в 1897–1904 гг. был принят ряд законов, дававших дополнительные преимущества русским переселенцам⁶⁰. Однако из-за сокращения запасов свободных земель и возникшего к тому времени аграрного перенаселения возможности русской колонизации Северного Кавказа заметно снизились, сохранившись на прежнем уровне лишь в немногих наиболее плодородных районах (например, в Хасавюртовском), а в Закавказье были уже упущены⁶¹.

Из-за сложившейся обстановки привлечение русского населения для освоения края существенно затруднилось и даже наметился обратный отток переселенцев⁶². Этому способствовало и противодействие их закреплению в ряде местностей, где существенно преобладало «инородческое» население. Наиболее распространенными способами выдавливания восточнославянских переселенцев являлись грабежи, поджоги, уничтожение посе-

⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 11.

⁵⁸ Матвеев В.А. «Украина от Карпат до Кавказских гор»... Полемиические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. № 144. М., 2001. С. 7.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 11–11-об.; Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 161, 214; Народы России: энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 25, 27–28.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 11–11-об.

⁶¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87–88; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526. Л. 1, 22–23.

⁶² РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 34.

вов и т.д., приводившие крестьянские хозяйства к разорению⁶³. Несмотря на попытки властей противодействовать этому, этнический террор обрел в начале XX в. по всему Северному Кавказу системность. Конфликты принимали такой же характер и между различными «туземными обществами»⁶⁴. Но в большей мере они затрагивали восточнославянских переселенцев. Русская колонизация являлась одной из составляющих политики на сплочение разнородных этнических общностей. Скрепляющим стержнем для них выступало объединительное государственное начало, поддерживавшее баланс и выполнявшее охранительные функции.

Между тем необходимость русской колонизации как консолидирующего средства для обширной и разнородной империи с 1905 г., в связи с рецидивами этнополитической нестабильности на ряде окраин, признавалась еще больше. Однако из центральной России, по настоянию краевых властей всех уровней, ее вынуждены были все-таки прекратить. Для продолжения «русификации» Кавказа администрация края стала подыскивать новые массивы земель, в основном в государственных фондах, а также покупать на эти нужды угодья у частных собственников через Крестьянский поземельный банк⁶⁵. Эта возможность в тот промежуток времени оставалась наиболее вероятной при решении проблемы.

Только теперь посчитали целесообразным для предотвращения оттока переселенцев проводить восточнославянскую колонизацию за счет уже находившегося на северокавказской окраине русского, так называемого иногороднего (пришлого) крестьянского населения, достигшего значительной численности и в большинстве своем безземельного. В расчет принималась длительность проживания на Северном Кавказе и сформировавшаяся вследствие этого приспособленность к местным условиям⁶⁶. Несмотря на это, иногородние, в отличие от русских крестьян и казаков, обосновавшихся раньше и признанных коренными, не имели права входить в общины,

⁶³ Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 63.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 4.

⁶⁵ ЦГА РСОА. Ф. 224. Оп. 1. Д. 96 (ч. 2). Л. 9-об.; Обзор переселенческого дела на Кавказе за пятилетие 1908–1912 гг. СПб., 1913. С. 2, 6, 38.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 220. Л. 37, 39-об.

принимать участие в самоуправлении и, соответственно, иметь земельный надел. Однако коренными не признавались и казаки, переселившиеся в другую станицу. Эта практика распространялась также на иноэтнические сообщества и диктовалась нехваткой земли в пределах края⁶⁷.

Но вновь созданные переселенческие участки на Кавказе были в основном низкого качества и к 1913 г. составляли всего 536 тыс. десятин. Из них для намеченных целей удалось использовать только 3,7%⁶⁸. Сложившееся положение вызывало обеспокоенность в правящих кругах. Чтобы поправить его, в 1915 г. под предоставившимся политическим предлогом были предприняты попытки ликвидировать землевладение иностранных колонистов, оказавшиеся также безуспешными. На такие меры российское правительство вынуждено было пойти из-за активизации деятельности немецкой агентуры, пропагандировавшей в их среде в расчете на поддержку идей пангерманизма⁶⁹. В этой связи при определенных обстоятельствах могла возникнуть угроза для тыла. Но отчуждение вступало в противоречие с российским законодательством, предусматривавшим охрану собственности. Натолкнувшись на это и ряд других препятствий при реализации, оно так и не получило завершения.

В начале XX в. тенденция замедления роста численности русского сельского населения на северокавказской окраине вопреки принимавшимся мерам становилась все более устойчивой. Хотя этот рост превышал еще вдвое аналогичные среднероссийские показатели, в масштабах края он был на столько же меньше городского⁷⁰, что свидетельствовало о постепенном ослаблении аграрной колонизации и усилении притока переселенцев в промышленные центры. Если во второй половине XIX в. численность населения в западной части окраины увеличилась на 115%, а в восточной – на 48,6%, то к 1917 г. – соответственно только на 56,8 и 38,9%⁷¹.

⁶⁷ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 40.

⁶⁸ Обзор переселенческого дела на Кавказе за пятилетие 1908–1912 гг. СПб., 1913. С. 6, 38. (Подсчет авт.).

⁶⁹ ЦГИА РГ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1. Л. 63; Д. 7. Л. 67.

⁷⁰ Константинов О.А. Северный Кавказ (Северокавказский край и Дагестан). М.; Л., 1930. С. 11. (Подсчет авт.).

⁷¹ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 312. Л. 1–1-об; ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 1. Д. 39. Л. 2; Ф. 2314. Оп. 3. Д. 4. Л. 2; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание

Неизменно повышалась и численность «туземных народов», хотя доля их в составе населения несколько сократилась. Если в западной части края прирост составил 24%, а в восточной – 32,4%, то удельный вес снизился соответственно до 4,5 и 50%. В целом по региону увеличение «инородческого населения» в начале XX в. составило 27,3%, а русского 64,7%⁷². Общая же численность населения со второй половины XIX в. до 1917 г., преимущественно за счет интенсивного освоения Северного Кавказа русскими переселенцами, возросла в 3,5 раза, тогда как в Сибири в 2,4, в Новороссии (ныне в значительной мере юг Украины) – в 2,2, а в центре России – всего в 1,2 раза⁷³. Однако более высокий прирост населения на Северном Кавказе, по сравнению с другими окраинами, подвергавшимися не менее интенсивной восточнославянской колонизации, был обусловлен в немалой степени естественным показателями. Причем у исповедующих ислам они были значительно выше.

Особая роль, как уже отмечалось, при освоении этого беспокойного и неоднородного по этническому составу региона отводилась по замыслам правительства казачеству, в ту пору рассматривавшемуся в качестве опоры для политической геополитического равновесия и защиты российских государственных интересов. Ему предоставлялись поэтому наибольшие преимущества, обеспечивавшие постоянный прирост численности Кавказских казачьих

Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXII (62). Дагестанская область. СПб., 1905. С. 76–77; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. СПб., 1905. С. 60–61; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. СПб., 1905. С. 3; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVIII (68). Терская область. СПб., 1905. С. 4; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXX (70). Черноморская губерния. СПб., 1903. С. 3. (Подсчет авт.).

⁷² РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; Д. 1939. Л. 252; ЦГА РСОА. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXII (62). Дагестанская область. С. 76–77; Там же. Т. LXV (65). Кубанская область. С. 60–61; Там же. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. С. 42–43; Там же. Т. LXVIII (68). Терская область. С. 58–59; Там же. Т. LXX (70). Черноморская губерния. С. 30–31; Кавказский календарь на 1917 г. Под ред. Н.П. Стельмашука. Типография канцелярии наместника е.и.в. на Кавказе. Отдел статистический. Тифлис, 1916. С. 190–237; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. Ставрополь, 1915. С. 12. (Подсчет авт.).

⁷³ Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927. С. 22.

войск, для поддержания высоких темпов которого на выделенных еще во второй половине XIX в. землях были оставлены специальные довольно значительные запасы⁷⁴. Это позволяло зачислять в войсковое сословие с предоставлением надлежащих привилегий даже «инородцев». При вступлении в казаки им без каких-либо ограничений, так же как и русским, нарезались земельные наделы, выдавались ссуды из войскового капитала, разрешалось иметь оружие⁷⁵.

Однако предоставление этих прав на Северном Кавказе увязывалось с необходимостью принятия христианства, что ставило претендентов перед нелегким выбором отречения от традиционных религиозных приверженностей своих этнических сообществ⁷⁶. Воспользоваться такой возможностью смогли в силу этого лишь редкие представители мусульманского населения, и прослойка «инородцев» в казачьей среде к концу XIX в. не превышала 2%⁷⁷. Тем не менее северокавказское казачество, кубанское и терское, на рубеже XIX–XX вв., по признанию специалистов, не отличалось этнической однородностью. При существенном преобладании восточного славянства, оно включало в свой состав и представителей различных народов Кавказа. В среде терского казачества, соприкасавшегося непосредственно с территориями, где «туземное население» имело значительный численный перевес, их было больше, чем в кубанском⁷⁸.

Поскольку к началу XX в. запасы войсковых земель существенно сократились и были недостаточны уже для пополнения паевых наделов в будущем, вступление в казаки для русских было ограничено, а для «инородцев» вовсе прекращено, тем более что после революционных потрясений 1905–1907 гг. было признано недопустимым пополнять это сословие из иноэтнической среды⁷⁹. Доступ в сословие был затруднен вскоре после окончания Кавказской войны еще в 60-е гг. XIX в.⁸⁰ Ограничение оказалось

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45588. Л. 1–7-об; Ф. 14257. Оп. 3. Д. 509. Л. 4.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45588. Л. 1–7-об; Ф. 14257. Оп. 3. Д. 509. Л. 4.

⁷⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVIII (68). Терская область. С. 7–8. (Подсчет авт.).

⁷⁸ Тхамокова И.Х. Указ. соч. С. 6, 8.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50198. Л. 3-об; Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 35.

⁸⁰ Тхамокова И.Х. Указ. соч. С. 35.

вновь необходимым с появлением признаков кризиса российской государственности в начале XX в., но уже в более жестком варианте⁸¹. Между тем предоставленные в прошлом преимущества стимулировали у северокавказского казачества еще и в то время опережающий на 10 % прирост по сравнению с «инородческим населением»⁸².

По отношению к демографической ситуации в Европейской России, по расчетам Л.И. Футорянского, рост численности всего казачества юга империи был еще выше и достигал 18%⁸³. За период с конца XIX в. до 1917 г. она увеличилась следующим образом: в западной части края на 48%, достигнув по отношению ко всему населению 53%, в восточной, наиболее этнически неоднородной, соответственно – 36,2 и 20%, а в целом по региону эти показатели составили 46 и 65%. Таким образом, рост удельного веса казачества в составе населения на Северном Кавказе в начале XX в. продолжался и держался еще на уровне 27%⁸⁴. Эти данные наглядно подтверждают устойчивость тенденции изменения соотношения удельного веса «инородческого» и казачьего населения в пользу последнего.

Произошедшие на северокавказской окраине во второй половине XIX – начале XX в. демографические изменения привели к установлению пре-

⁸¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50198. Л. 3-об; Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 35.

⁸² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 61; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; Д. 1939. Л. 252; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 21; ЦГА РСФСР. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXII (62). Дагестанская область. С. 76–77; Там же. Т. LXV (65). Кубанская область. С. 60–61; Там же. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. С. 42–43; Там же. Т. LXVIII (68). Терская область. С. 58–59; Там же. Т. LXX (70). Черноморская губерния. С. 30–31; Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. С. 190–237; Кубанский сборник на 1916 г. Т. XXI. (21). Изд. Кубанского област. статист. комитета. Екатеринодар, 1916. Екатеринодар, 1916. С. 4; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. С. 12; Отчет начальника Кубанской области за 1915 г. Екатеринодар, 1916. С. 4; Отчет начальника Терской области за 1901 г. Владикавказ, 1903. С. 3; Отчет начальника Терской области за 1913 г. Владикавказ, 1914. С. 3 (Подсчет авт.).

⁸³ Футорянский Л. И. Численность, национальный и религиозный состав казачества в 1897–1917 гг. // Казачество в истории России: тезисы докладов Международной научной конференции. Краснодар, 1993. С. 58.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 61; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; Д. 1939. Л. 252; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 21; ЦГА РСФСР. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXII (62). Дагестанская область. С. 76–77; Там же. Т. LXV (65). Кубанская область. С. 60–61; Там же. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. С. 42–43; Там же. Т. LXVIII (68). Терская область. С. 58–59; Там же. Т. LXX (70). Черноморская губерния. С. 30–31; Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. С. 190–237; Кубанский сборник на 1916 г. Т. 21. Екатеринодар, 1916. С. 4; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. С. 12; Отчет начальника Кубанской области за 1915 г. С. 4; Отчет начальника Терской области за 1901 г. С. 3; Отчет начальника Терской области за 1913 г. С. 3 (Подсчет авт.).

обладания в структуре населения «русского фактора», или восточнославянского, достигшего здесь 75% от общей численности всех народов, тогда как в Закавказье, в силу особенностей колонизации, только 6%⁸⁵. В общеимперском масштабе это преобладание было несколько ниже и составляло 65,5%⁸⁶. Как заметил М. Славинский, составитель очерка «Национальная структура России и великороссы» (1910), «то обстоятельство, что 2/3 населения империи принадлежит к русским племенам, дает весьма устойчивый базис для имперской политики»⁸⁷.

Северокавказский край, становление специфических региональных черт которого в то время уже, по всей видимости, подходило к завершению, не являлся исключением. Восточнославянская колонизация являлась одним из аспектов российской политики государственного сплочения разнородных этнических общностей. Происходила она преимущественно стихийно, и лишь в 1905 г. были предприняты попытки ее организации⁸⁸. С этого времени еще в большей степени осознается необходимость восточнославянской колонизации, и она вновь стала рассматриваться в качестве важнейшего интеграционного фактора⁸⁹. Демографическая составляющая проводимой политики также имела направленность на сближение населения окраины. При этностатистическом его исследовании такую взаимосвязь выделил и В.М. Кабузан⁹⁰.

Посредством этого представители русской власти надеялись ослабить вероятность возникновения угрозы отторжения периферийных территорий. Формирование благоприятной этносферы признавалось консолидирующим фактором. Восточнославянский этнический массив на северокавказской окраине имел свои региональные особенности. Здесь так же, как и в Ново-

⁸⁵ Государственная дума. 4-й созыв. Сессия 5. Засед. 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г.

⁸⁶ Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX в. и общенациональная российская идея. М., 1995. С. 37.

⁸⁷ Славинский М. Национальная структура России и великороссы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 281.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87–87-об.

⁸⁹ Кауфман А. Переселение и колонизация. С. 3.

⁹⁰ См. подробнее: Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этностатистическое исследование. СПб., 1996.

россии, происходило «обрусение» самосознания смешанного по составу населения. Данная разновидность этнической эволюции вызывалась общими для империи процессами национальной консолидации восточного славянства. Проводившаяся российская политика способствовала объединению с ним и иноэтнического населения в единую общность.

На северокавказской окраине на рубеже XIX–XX вв. в массе всего населения горские и тюркские общности составляли 12,5%⁹¹, а в районах, где они издавна расселялись или были поселены русскими властями в целях обеспечения земель и приобщения к мирному труду после окончания Кавказской войны, напротив, имели многократное превосходство. Соотношение нарушилось лишь в северо-западной ее части в силу не зависевших в значительной степени от России обстоятельств. Многие «туземные народы» в российских государственных пределах сохранили территории традиционного расселения и свою самобытность. Для их консолидации и дальнейшего развития этничности установились более благоприятные условия.

Важнейшим показателем этого, как установлено авторитетной в начале XX в. австрийской школой национализма, является рост народонаселения⁹². По подсчетам Ф.П. Тройно, этот рост был выше, чем в среднем по стране за тот же период, а по отдельным этническим группам увеличение численности произошло даже в 2 раза⁹³. Сдерживающим и уравновешивающим демографическим звеном интеграции на северокавказской окраине являлось, как и предусматривалось верховной властью, казачество, наиболее организованная в военном отношении разновидность русского (восточнославянского) этноса. В нем налицо были две составляющие, отличавшие его как особый российский феномен: сословность и этнокультурная самобытность. Возможность его пополнения извне была с 1905 г. значительно ограничена, что получило закрепление в специальном нормативном установлении⁹⁴.

Но в XIX – начале XX в. эта тенденция имела уже остаточный харак-

⁹¹ Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. Тифлис, 1916. С. 190–237. (Подсчет авт.).

⁹² Шпрингер Р. Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии): пер. с нем. СПб., 1909. С. 26.

⁹³ Тройно Ф.П. Указ. соч. С. 88.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50198. Л. 3-об.

тер и неуклонно ослабевала по мере истощения запаса свободных войсковых земель, повлекшего за собой значительное сокращение масштабов приема в сословие даже представителей восточного славянства. Несмотря на это, открытость казачьих общин для иноэтнических элементов на Северном Кавказе по-прежнему сохранялась⁹⁵. Казачество тем самым так и не получило возможность обрести однородность. В ситуациях же формировавшихся этничностей на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. в качестве региональной специфики прослеживалось наличие двойственной или даже тройственной принадлежности к различным внутренним вариациям или самобытным сообществам, имеющим универсалистскую государственную сплоченность.

В среде восточного славянства сложилась, например, широко распространенная идентификация «русский-кавказец», фиксировавшаяся в литературных произведениях и иных описаниях края⁹⁶. Существовали и такие отождествления, запечатленные в самосознании, как «русский-казак» и т.п. Иногда эти группы населения называли «полуазиатцами», воспринявшими некоторые черты культуры горских и тюркских народов⁹⁷. О них говорили: «они другие русские». Единство возникало, таким образом, из многообразия. Видный этнолог В.А. Тишков такую возможность выявил при изучении других практик⁹⁸.

Последующие же изменения взглядов на казачество как на «исконное орудие российского империализма», как заметил А.И. Козлов, исследовавший проблему на протяжении многих лет, основывались на исторических искажениях⁹⁹. В некоторых публикациях «казачье войсковое сословие» продолжают до сих пор называть «орудием классового принуждения»¹⁰⁰. К опыту использования казачества как государственной опоры, в том числе для стабилизации ситуации на окраинах Российской империи, интерес про-

⁹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 35.

⁹⁶ Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Дань лермонтовской судьбе (историко-литературоведческие этюды) / под ред. Н.Н. Великой. Армавир, 2004. С. 16, 17, 18; Захаров В.А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Нальчик, 2006.

⁹⁷ Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Дань лермонтовской судьбе. С. 16.

⁹⁸ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 8, 43, 62, 70–71, 139.

⁹⁹ См. подробнее: Козлов А.И. Каменистыми тропами... Исторический очерк. Ростов н/Д, 2008. С. 413.

¹⁰⁰ Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007. С. 87.

являли и за рубежом. Привлекательной в этой связи оказывалась военная организация российского казачества.

В 1902 г. по просьбе шаха Наср-Эддина в составе вооруженных сил Ирана, например, была сформирована казачья бригада, отличавшаяся дисциплинированностью и высокой боеспособностью. Ее рассматривали в качестве элитного подразделения, на которое можно положиться в случае какого-либо военного конфликта¹⁰¹. Одна из попыток создания казачьей бригады в этой восточной стране предпринималась еще в 1879 г., и к ее реализации, как и в начале XX в., привлекались русские офицеры. В обязанности персидской казачьей бригады вменялись весьма широкие функции, связанные не только со службой в резиденции шаха, но и с противостоянием беспорядкам, подавлением бунтов, подготовкой офицеров для иранской армии, воспитанных в духе воинских уставов, существовавших в вооруженных силах Российской империи¹⁰².

Интерес к созданию такого подразделения в Иране оказался весьма устойчивым, и на рубеже XIX–XX вв. вопрос вновь был поставлен в практическую плоскость¹⁰³. Только на персидскую казачью бригаду на этот раз возлагались обязанности защиты и от внешней угрозы. Командиром этой бригады являлся русский штаб-офицер, состоявший на императорской действительной службе. При нем находились несколько других русских офицеров, большей частью армянского происхождения, командовавших полками и батареями. Все они служили при штабе. К казачьей бригаде были прикреплены несколько русских унтер-офицеров, выполнявших обязанности инструкторов. Остальные командные должности в казачьей бригаде, как и в самой иранской армии, занимались местными представителями¹⁰⁴.

Для производства в офицеры в Иране в тот промежуток времени не требовалось никакой особой подготовки, зато большинство персидских казачьих офицеров принадлежали к самым привилегированным слоям общества. Кроме шаха, командир казачьей бригады подчинялся еще военному

¹⁰¹ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. Издал В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений. СПб., 1909. С. 255.

¹⁰² Там же. С. 255, 257.

¹⁰³ Там же. С. 257.

¹⁰⁴ Там же.

губернатору Тегерана и русскому послу, но не военному министру. Этим подчеркивалась не только значительная самостоятельность положения командира бригады, в нем кроме того соблюдалось и политическое значение этих казаков для интересов России¹⁰⁵. Организацией регулярного войска для Ирана она занималась, как было отмечено, и раньше¹⁰⁶, помогая этой стране в противостоянии колониальной экспансии Англии.

Формирование казачьей бригады здесь при поддержке Петербурга происходило и в самом начале XX в., что само по себе показательно. Это соединение, как уже отмечалось, было одним из самых дисциплинированных и боеспособных в шахской армии¹⁰⁷. Намерение же перенять опыт военной организации восточнославянского казачества обусловило ограниченное военное присутствие России в Иране, что укрепило ее геополитические позиции в регионе. И сама практика, как видно, не рассматривалась в качестве пережиточной. За исключением офицеров весь личный состав персидской казачьей бригады состоял из мусульман.

Из-за недостаточности земельных ресурсов между тем правительственный курс на утверждение численного преобладания казачества, рассматривавшегося в качестве одной из важнейших опор российской государственности в кавказском крае, оказался не реализованным. С 1915 г. наметилась возможность поправить положение за счет территории Турецкой Армении, после того как этот ареал в ходе Первой мировой войны был отвоеван у Османской империи и включен в состав России. Незадолго до этого турецкие власти инспирировали здесь погромы сочувствовавшего ей коренного армянского населения, в результате чего было уничтожено, по самым приблизительным подсчетам, 1,5 млн. человек¹⁰⁸. Лишь незначительная часть проживавших на этой территории армян смогла при содействии русских войск, и в частности казачьих соединений Кавказского фронта,

¹⁰⁵ Там же. С. 257.

¹⁰⁶ Д-р Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. Перевод с французского А.М. Сухотина. М., 1924. С. 55.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Акопян С.Ю. Геноцид армян в период Первой мировой войны и его современные этнополитические и международно-правовые последствия. Ростов н/Д, 2006. С. 4; Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2005. С. 51.

спастись бегством в пределы России.

После этой трагедии Турецкая Армения, являвшаяся когда-то центром этногенеза, оказалась фактически незаселенной. Во избежание повторения случившегося, что было не исключено из-за приграничного положения территории, предполагалось и на ней применить практику разделительных линий, апробированную на Северном Кавказе. Для этого и было намечено на отвоеванных у Турции армянских землях сформировать из малоземельных казаков различных казачьих областей Российской империи Евфратское казачье войско¹⁰⁹. В намерении сформировать Евфратское казачье войско просматриваются и религиозные интересы, которые в начале XX в. продолжали играть немаловажную роль в геополитике. На создание Евфратского казачьего войска официально были выделены денежные средства (капиталы), ссуды и т.д., для организационной работы сформировано войсковое правление, но проект так и не был реализован ввиду наступивших в 1917 г. революционных перемен¹¹⁰.

Под восточнославянскую колонизацию и в этом случае предназначались свободные, незаселенные земли. В некоторых публикациях высказывалось мнение о том, что в начале XX в. правящие круги России смотрели на казачество как на явление, изжившее себя и не имеющее перспективы. Формирование Евфратского казачьего войска опровергает данное утверждение. Только неблагоприятное стечение обстоятельств сорвало попытку реализации проекта. В нем также предусматривалось участие армян.

В бывших контактных зонах, где время от времени возникали условия повышенной экстремальности казачье население выполняло функции прикрытия для православного населения. Соединяя в своей субэтничности не только русские, но и евразийские свойства, оно также объединяло иноэтнические группы. Формирование Евфратского казачьего войска сохраняло эту специфику.

¹⁰⁹ Матвеев В.А. Военно-сословный фактор в этнодемографических процессах на северокавказской окраине России накануне революций 1917 г. // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 107–117; Он же. Сколько казачьих войск было в России? // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Первой региональной Кубано-Терской научно-практ. конф. Армавир; Железноводск, 1998. С. 52.

¹¹⁰ Государственная дума. 4 созыв. Сессия 5. Засед. 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г.

Таким образом, укрепление на Северном Кавказе русского (восточно-славянского) присутствия способствовало преодолению многовековой вражды «туземных сообществ», их консолидации и объединению в пределах единого государства. Создались и предпосылки для формирования горской региональной общности, прекращению междоусобиц. Установившееся преобладание в структуре населения восточного славянства способствовало стабилизации, созданию условий для мирных цивилизационных контактов с мусульманским населением. Русские также оказались вовлеченными в процессы региональной интеграции. Складывавшаяся солидарная государственная общность в этносфере северокавказской окраины многократно повышала эффективность исторического взаимодействия.

Земельное обустройство

В публикациях нередко встречается утверждение о допущенной несправедливости при распределении земель на Северном Кавказе. Однако оно опровергается фактами. По свидетельству А. Руновского, изучавшего последовательность возникновения затяжной конфликтной ситуации в специфических ареалах края непосредственно по ходу ее разрешения, для коренного населения нагорной полосы «накануне Кавказской войны российское владычество не было обременительным, горцы не облагались никакими повинностями, были не стесняемы относительно религии, а из обыденных сношений с русскими» извлекали «значительные и постоянные средства к жизни»¹¹¹. После ее окончания были предприняты усилия и к разрешению проблем аграрного обустройства вошедших в состав империи народов края.

Это предусматривалось «в числе прочих мер для органического единения горских народностей с Россией» в качестве определяющего фактора интеграции и преодоления сепаратистской обособленности. В проводившейся политике вместе с тем признавалась важность установления правильных поземельных отношений у «туземного населения», для исключения воспроизводивших в его среде конфликты условий, выделения для него

¹¹¹ АКАК. Т. 5. С. 1498.

при необходимости земель, оставшихся после выселения части горцев в Турцию. При этом наместник его императорского величества на Кавказе того периода великий князь А.И. Барятинский, обеспечивая проведение соответствующей политики, руководствовался убеждением, что «только при строгой определенности поземельных прав каждого» станет возможным «действительное побуждение к сельскохозяйственному производительному труду»¹¹². По его мнению, привязанность к земле сделает «туземное население... в полном смысле оседлым, расположенным к гражданскому развитию»¹¹³.

Для этого были созданы поземельные комиссии, «приступившие к работе с такой энергией и осмотрительностью, что, как отмечалось неоднократно в свое время, в большей части горских обществ... земельный вопрос получил разрешение, сообразно с экономическими интересами различных народностей и целями правительства»¹¹⁴. В 60–70-х гг. XIX в. для них были сделаны значительные прирезки земельных угодий в предгорных и равнинных частях края. Причем это касалось в первую очередь тех обществ, которые до этого веками жили в горах и при сохранении прежнего геополитического положения не могли бы иметь иной экономической перспективы.

Так, например, была в значительной степени устранена нужда в земле у карачаевцев, в результате чего они смогли основать много новых аулов. Участки для них, как и для других народов, тогда выделялись периодически до тех пор, пока сохранялась возможность. В ряде случаев приращение территорий для занятий мирным сельскохозяйственным трудом оказались весьма существенными¹¹⁵. Попытки устранить остроту земельного вопроса на Северном Кавказе предпринимались вплоть до 1917 г.¹¹⁶ Утверждения о вытеснении в горы коренного населения и преднамеренном нежелании русской власти разрешить проблемы его социально-экономического обу-

¹¹² Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис, 1907. С. 73–74.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Напсо Д. А., Чекменев С. А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993. С. 79, 98.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4617. Л. 40.

ройства искажают, как видно, реальность и не являются объективными. Именно они получили наиболее широкое распространение в отечественной исторической науке в советские десятилетия и сохранили свои позиции в ней до настоящего времени¹¹⁷.

В современных публикациях склонность обвинять «царизм» в масштабном перераспределении пространства края в «колонизаторских» целях сохраняется. Так, Ш.А. Гапуров, Д.Б. Абдурахманов и А.М. Израйилов утверждают, что «казачьи станицы и российские военные укрепления» возводились «на исконно кавказских землях, которые отняли у горцев и которые являлись плацдармом для дальнейшего наступления в глубь Северного Кавказа»¹¹⁸. Этим, по их мнению, и были вызваны нападения на русские поселения¹¹⁹, получившие в подвергнутой критике интерпретации представителей иной объяснительной версии происходившего М.М. Блиева, Б.В. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова наименование «набеговой экспансии»¹²⁰.

Между тем попытки разрешить и аграрный вопрос в интересах вошедшего в разные периоды в состав Российской империи населения края предпринимались. Обращение его к мирному созидательному труду рассматривалось в качестве одной из важнейших мер постепенного гражданского приобщения. Это убедительно, на мой взгляд, отражено в исследованиях В.Н. Ратушняка и возглавляемого им коллектива ученых¹²¹. С привлечением многочисленных фактов, не востребованных ранее для научного осмысления, они обратили внимание на необходимость объективного изучения и этой проблемы.

Для упрочнения позиций на Кавказе, особенно в северных частях,

¹¹⁷ Алиев У. Карачаево-Черкесская автономная область. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под ред. М.П. Павловича, М. Султан-Галиева и И.П. Трайнина. Книга первая. Январь, 1923. М., 1923. С. 113.

¹¹⁸ Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Монография. Нальчик, 2008. С. 11.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004; Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар; Армавир, 2004; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

¹²¹ См. подробнее: Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 24–43 и др.

имевших наиболее сложную специфику, в российской политике широко использовались традиционные представления «туземных обществ», отражавшихся в нормах не менявшихся на протяжении веков обычаев (адатов). Опора делалась и на ключевые положения ислама. С учетом наличия у мусульман края, например, убеждения, основанного на догматах веры, в том, что «единственным собственником подвластных ему земель является турецкий султан, а русский царь выступает как приемник его верховных прав»¹²², при закреплении в составе Российской империи это наследие использовалось для поддержания сложившегося традиционного уклада.

В нем были допущены лишь незначительные подвижки, приспособляющие к новым условиям. Право собственности на земли, в том числе приобретенные здесь силой оружия, оказалось вследствие этого во владении государства, которое как бы удерживало их, не нарушая порядка, установившегося на протяжении длительного времени под влиянием восточной сопредельной страны, где и на том этапе в этой сфере не допускались какие-либо отклонения¹²³. Проектирование же изменений и последующее их осуществление могло привести к непредсказуемым последствиям. Осторожность в данном отношении опиралась на разносторонний отечественный опыт обустройства окраин. Правомерность такого подхода имела давнее признание и в зарубежной практике.

Еще в «древнем Риме» государственными считали все «вновь завоеванные земли»¹²⁴. Однако в состав Российской империи таким способом вошла лишь незначительная часть. Поэтому определяющим являлось все же соблюдение восточной традиции. В политике на Северном Кавказе учитывалось также место, отводимое турецкому султану в представлениях мусульманского населения. Он признавался в тот период главой и соответственно духовным наставником суннитов, составлявших на Кавказе большинство¹²⁵. Даже эта, казалось бы, неблагоприятная для утверждения российской юрисдикции традиционная форма отношений не подвергалась

¹²² РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 7-об-8.

¹²³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 8.

¹²⁴ Джилас М. Лицо тоталитаризма. Пер. с сербо-хорватского. М., 1992. С. 215.

¹²⁵ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 348.

слову, а ее перспектива существования предоставлялась времени и естественному отбору.

Поддерживаемая И.Я. Куценко точка зрения о целенаправленном разрушении «царизмом древних традиционных порядков местного землепользования»¹²⁶ является не более чем повторением абстрагированных от фактов констатаций, распространенных в публикациях соответствующей направленности. В них просматривается, как и ранее, склонность приписывать России «худшие черты азиатского самовластия»¹²⁷. Не только в аграрном секторе, но и в других слагаемых «туземного быта», русская власть признавала полезным для повышения привлекательности устанавливаемых порядков и доверия к своим административным нововведениям не нарушать вместе с тем то, что досталось от прошлого и являлось своего рода элементом защиты этнической и конфессиональной самобытности. Ее представителями на сходах аульных обществ после окончания Кавказской войны давались заверения и об уважении к сложившемуся традиционному праву земельной собственности¹²⁸.

Согласно утвердившейся ранее практике российского владычества на Кавказе, право собственности на земли, в том числе приобретенные здесь силой оружия, как уже отмечалось, удерживало государство, чтобы для укрепления стабильности использовались традиционные представления мусульман о том, что «единственным собственником подвластных ему земель является турецкий султан, а русский царь выступает как приемник его верховных прав»¹²⁹. На северокавказской окраине земли поэтому считались казенными, переданными земледельцам лишь во временное пользование, сельским обществам они отводились на праве общественного пользования¹³⁰. В нагорной полосе аграрные отношения строились преимущественно на праве обычаев (адатов)¹³¹.

За крупными землевладельцами оставлялось право частной земельной

¹²⁶ Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007. С. 64.

¹²⁷ Там же. С. 7, 47.

¹²⁸ Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. С. 72.

¹²⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 7-об-8.

¹³⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 110; История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. М., 1959. С. 302.

¹³¹ ЦГА РСОА. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 1-об-2.

собственности¹³². Размеры привилегированного феодального землевладения на северокавказской окраине, по версии советской историографии, достигали 65%¹³³, в Закавказье – 67%¹³⁴. Данные показатели исследователями подвергались сомнению. Но они так или иначе верно, на мой взгляд, отражают тенденцию в сложившейся экономической ситуации. Высшим сословиям «туземных обществ» было сохранено существовавшее ранее социальное положение¹³⁵. Вместе с тем после окончания Кавказской войны было произведено определение сословных прав внутри «туземных обществ» и уничтожено крепостное состояние там, где оно существовало до установления российской юрисдикции, а зависимые сословия у горцев «получили права личные и имущественные»¹³⁶.

В процессе преобразований удалось отселить с прежних мест в крупные аулы на равнину и часть «воинственных» или, как их еще иначе называли, «немирных» горцев¹³⁷. Эпизодические перемещения на контролируемые Россией территории, начатые на Северо-Восточном Кавказе еще при А.П. Ермолове¹³⁸, проводились неоднократно вплоть до полного умиротворения края, и они в какой-то мере привели к размыванию прежней установившейся по ходу противостояния линии, разделявшей различные устремления, в том числе и на неприятие российского подданства в среде одних и тех же этнических общностей.

Образовавшиеся пространства после эмиграции в Турцию не желавших подчиниться российскому управлению обществ использовались и для аграрного обустройства даже тех, кто воевал на стороне Шамиля. Во второй половине XIX в. на них производились переселения нагорных аулов, входивших когда-то в имамат. Выделялись для этого уголья в различных

¹³² РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 110.

¹³³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 110-об; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 252. (Подсчет авт.).

¹³⁴ Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976. С. 116.

¹³⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 177–177-об.

¹³⁶ Раждаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1925. С. 68; Эсадзе С. Указ. соч. С. 73–74.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Виноградов Б.В. Деятельность генерала П.Д. Цицианова в контексте основных тенденций российско-северокавказских отношений первой половины XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа. Сб. научных статей. Краснодар, 2000. С. 92.

местностях на равнине, включая Надтеречной район. Вместе с тем была предпринята попытка урегулировать поземельные споры чеченцев с кумыками и казаками¹³⁹. Для этой цели в 1866 г. создается Чеченский отдел Терской поземельной комиссии, имевший временный статус¹⁴⁰, так как при наличии не введенных в оборот сельскохозяйственных фондов проблему предполагалось решить в кратчайшие сроки. Не занятые для аграрного обустройства населения территории использовались, таким образом, не только для восточнославянской колонизации. Она распространялась, как заметно по предшествующему анализу, на преимущественно свободные земли, не заселенные горскими и тюркскими народами.

На более плодородные равнинные пространства в северо-западных частях Кавказа были переселены практически все аулы. Причем это было сделано, по мнению З.Б. Кипкеевой, в пределах этнических районов «для закрепления населения на постоянных местах жительства»¹⁴¹. Перемещения с гор здесь также предпринимались в интересах «туземных обществ», прежде всего «для улучшения их жизнеобеспечения»¹⁴². Не происходило «захвата горских территорий», как считает З.Б. Кипкеева¹⁴³, и на более ранних этапах вхождения Северного Кавказа в состав России. В Кубанской области в результате перераспределения земельного фонда, предпринятого после 1864 г., половина его досталась не восточнославянскому населению¹⁴⁴.

Однако немалая часть тех, кто участвовал в конфликте на стороне Шамиля в северо-восточных частях края, не была затронута этими перемещениями. Оставшееся же только в нагорной полосе Терской области население с конца XIX в. до 1917 г. увеличилось на 36,6% , тогда как в Даге-

¹³⁹ Мальцев В.Н. Начало реформирования традиционной системы поземельных отношений на Северном Кавказе в 50–60-е годы XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа. Сборник научных статей. Краснодар, 2000. С. 77.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ставрополь, 2007. С. 3–4.

¹⁴² Там же. С. 9.

¹⁴³ Там же. С. 26.

¹⁴⁴ Мальцев В.Н. Указ. соч. С. 78.

станской области этот показатель составил всего лишь 23,5%¹⁴⁵. Возможности обеспечения земель в этих ареалах края уже не существовало, так как распределение земель в пределах всего северокавказского региона еще во второй половине XIX в. завершилось¹⁴⁶, а право земельной собственности, в том числе в отношении самих горцев, охранялось законами империи.

Ситуация аграрной перенаселенности обуславливалась многими факторами и прежде всего ростом численности населения. Со времени окончания Кавказской войны и до 1917 г. он составил 181%, соответственно 238,1% в западной части окраины и 106% в восточной¹⁴⁷. Избыточность сельского населения порождалась также структурными изменениями в аграрном секторе экономики, начавшимися еще во второй половине XIX в. Земледелие к 1913 г. давало 82% его валовой продукции, а животноводство всего – 18%¹⁴⁸. На предшествующем же этапе данное соотношение, предопределявшееся запросами общероссийского рынка и развитием капитали-

¹⁴⁵ РГВИА Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; Д. 1939. Л. 252; ЦГА РСОА. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXII (62). Дагестанская область. СПб., 1905. С. 76–77; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. СПб., 1905. С. 60–61; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. СПб., 1905. С. 42–43; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVIII (68). Терская область. СПб., 1905. С. 58–59; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXX (70). Черноморская губерния. СПб., 1903. С. 30–31; Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. Тифлис, 1916. С. 190–237; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. Ставрополь, 1915. С. 12; Бутаев К. Политическое и экономическое положение Горской республики. Владикавказ, 1921. С. 32 (Подсчет авт.)

¹⁴⁶ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 839. Л. 1.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 312. Л. 1–2-об; ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 1. Д. 39. Л. 2; Ф. 2314. Оп. 3. Д. 4. Л. 2; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXII (62). Дагестанская область. С. 76–77; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. С. 60–61; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. С. 3; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVIII (68). Терская область. С. 4; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXX (70). Черноморская губерния. С. 3. (Подсчет авт.)

¹⁴⁸ Константинов О.А. Северный Кавказ (Северо-Кавказский край и Дагестан). М.-Л., 1930. С. 46.

стического уклада в том числе, имело не столь значительный разрыв. Как видно, заявление И.Я. Куценко о том, что «малоземелье – прямое следствие колонизаторских действий и порядков»¹⁴⁹, не соответствует действительности.

Состояние аграрной перенаселенности вместе с тем усугублялось и субъективными просчетами правительственной политики, направленной на поддержание крупных феодальных имений, за которыми оставлялось право частной земельной собственности, рассматривавшееся как элемент традиционных отношений в «инородческой среде»¹⁵⁰. Но в действительности такая поддержка лишь создавала социальную напряженность, подрывая престиж государственной власти, так как владельцы крупных имений в стремлении к их расширению нередко захватывали общинные земли, пастбища, повышали плату за аренду или прекращали сдачу земель вообще¹⁵¹. По всему северокавказскому краю происходило обезземеливание крестьянских масс. Эти процессы, набирая силу, затрагивали различные категории сельского населения, в том числе и казачество. Однако в нагорной полосе они принимали угрожающие размеры.

Если во второй половине XIX в. наиболее распространенными здесь были наделы, не превышавшие 0,5–1,2 десятины, то к 1917 г. из-за прироста населения они сократились соответственно до 0,01–0,3 десятин¹⁵². Нормой же для края признавались участки в 5 десятин¹⁵³. После окончания Кавказской войны представители русской власти пытались разрешить аграрный вопрос для только что покоренного населения и часть «туземных обществ», расселявшихся в нагорной полосе Терской области, как уже отмечалось, переместили на равнину. Но эти мероприятия на Северо-Восточном Кавказе вскоре были приостановлены вследствие того, что запасы свободных земель истощились. В равнинных селениях, где земли

¹⁴⁹ Куценко И.Я. Указ. соч. С. 65.

¹⁵⁰ РГИА.Ф.1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 110.

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 266. Л. 2; Алиев У. Карачай. Ростов н/Д, 1927. С. 141; Кокиев Г. А. Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917–1921). Нальчик, 1946. С. 17–18.

¹⁵² Терские ведомости. 1893. 5 дек.; Кавказ. 1906. 8 февр.; Горская беднота. 1920. 12 сент.; Жизнь национальностей. 1920. 2 дек.; Там же. 1922. 19 мая; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62280. Л. 6-об–7; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1744. Л. 31-об; Ф. 14257. Оп. 3. Д. 278. Л. 25, 29; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 32–33. (Подсчет авт.).

¹⁵³ Там же.

преимущественно были высокого качества, наиболее распространенными в начале XX в. являлись наделы 6–9 десятин, соответствовавшие норме, а минимальные составляли 1–2 десятины¹⁵⁴.

На остроту аграрного кризиса, таким образом, оказывали влияние многие факторы. Некоторые из них не зависели от проводившейся политики. На обострение ситуации аграрного перенаселения существенное влияние оказывали, в частности, происходившие структурные изменения в сельском хозяйстве. Обезземеливание крестьянских масс, в том числе и казачества, происходило по всему северокавказскому краю. Это создавало предпосылки для распространения в ряде случаев протестных настроений, препятствуя интеграционным переменам. Аграрное обустройство северокавказской окраины между тем осуществлялось в интересах и «туземного населения». Обращение его к мирному созидательному труду рассматривалось в качестве одной из важнейших мер постепенного гражданского приобщения. Признавалась также важность установления правильных земельных отношений. Сложившееся право собственности при этом не нарушалось. Надежды возлагались на то, что привязанность к земле повысит расположенность к гражданскому развитию.

Антикризисные меры

Состояние земельной неустроенности иноэтнического населения на Кавказе, наиболее остро проявлявшееся в северных частях края, вызывало обеспокоенность в правительственных кругах. Представителями русской администрации велись поиски вариантов ее преодоления. С решением проблемы связывали и возможность устранения угрозы роста преступности. Информировав Николая II о сложившемся положении после целого ряда предпринимавшихся усилий его исправить, наместник граф И.И. Воронцов-Дашков 15 марта 1908 г. сообщал в Петербург: «Голоса о земельной нужде стали раздаваться почти во всех уголках Терской области, с этим вопросом нельзя не считаться»¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Цит. по: Цораев М. М. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 г. Нальчик, 1963. С.

Характеризуя обстановку на Северном Кавказе, он обратил внимание монарха и на то, что «недостаточность земельных наделов особенно ощутительна в горах»¹⁵⁶. Но, по уточнению наместника, «ничуть не лучше в этом отношении и положение «туземцев на плоскости», поземельное устройство которых считается законченным. Здесь, вследствие естественного прироста населения и семейных разделов, а также большого притока временно проживающих выходцев с гор, душевые наделы настолько уменьшились, что совершенно недостаточны для продовольственной нужды населения»¹⁵⁷. На острогу возникшего состояния аграрного кризиса в крае оказывали влияние, как уже отмечалось, и происходившие структурные изменения в сельском хозяйстве, начавшиеся еще во второй половине XIX в.¹⁵⁸

И.И. Воронцов-Дашков указывал и на настоятельную потребность преодоления неблагоприятной экономической ситуации «для сохранения престижа русской власти среди туземного населения Северного Кавказа»¹⁵⁹, что способствовало бы, безусловно, ослаблению социальной базы сепаратизма. По убеждению наместника, «наделение землей горцев Кубанской и Терской областей... должно укрепить у них веру, что отечество о них заботится». После прочтения его обращения Николай II сделал надпись: «Все это очень правильно»¹⁶⁰. Тем самым было продемонстрировано единство государственной власти в проведении официального курса. Внимание уделялось и земельному обустройству аульных обществ, которое также признавалось одним из звеньев интеграции.

Ситуация аграрной перенаселенности вызывалась объективными причинами, которые иногда своевременно не учитывались в российской политике. Так, в 1907 г. наместник его императорского величества на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков возбудил ходатайство о наделении землей 26 аульных обществ «Майкопского и Баталпашинского отделов Кубанской облас-

23.

¹⁵⁶ Там же. С. 23–24.

¹⁵⁷ Там же. С. 24.

¹⁵⁸ Константинов О. А. Северный Кавказ. (Северо-Кавказский край и Дагестан). М.-Л., 1930. С. 46.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1, 40.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1, 40.

ти»¹⁶¹. Служебная переписка по данному вопросу велась не только между краевыми административными инстанциями. Для положительного решения, осложнявшегося вступившим в юридическую силу правом прежней принадлежности, наместник выходил на самый высокий государственный уровень¹⁶².

При этом выдвигались исторические обоснования и соображения необходимости устранения препятствий для дальнейшего сближения «туземных обществ» с Россией. В послании в Петербург из краевого центра Тифлиса, в частности, констатировалось: «В 1872 году распоряжением его императорского величества наместника Кавказского 26 аульным горским обществам за недостатком надельных земель отведена была в пользование Фарская лесная дача»¹⁶³. Внимание высшего руководства в справочном комментарии обращалось на то, что «по совершенно случайным причинам» она в «конце прошлого столетия изъята была казною»¹⁶⁴. Преднамеренность в возникновении недоразумения, как видно, со стороны администрации отсутствовала.

В доводах И.И. Воронцова-Дашкова во главу угла ставились прежде всего интересы самого «инородческого населения», заставившие приступить и к практическим действиям. В послании наместника отмечено: «Ныне уполномоченные обществ обратились... с ходатайством о восстановлении нарушенных прав их на Фарскую дачу»¹⁶⁵. Настаивая на удовлетворении просьбы, И.И. Воронцов-Дашков указывает на важность соблюдения таких критериев сближения: «авторитет всякого правительства» поддерживается незыблемостью «законных распоряжений административных мест и лиц»¹⁶⁶. В его понимании это «особенно важно» выдерживать «в настоящее время»¹⁶⁷, то есть в условиях преодоления государственной властью последствий революционной смуты, охватившей и окраины империи.

Это также являлось, на мой взгляд, показателем наличия общеграж-

¹⁶¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1, 27.

¹⁶² РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

¹⁶³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

данских связей. Вместе с тем наместник просил «содействия... к возможно скорейшему разрешению в благоприятном для горцев смысле... ходатайства в видах справедливости и сохранения престижа русской власти среди туземного населения Северного Кавказа»¹⁶⁸. Непосредственные наблюдения убедили И.И. Воронцова-Дашкова в том, что «в общей массе» оно предано «безусловно... русскому правительству»¹⁶⁹. По заключению становится очевидно отсутствие серьезной сепаратистской угрозы даже на том кризисном этапе в развитии страны. Но применение интеграционных мер при проведении российской политики в крае по-прежнему не исключалось.

В контексте анализа интерес представляют и пометки на документе, в котором отражалось намерение восстановить нарушенные права ряда аульных обществ на Фарскую дачу. В верхней части слева выделено звание наместника применительно к Кубанской области как казачьему административному субъекту края: «Войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск гор. Тифлис». Справа указана дата обращения: «4 декабря 1907 г.». Внизу подпись «Гр. Воронцов-Дашков»¹⁷⁰. Вопрос судя по всему прорабатывался государственными структурами, торопливость и в этом случае не допускалась, хотя на первый взгляд можно сделать вывод о медлительности.

5 января 1910 г. управляющему делами Совета министров поступило очередное обращение наместника, в котором положительное решение в интересах «туземного населения» представлялось «актом государственной необходимости»¹⁷¹. В подтверждение излагались следующие доводы: «Во-первых, оно будет справедливым и юридически правильным; во-вторых, укрепит в населении сознание незыблемости распоряжений власти, и, в-третьих, поселит в сердцах кубанских горцев... благодарность и сознание, что они иноплеменники и иноверцы не пасынки в своем отечестве»¹⁷². Текст также заверен подписью наместника: «генерал-адъютант, генерал от

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-1-об.

¹⁷¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 38, 40.

¹⁷² РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 40.

кавалерии гр. Воронцов-Дашков»¹⁷³.

После ознакомления Николаем II наложена резолюция: «Все это очень правильно»¹⁷⁴, свидетельствующая об отношении монарха к ходатайству наместника о принятии решения в интересах иноэтнического населения северокавказской окраины. Вслед за этим Совет министров принял постановление «О передаче Фарской лесной дачи горским обществам Майкопского и Баталпашинского отделов Кубанской области»¹⁷⁵. В соответствии с установленными правилами принятия государственных решений Николай II на подлиннике обращения наместника поставил заключительную пометку: «Согласен»¹⁷⁶. Ее удостоверил, повторяя дословно резолюцию императора, П.А. Столыпин: «На подлинном его императорскому величеству благоудно было собственноручно начертать»¹⁷⁷. Далее следовала фраза «Скрепил», проставлена подпись с указанием должностей «председатель Совета министров, статс-секретарь»¹⁷⁸. Помощник управляющего делами Совета министров В.К. Плеве завизировал документ словом «Верно»¹⁷⁹.

Приоритетным направлением при разрешении аграрного вопроса являлась нагорная полоса. С 1905 г. была предпринята еще одна попытка устранить там положение земельного неустройства, для чего по распоряжению наместника его императорского величества на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова было образовано в г. Тифлисе особое совещание «из компетентных лиц», а в 1906 г. – комиссия для детального исследования на месте положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Северо-Восточного Кавказа, включая и нагорную территорию карачаевского народа в Кубанской области, завершившая работу лишь в 1908 г.¹⁸⁰

Собранные ею материалы совместно с выработанным законопроектом обсуждались затем в областных правлениях Терской и Кубанской областей, которыми были даны заключения, учитывавшие в том числе пожелания са-

¹⁷³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 40.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 40.

¹⁷⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 27.

¹⁷⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

¹⁸⁰ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912. С. 2–3.

мого населения. После этого они поступили на рассмотрение образованного в г. Тифлисе междуведомственного совещания, заседавшего с перерывами в 1909, 1910 и 1911 гг.¹⁸¹, что свидетельствует о серьезности намерений в решении проблемы. На эти совещания были приглашены представители населения нагорной полосы «для дачи необходимых объяснений». По итогам их работы было сделано заключение: «Скорейшее оформление этого дела имеет кроме решающего значения для самих жителей, существенное государственное значение, как для охраны земельных интересов плоскостного населения, так и в смысле поддержания порядка и спокойствия в крае»¹⁸².

Выверенный же и отредактированный проект закона о землеустройстве нагорных местностей Северного Кавказа с подробной пояснительной запиской наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова был представлен в Петербург, где он еще раз был подвергнут тщательному обсуждению в специально сформированном в столице междуведомственном совещании под председательством члена Государственного совета сенатора А.П. Никольского, замещавшего наместника его императорского величества на Кавказе в высших государственных инстанциях (установлениях)¹⁸³.

Выводы тем не менее еще на предварительной стадии получились неутешительными. Землеустройство населения в нагорной полосе оказалось невозможным, так как пригодных для возделывания земель здесь было всего 20%, такое же количество, около 22%, было и в Дагестанской области¹⁸⁴. Прирезки земли для него, так же, как и в равнинных аулах, были все же сделаны, но они оказались незначительными¹⁸⁵. Предпринимавшиеся попытки поиска новых массивов земель в пределах края наталкивались на серьезные трудности и требовали времени.

Одним из препятствий, существенно ограничивавших возможности снятия остроты аграрного вопроса, выступало и крупное феодальное зем-

¹⁸¹ Там же. С. 3–4.

¹⁸² Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928. С. 101.

¹⁸³ Цагалов Г. Указ. соч. С. 3–4.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 178; Кавказ. 1908. 24 дек.; Дагестан. 1918. 22 ноя. (5 дек.); Алиев У. Карачай. Ростов н/Д, 1927. С. 56. (Подсчет авт.)

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 37.

левладение. Однако высшие сословия «туземных народов» пользовались только некоторыми льготами, присвоенными русскому дворянству, и не были признаны в правах, которыми оно обладало¹⁸⁶. Вызывалось это тем, что претенденты заявляли о таких привилегиях, которые по адатам не полагались. Информация о них, как правило, поступала в административные структуры в искаженном виде. Для принятия выверенных решений проводился сбор сведений об адатах, начавшийся еще в эпоху Кавказской войны.

Получение достоверной информации на этот счет сопрягалось с рядом трудностей. Препятствием являлась, в частности, противоречивость адатов. С различиями сталкивались нередко даже в пределах одного аула. Сложность вызывалась и неточностью переводов. Так что дискриминация и в этом случае отсутствовала. Несмотря на то, что российская рецепция адатов так и не завершилась, с 1913 г. «высшим классам населения Кавказского края» было предоставлено в честь трехсотлетия династии Романовых «потомственное дворянское достоинство». Этому акту придавалось большое политическое значение¹⁸⁷. Проводившаяся политика в целом неизменно способствовала укреплению крупного землевладения¹⁸⁸.

При возникновении социальных конфликтов собственники получали государственную поддержку, что порождало недовольство и по отношению к власти¹⁸⁹. Между тем ликвидация феодальных привилегий лишь благоприятствовала бы прогрессу и решению аграрной проблемы в интересах большинства населения. Проведение таких преобразований в ряде случаев в период вхождения края в состав России повышало ее авторитет и усиливало притягательность перспективы ее подданства. Определенные надежды с 1906 г. возлагались на столыпинскую аграрную реформу, наместник неоднократно настаивал на начале ее проведения на Кавказе¹⁹⁰. Это так же, как предполагалось, должно было «объединить Кавказ с Россией», где зем-

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 177–177-об.

¹⁸⁷ Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. С. 63.

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 776. Л. 3–13.

¹⁸⁹ Калмыков Б.Э. Страничка революционной борьбы // Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 23–25; Такоев С. К истории революционного движения на Тереке. (По личным воспоминаниям) // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Владикавказ, 1926. С. 312.

¹⁹⁰ Цораев М.М. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1863 году. Нальчик, 1963. С. 24.

левладение на праве собственности уже получило преобладание над другими формами владения землей¹⁹¹.

Осуществление этого изменения предусматривалось на общих принципах земельной политики¹⁹². Но с учетом специфичности местных условий закон о закреплении за крестьянами общинной земли в частную собственность был распространен на иноэтнические административные образования Северного Кавказа чуть позже, чем в центральных губерниях России¹⁹³. Поскольку земли на этой окраине принадлежали государству, то при закреплении их «всех без различия» в собственность, не исключая и нагорные районы, наделы на общих основаниях облагались выкупными платежами¹⁹⁴.

Устанавливались они и при прекращении отношений феодальной зависимости, носивших вплоть до 1913 г. в некоторых районах даже публично-правовой характер¹⁹⁵. Но в этом случае государство частично их погашало, а крестьяне попадали от него на неопределенный период в экономическую зависимость¹⁹⁶. Земли церковные, мечетские и вакуфные отграничивались отдельно¹⁹⁷. Столыпинской аграрной реформой было намечено также постепенное прекращение кочевого скотоводства в крае и переход к более совершенным его формам¹⁹⁸. Таким образом, реформа также укрепила позиции крупных землевладельцев и в некоторой степени усугубила положение. В ней содержалось не только прогрессивное начало.

Внедрение закона о частной собственности на землю, заимствованного из опыта развития стран Запада и без учета цивилизационных особенностей России, на ее северокавказской окраине усилило обезземеливание крестьянских масс и не остановило нарастание деструктивных процессов. Прорисунки становились все более очевидными. В 1909 г. была произведена кор-

¹⁹¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 84–86.

¹⁹² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4200. Л. 22-об, 33; Кубанский сборник на 1916 г. Т. 21. Екатеринодар, 1916. С. 40.

¹⁹³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 84–86.

¹⁹⁴ РГИА. Д. 716. Л. 349-об–350.

¹⁹⁵ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 2069. Л. 35-об.

¹⁹⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49219. Л. 32-об–33; Д. 74263-а. Л. 29–29-об; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 36-об.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 86.

ректировка проводимой политики. В наместничество на Кавказе и на места были разосланы подписанные П.А. Столыпиным циркуляры, в которых содержались рекомендации считаться с климатическими и географическими условиями и в тех случаях, когда община экономически целесообразна, не производить ее разрушения. На Северном Кавказе это особенно касалось нагорной полосы¹⁹⁹.

Тем самым была предпринята попытка исключить радикализм в преобразованиях и дальнейший ход аграрной реформы поставить в зависимость от естественного эволюционного отбора. Несмотря на это, сила инерции сохранялась. Пользуясь правительственной поддержкой, крупные земельные собственники продолжали захват общинных пахотных и пастбищных угодий, повышали плату за аренду, прекращали сдачу земель нуждающимся вообще и предпринимали иные действия, ущемлявшие права крестьянства. В этой связи подавались многочисленные жалобы в краевую администрацию, в различные инстанции в Петербурге и самому монарху²⁰⁰.

Социальная напряженность на Северном Кавказе не снижалась. С 1910 по 1913 гг. по краю прокатилась волна восстаний, которые так или иначе были связаны с последствиями аграрной реформы. В ходе их происходил отказ выполнять прежние повинности, захватывались земли, и т.д. Балкарские сельские общества, например, стихийно спускались на равнину в пределы владений кабардинских князей, которые прилагали немалые усилия по их вытеснению обратно в горы, применяя нередко вооруженное противодействие и экономическую блокаду. Несмотря на это, противостояние периодически повторялось²⁰¹.

Наиболее массовым социальным протестом было выступление кабардинских крестьян в 1913 г. из-за Зольских участков, перешедших в собственность, охватившее постепенно до 3 тыс. человек. В самом начале движения собравшиеся дали при мулле клятву на Коране «действовать заодно». Владельцам восставшие заявили, что «пастбищные земли даны госу-

¹⁹⁹ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 332. Л. 1–20.

²⁰⁰ ГАРФ Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 4.

²⁰¹ См. подробнее: Алиев У. Карачай. Ростов н/Д; 1927. С. 141; Кокиев Г.А. Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть. (1917–1921 гг.). Нальчик, 1946. С. 17–18; История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 278, 280.

дарем императором всему... народу, а конезаводчики, получившие участки на Зольке, лишили все население лучшей части пастбищной земли, чем учинили ущерб их скотоводству»²⁰². Реакция властей по-прежнему оказалась предельно жесткой, и права собственников были защищены²⁰³. Очевидно, прежние подходы к земельному обустройству «туземных обществ» на Северном Кавказе, со ставкой на соблюдение традиционных привычных для населения норм, оказывались более выверенными и подходящими к местным условиям.

Вместе с тем по мере нарастания аграрного кризиса в среде иноэтнического населения все большее хождение получали разговоры о «насильственно отобранных землях», заселенных впоследствии казаками. Недовольство вызывала и возрастающая плата за аренду сельскохозяйственных угодий в станицах²⁰⁴. Казаки в свою очередь считали эти земли своими, добытыми «исторической славой». По их утверждениям, «общественная отдача в аренду станичной надельной земли... не приносит... особых выгод». На самом деле, занимая всего лишь 28% всей территории Терской области, казаки владели, по свидетельству их идеолога М.А. Караулова, около 90% этого пространства еще в XVI–XVIII вв., в XIX в., когда происходило включение горских обществ в российские пределы, они получили только незначительную часть земли²⁰⁵.

Мнение о том, что «правительство щедро наделяло землями тех, кто разорял страну», то есть казачество, не имеет подтверждения²⁰⁶. Факты показывают, что правда в данном споре была и на стороне казаков, и на стороне горцев, в его разрешении нельзя было становиться всецело на какую-либо из точек зрения. Поземельные отношения в крае издавна носили весьма запутанный характер, и России досталось непростое наследие, которое, несмотря на предпринимавшиеся усилия, так и не было упорядочено. Отбирание земельных участков у тех, кто был на ее стороне, весьма широко

²⁰² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 266. Л. 2–3.

²⁰³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 266. Л. 3.

²⁰⁴ Государственная дума. 2 созыв. Сессия 1. Т. II. Стенографические отчеты. Засед. 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906. С. 1037.

²⁰⁵ Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. (Памятка терского казака). Владикавказ, 1912. С. 115.

²⁰⁶ Куценко И.Я. Указ. соч. С. 74.

практиковал именно имам Шамиль²⁰⁷. Аграрное же обустройство «туземных народов» и на том и на последующих этапах признавалось при выработке российской политики одним из звеньев интеграции. Это свидетельствует об отношении к ним как к соотечественникам.

В европейских странах встречались также специфические ситуации, позволившие К. Марксу сделать вывод о том, что «национальный вопрос» в некоторых случаях может быть «неотделим от земельного»²⁰⁸. Но данный фрагмент его учения не дает оснований для утверждений о наличии аналогий в иных геополитических и цивилизационных ареалах. В 60–70-х гг. XIX в. «туземным народам» были сделаны значительные прирезки земельных угодий в предгорных и равнинных частях края. Участки выделялись периодически до тех пор, пока сохранялась возможность. В ряде случаев приращения территорий для занятий мирным сельскохозяйственным трудом оказались существенными. В большей части горских обществ аграрный вопрос получил разрешение.

Ситуация аграрной перенаселенности на северокавказской окраине Российской империи, как показывает предпринятый анализ, обуславливалась прежде всего ростом численности населения. Усугублялась она и субъективными просчетами правительственной политики, направленной на поддержание крупных феодальных имений, за которыми оставлялось право частной земельной собственности. Это ограничивало возможности снятия остроты аграрного вопроса. Проводившаяся политика способствовала укреплению феодального землевладения. Столыпинская аграрная реформа, имея такую же направленность, в некоторой степени усугубила положение. Попытки же устранить остроту аграрного вопроса на Северном Кавказе предпринимались вплоть до 1917 г.

²⁰⁷ Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. С. 82.

²⁰⁸ Маркс К. Письмо З. Мейеру и А. Фогту, 9 апреля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 556–557.

Библиография к приложению

Источники

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва)

- Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1.
Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1, 3, 19, 25.
Ф. 970. Военно-походная канцелярия Е. И. В. при императорской квартире. Оп. 3.
Ф. 14257. Штаб войск Кубанской области. Оп. 3.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

- Ф. 110. Штаб отдельного корпуса жандармов. Оп. 1.
Ф. 393. НКВД РСФСР. Оп. 1.
Ф. 1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Наркомнац РСФСР. Оп. 1.
Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства. Оп. 1.

ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР, г. Москва)

- Ф. 296. Комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР Наркомата просвещения РСФСР (Комнац). Оп. 1.
Ф. 2314. Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности (ВЧКАБ) Наркомата просвещения РСФСР. Оп. 3.

Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург)

- Ф. 932. Дондуков-Корсаков. Оп. 1.
Ф. 1276. Совет министров. Оп. 19.
Ф. 1284. Департамент общих дел. Оп. 241.

**Государственный архив Краснодарского края
(ГАКК, г. Краснодар)**

Ф. 454. Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1, 2.

**Центральный государственный архив
Республики Дагестан
(ЦГА РД, г. Махачкала)**

Ф. 2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области. Оп. 1.

**Центральный государственный архив
Республики Северная Осетия-Алания
(ЦГА РСО-А, г. Владикавказ)**

Ф. 224. Личные фонды. Оп. 1.

**Центральный государственный исторический архив
Республики Грузия
(ЦГИА РГ, г. Тбилиси)**

Ф. 12. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1883–1905 гг. Оп. 11.

Ф. 224. Наблюдающий за ликвидацией немецкого землевладения в Кавказском крае (1916 г.). Оп. 1.

Ф. 416. Кавказская археографическая комиссия 1866–1885 гг. Оп. 3.

Докладная документация

Государственная дума. 2 созыв. Сессия 1. Т. II. Стенографические отчеты. Засед. 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906.

Государственная дума. 4 созыв. Сессия 5. Засед. 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г.

Государственная дума. 4-й созыв. Сессия 5. Засед. 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г.

Сборники документов

Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 5.

Кубанский сборник на 1916 г. Т. XXI. (21). Изд. Кубанского област. статист. комитета. Екатеринодар, 1916. Екатеринодар, 1916.

Философское наследие

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

Шпрингер Р. Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии): пер. с нем. СПб., 1909.

Мемуарные и иные археографические свидетельства

Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991.

Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994.

Голушко Н.М. Моя украинская семья // В кн.: Голушко Н.М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2-х т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. Пер. с сербо-хорватского. М., 1992.

Калмыков Б.Э. Страничка революционной борьбы // Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.

Маркс К. Письмо З. Мейеру и А. Фогту, 9 апреля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32.

Такоев С. К истории революционного движения на Тереке. (По личным воспоминаниям) // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Владикавказ, 1926.

Справочные издания

Кавказский календарь на 1917 г. Под ред. Н.П. Стельмащука. Типография канцелярии заместника е.и.в. на Кавказе. Отдел статистический. Тифлис, 1916.

Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. (Памятка терского казака). Владикавказ, 1912.

Народы России: энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.

Обзор переселенческого дела на Кавказе за пятилетие 1908–1912 гг. СПб., 1913.

Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. Ставрополь, 1915.

Отчет начальника Кубанской области за 1915 г. Екатеринодар, 1916.

Отчет начальника Терской области за 1901 г. Владикавказ, 1903.

Отчет начальника Терской области за 1913 г. Владикавказ, 1914.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXII (62). Дагестанская область. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVIII (68). Терская область. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXX (70). Черноморская губерния. СПб., 1903.

Периодические издания

Газеты:

Горская беднота (Владикавказ). 1920–1921.

Дагестана (Петровск-Порт). 1917–1918.

Жизнь национальностей (Москва). 1918–1922.

Кавказ (Тифлис). 1907–1917.

Терские ведомости (Владикавказ). 1893–1915.

Журналы:

Терджиман (Переводчик). 1884. № 1.

Литература

Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Акопян С.Ю. Геноцид армян в период Первой мировой войны и его современные этнополитические и международно-правовые последствия. Ростов н/Д, 2006.

Алиев У. Карачаево-Черкесская автономная область. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под ред. М.П. Павловича, М. Султан-Галиева и И.П. Трайнина. Книга первая. Январь, 1923. М., 1923.

Алиев У. Карачай. Ростов н/Д, 1927.

Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980.

Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976.

Бутаев К. Политическое и экономическое положение Горской республики. Владикавказ, 1921.

Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX в. и общенациональная российская идея. М., 1995.

Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Дань лермонтовской судьбе (историко-литературоведческие этюды) / под ред. Н.Н. Великой. Армавир, 2004.

Виноградов Б.В. Деятельность генерала П.Д. Цицианова в контексте основных тенденций российско-северокавказских отношений первой поло-

вины XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа. Сб. научных статей. Краснодар, 2000.

Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар; Армавир, 2004.

Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. (Формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974; Шацкий П.А. Русская колонизация территории Карачаево-Черкесии // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1975.

Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963.

Гальцев В.С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // Известия СОНИИ. Т. 18. Орджоникидзе, 1956.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.

Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Монография. Нальчик, 2008.

Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927.

Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. Издал В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений. СПб., 1909.

Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995.

Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2005.

Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Изд. Терского обл. статист. комитета. Владикавказ, 1907.

Д-р Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. Перевод с французского А.М. Сухотина. М., 1924.

Захаров В.А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Нальчик, 2006.

Ибрагимова З.Х. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова на Кавказе (2-я половина XIX века) // Известия вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2010. № 3.

История Дагестана. Т. 2. М., 1968.

История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. М., 1959.

Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992.

Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этностатистическое исследование. СПб., 1996.

Кастелянский А. Предисловие // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. Под ред. А.И. Кастелянского. Изд. т-ва «Общественная польза». СПб., 1910.

Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.). М., 2006.

Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ставрополь, 2007.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. Т. I. М., 1987.

Козлов А.И. Каменистыми тропами... Исторический очерк. Ростов н/Д, 2008.

Кокиев Г. А. Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917–1921). Нальчик, 1946.

Константинов О.А. Северный Кавказ. (Северо-Кавказский край и Дагестан). М.-Л., 1930.

Коренев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе,

1967.

Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов н/Д, 1990.

Кризис самодержавия в России (1895–1917 гг.). М., 1984.

Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007.

Ливен Д. Российская империя и ее соперники с XVI века до наших дней: пер. с англ. М., 2007.

Мальцев В.Н. Начало реформирования традиционной системы земельных отношений на Северном Кавказе в 50–60-е годы XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа. Сборник научных статей. Краснодар, 2000.

Марченко Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (20–40-е гг. XX в.): военно-исторический аспект. Ростов н/Д, 2002.

Матвеев В.А. «Смотря по желанию...» // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2000. № 1–2.

Матвеев В.А. «Украина от Карпат до Кавказских гор»... Полемиические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. № 144. М., 2001.

Матвеев В.А. Военно-сословный фактор в этнодемографических процессах на северокавказской окраине России накануне революций 1917 г. // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград, 1995.

Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии... // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4.

Матвеев В.А. Сколько казачьих войск было в России? // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Первой региональной Кубано-Терской научно-практ. конф. Армавир; Железноводск, 1998.

Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма. (Социально-экономический очерк). Нальчик, 1965.

Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993.

Раждаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1925.

Ратгаузер Я. А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928.

Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978.

Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896.

Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века // Южнороссийское обозрение. Вып. 10. Ростов н/Д, 2002.

Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2002. № 3.

Славинский М. Национальная структура России и великороссы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 2004.

Такоев С. К истории революционного движения на Тереке. (По личным воспоминаниям) // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Владикавказ, 1926.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

Тройно Ф.П. Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и современность: Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1901.

Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000.

Фадеев А.В. Из истории крестьянской колонизации Предкавказья в дореформенный период (1875–1861) // Доклады и сообщения Института истории. Вып. 9. М., 1956.

Футорянский Л. И. Численность, национальный и религиозный состав

казачества в 1897–1917 гг. // Казачество в истории России: тезисы докладов Международной научной конференции. Краснодар, 1993.

Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912.

Цветков О.М. Адыгея в 2000–2009 гг.: победное шествие этничности // Южнороссийское обозрение. Вып. 63. Ч. I. Ростов н/Д, 2010.

Цораев М.М. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1863 году. Нальчик, 1963.

Шамба Т.М. Абхазия на пути приобретения суверенитета // Независимая Абхазия: проблемы и решения. Сборник научных статей. М., 2007.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис, 1907.

Содержание

Введение.....	3
Глава I	
Конфессиональные особенности окраины	
Процесс исламизации.....	12
Позиции православия.....	24
Глава II	
Совмещение цивилизационных различий	
Организация духовенства.....	36
Признаки интегрированности.....	50
Глава III	
Пределы устойчивости в 1917–1920 гг.	
Тенденция федерализации.....	68
Столкновение альтернатив.....	80
Заключение.....	86
Библиография.....	90
Приложение: Религиозный фактор в контексте демографической и аграрной политики на северокавказской окраине России во второй половине XIX – начале XX в.....	103

Научное издание

МАТВЕЕВ Владимир Александрович

Российская идентичность мусульман
Северного Кавказа: исторические особенности
формирования и проявления в кризисных условиях
на рубеже XIX – начала XX вв.

Монография

Подписано в печать 27.11.2016.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 6,65.
Тираж 500 экз. Заказ 4860.

Издательство Южного федерального университета.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1. Тел. (863) 247-80-51.